

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

Мурат Лаумулин

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ**

(к 550-летию Казахского ханства)

Часть III

**Изучение истории и этнографии казахов
в западном востоковедении**

Астана 2016

УДК 39
ББК 63.5
Л 21

*Утверждено к печати Ученым советом
Казахстанского института
стратегических исследований при Президенте РК*

Автор:

Лаумулин Мурат Турарович, доктор политических наук, профессор

Рецензенты:

Абусеитова М.Х., доктор исторических наук, профессор
Сыроежкин К.Л., доктор политических наук, профессор
Байзакова К.И., доктор исторических наук, профессор

Лаумулин М.Т.

Л 21 История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). — Астана: КИСИ, 2016. — 264 с.

ISBN 978-601-7476-13-7

Часть III. Изучение истории и этнографии казахов в западном востоковедении

ISBN 978-601-7476-16-8

В монографии рассматриваются древние и средневековые источники по истории Центральной Азии, включая сведения древних авторов о народах Центральной Азии, средневековые источники, автохтонные источники, мусульманская историография, а также китайские источники.

Особое внимание уделяется изучению истории и этнографии казахов, преимущественно в западном востоковедении. Здесь представлена самая широкая проблематика: ранние источники и сведения о казахах Нового времени; записи и наблюдения европейских путешественников и исследователей о казахах и Казахстане. Книга рассматривает феномен казахского номадизма в контексте таких научных проблем, как географический фактор и природная среда, социальная структура, политическая система и кочевая культура казахов.

Книга адресована широкому кругу специалистов по истории, историографии и востоковедению, международным отношениям, безопасности, геополитике, политологии и рекомендуется в качестве учебного пособия для факультетов и кафедр востоковедения, истории, политологии, международных отношений.

**Издание не предназначено для продажи
и распространяется бесплатно**

УДК 39
ББК 63.5

ISBN 978-601-7476-13-7 (общ.)
ISBN 978-601-7476-16-8 (ч. III)

© Лаумулин М.Т., 2016
© КИСИ при Президенте РК, 2016

*Corrige praeteritum,
praesens rege, cerne futurum*

*Исправляй прошлое, руководи настоящим,
предусматривай будущее*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть III. Изучение истории и этнографии казахов в западном востоковедении

Глава I. Ранние источники и сведения о казахах Нового времени	7
§ 1. Источник номер один — «Тарих-и Рашиди»	7
§ 2. Европейские путешественники и исследователи в Казахстане.....	34
Глава II. Казахское ханство.....	60
§ 1. Средняя Азия после Тимуридов	64
§ 2. Образование и расцвет Казахского ханства	72
§ 3. Закат Казахского ханства.....	86
§ 4. Присоединение Младшего жуза к России	91
§ 5. Борьба за Младший жуз	100
§ 6. Завоевание Среднего жуза	113
§ 7. Сопrotивление в степи	122
§ 8. Подчинение Старшего жуза и завоевание Средней Азии.....	131
Глава III. Казахский нoмадизм	135
§ 1. Географический фактор и природная среда	135
§ 2. Социальная структура	146
§ 3. Политическая система	155
§ 4. Кочевая культура казахов	168

Глава IV. Модернизация традиционного кочевого казахского общества.....	185
§ 1. Русское влияние	185
§ 2. Культурные изменения: европеизация и русификация	194
§ 3. Социально-экономическая модернизация	203
Глава V. Казахи за границей	208
§ 1. Казахи в Китае	210
§ 2. Казахи в Турции	225
§ 3. Казахи в Монголии	229
ҚСЗИ туралы ақпарат	255
Информация о КИСИ.....	257
Information about the KazISS.....	259

Глава I. Ранние источники и сведения о казахах Нового времени

§ 1. Источник номер один — «Тарих-и Рашиди»

Как отмечалось выше (Ч. I. Гл. VI. § 3.), историческое сочинение выдающегося средневекового историка и политического деятеля Востока Мирзы Мухаммед Хайдар Дулати (Дуглата) «Тарих-и Рашиди» является первым историческим источником, в котором упоминаются «казахи». Оно пользуется широкой и заслуженной известностью у востоковедов, источниковедов и историографов истории народов Центральной Азии. Сочинение высоко оценивалось и его современниками, историками конца XVI—XVIII вв. Такие авторы, как Амин Ахмад Рази, Махмуд ибн Вали, Шах Махмуд Чурас и другие, целые разделы своих сочинений основывали на материалах «Тарих-и Рашиди»¹.

По предмету своего исследования (история Моголистана, или Могулистана) и по своему происхождению, генеалогическому древу (из эмиров тюркского племени дуглат) Мирза Мухаммед Хайдар по праву принадлежит нескольким родственным народам, прежде всего тем, чья история связана с государством Моголистан, а это будущие казахи, кыргызы, уйгуры, отчасти — средневековые узбеки. Моголистан являлся той государственной структурой, в политических рамках которой на протяжении более полутора столетий (серед. XIV — нач. XVI) завершалось сложение трех тюркских народностей — казахской, киргизской, уйгурской.

Казахи обособлялись в период Моголистана в той их части, что составила Старший жуз, наряду со Средним жузом,

¹ В свое время сочинение М.М. Дулати Хайдара публиковалось в отрывках и полностью: Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). — Алма-Ата: Наука, 1969; Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. — Ташкент: Фан, 1996; Дулати Мухаммед Хайдар. Тарих-и Рашиди (Рашидова история): Перевод с персидского языка, 2-е изд. Дополненное. — Алматы: Санат, 1999. — 656 с.

формировавшимся в границах Ак-Орды и Ханства Абулхайра, и Младшим жузом в Ногайской Орде. Эти события в Средней Азии на рубеже XV—XVI вв., когда в ходе длительных войн на смену династии Тимуридов пришли к власти Шайбаниды во главе с Мухаммадом Шайбани — потомком хана кочевых узбеков Восточного Дашт-и Кыпчака Абулхайра, подробнейшим образом освещены в «Тарих-и Рашиди».

В «Тарих-и Рашиди» содержатся также исторические сведения о других народах Центральной Азии — калмаках (ойратах), тибетцах, кашмирцах, хезарийцах и др. Но именно история четырех родственных тюркских народов — казахов, кыргызов, уйгуров и узбеков — наиболее подробно освещена на страницах «Тарих-и Рашиди». Каждый из них вправе считать Мирзу Мухаммед Хайдар Дуглати своим отечественным историком.

Автор рукописи родился в Ташкенте, в разные города Средней Азии бросала судьба его в юные годы, в период упомянутой выше борьбы, и заняло это первые полтора десятка лет XVI в. В Кашгарии, где предки Мухаммед Хайдара, улусбеки — дуглаты, владели более трех столетий землями и городами, сам автор «Тарих-и Рашиди» прожил почти двадцать лет и Султан Саид-хан вверил ему «все дела войска и государства» (л. 173а). Он сожалеет, что из-за нездоровья не участвовал в поездке Султан Саид-хана в Моголистан на Чу, к Касым-хану, казахскому правителю (л. 176а — рук. «Тарих-и Рашиди» ИВ АН РУз № 1430); он пишет, что не видел других пограничных районов Моголистана, кроме южного (л. 236а), где расположены граничавшие с Моголистаном Фергана, Кашгар, Аксу, Чалыш и Турфан².

Основная цель его труда, по его словам, — написать историю монгольских (могольских) ханов Моголистана (Мого-

² В основу используемого перевода положен ташкентский список (Институт востоковедения АН РУз, инв. № 1430), датированный по палеографическим данным XVII в. и наиболее полный в сравнении с другими, использованными при работе с рукописями. Здесь и далее ссылки на данный текст.

листана) со времени принятия ими ислама, т.е. со времени Чагатаида Туглук Тимур-хана. До него, начиная с Чингис-хана, Монголией правили ханы — не мусульмане, и их история изложена во многих трудах, например, Джувейни, Рашид ад-Дина и др., отмечает Мухаммед Хайдар. На деле же он оставил в наследство потомкам первоклассный источник исторических сведений по политической, этнокультурной, социально-экономической жизни нескольких тюркских народов за 200-летний период развития их исторических судеб на территории обширного региона.

Исследуя историю Средней Азии и Восточного Туркестана, европейская историческая наука обратилась к сочинению Мирзы Мухаммед Хайдара «Тарих-и Рашиди» еще в середине XIX в. Но именно сведения о казахах и Казахстане из этого труда впервые привлекли в это же время внимание известного русского ориенталиста В.В. Вельяминова-Зернова. В своем четырехтомном историческом труде «Исследование о Касимовских царях и царевичах» он реконструировал историю Казахского ханства, опираясь на данные письменных источников на восточных языках, В.В. Вельяминов-Зернов опубликовал выявленные им, переведенные и систематизированные сведения о казахах, содержащиеся в «Тарих-и Рашиди», сопоставил их с данными ряда других источников («Джами ат-таварих» Калыргали Джалаири, «Абдулла-наме» Хафиза Таныша, «Хабиб ас-сийар» Хондемира и др.). Он изложил сведения по политической истории Казахского ханства, как она представлена Мухаммед Хайдаром, связав, по его данным, образование этого государства с фактом откочевки ханов Герая и Жаныбека из Дашт-и Кыпчака в Жетысу, высказал свое мнение о причинах закрепления за их подданными имени «казак», показал внешнеполитические связи и отношения казахских ханов с правителями могулов, узбеков, ногайцев.

Еще до публикации сведений о казахах из «Тарих-и Рашиди» В.В. Вельяминовым-Зерновым проявил особый исследовательский интерес к материалам этого источника выдающийся казахский ученый-востоковед и этнограф Ч.Ч. Валиханов. Он провел большую исследовательскую работу историка-источниковеда: им сделаны выписки из «Тарих-и Рашиди», составлены генеалогические таблицы по материалам Мирзы Хайдара, Кадыргали Жалаири и других источников, составлена схематическая карта Моголистана, установлен круг источников, на основе которых написал свой труд Мухаммед Хайдар. Материалы Ч.Ч. Валиханова из «Тарих-и Рашиди» были опубликованы лишь десятилетия спустя.

Со времени публикации сведений о казахах и Казахстане В.В. Вельяминовым-Зерновым ни один историк, обращавшийся к начальной истории позднесредневекового Казахстана 2-й половины XV — первых четырех десятилетий XVI в., не оставлял без внимания эти материалы первоклассного источника, не обходился без конкретных сведений Мухаммед Хайдара о казахах времени образования и первых десятилетий функционирования Казахского ханства.

Опубликованные В.В. Вельяминовым-Зерновым извлечения из этого первоисточника по истории казахского народа и его государственности были продублированы в сборнике «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», изданном в 1935 г. профессорами Д. Асфендияровым и П.А. Кунте³.

Исторический труд «Тарих-и Рашиди» Мирза Хайдар писал в Кашмире на протяжении нескольких лет. Сочинение состоит из двух частей — «дафтаров» (книг). Первый, в котором в систематическом порядке излагается история ханов-Чагатаидов Моголистана и Кашгарии со времени Туглук

³ Здесь и далее использованы вступительная статья и комментарии академика М.К. Козыбаева и К.А. Пищулиной к: Дулати Мухаммед Хайдар. Тарих-и Рашиди (Рашидова история): Перевод с персидского языка, 2-е изд. Дополненное. — Алматы: Санат, 1999. — С. 3—12.

Тимура (год вступления на престол 748/1347—1348) до Абдаррашид хана (940/1533 — начало правления), был написан в 952/1546 г. (л. 856), позже второго. Второй «дафтар», заверченный в 948/1541—1542 гг. (л. 92а), по объему почти в четыре раза превышает первый и представляет собой мемуары автора, которые, наряду с известным сочинением Захираддин Мухаммед Бабур (род. — 888/1483, ум. — 937/1530) «Бабур-наме», написанном на узбекском языке, являются образцом мемуарной литературы XVI в. на фарси. Оба этих автора принадлежали к одному и тому же правящему кругу людей, даже были двоюродными братьями.

Мемуарная и историческая части «Тарих-и Рашиди» представляют собой единое и неразрывное целое. Так, история современных автору могольских ханов, начиная с Йунус хана (866/1462 — начало правления), во второй книге сочинения иногда описывается с большими подробностями, чем в первой, и Мирза Хайдар в таких случаях отмечает, что «эти события изложены во втором «дафтаре».

Возглавляя военные экспедиции в Тибет и Индию, Мирза Хайдар оставил весьма ценные исторические, этнографические, географические и иные сведения. Помимо этого, «Тарих-и Рашиди» содержит обильный материал и по истории культуры того периода, в частности, много места в своем сочинении Мирза Хайдар уделит гератскому культурному кругу людей времени Алишера Навои.

Известия Мухаммед Хайдара о казахах обширны и разнообразны. Они касаются всех сторон жизни казахов — политической, этнической, социальной, культурной. Но они, эти сведения, не ограничиваются лишь данными, где конкретно упоминаются казахи или события, непосредственно относящиеся к истории этого народа и его государства. К истории казахского народа и его государственности имеют отношение также и другие материалы Мухаммед Хайдара. Во-первых,

это история самого государства Моголистан и его правителей — его составной частью был Юго-Восточный Казахстан (Жетысу). Во-вторых, как составляющая часть истории государства Моголистан — история дуглатов, история улусбеков из эмиров этого племени в XIV—XVI вв.

Эти сведения — основные в его труде, о чем не раз говорит сам автор на страницах своего сочинения. Важность проблемы Моголистана в истории Казахстана и Кыргызстана впервые отразил в своих сочинениях крупнейший востоковед России В.В. Бартольд, создавший многочисленные труды по истории тюрков позднего средневековья, в их числе по истории Жетысу и Притяньшанья. Часть материалов из «Тарих-и Рашиди» по Моголистану впервые включена, наряду с материалами о казахах, уже введенных ранее в научный оборот (1864; 1935), в изданный в конце 1960-х гг. сборник комментированных переводов извлечений из персидских и тюркских средневековых сочинений.

Они представляют собой оригинальные материалы из I дафтара «Тарих-и Рашиди» о событиях в Юго-Восточном Казахстане и в районе Туркестана (в Южном Казахстане) и являются неотъемлемой частью казахской истории. Исторические сведения о Моголистане, содержащиеся в «Тарих-и Рашиди», вместе с материалами Шараф ад-Дина Али Йазди, Хафиз-и Абру, Абд ар-Раззак Самарканди, Камал ад-Дина Бинаи, Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфাহани, Махмуда ибн Вали, Шах-Махмуда Чураса и других авторов дали исследователям возможность рассмотреть вопросы государственного устройства, состояния хозяйства, этнических процессов в рамках этого государственного образования, общественных отношений, внутривосточной истории, взаимоотношений с соседними народами в общих трудах и монографиях по истории Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана.

Государственный и историко-географический термин Моголистан (Могулистан) образован от этнонима могол (могул). Так всегда писали и произносили в Средней Азии и в целом на мусульманском Востоке название народа «монголы» Мирза Мухаммед Хайдар в XVI в., как и его предшественники, писавшие в XIV—XV вв. за сотню или несколько десятков лет до него — Низам ад-Дин Шами, Хафиз-и Абру, Муин ад-Дин Натанзи, Абд ар-Раззак Самарканди и другие авторы — называли «страной моголов» (монголов), «Моголистаном» (Монголистаном) регион Юго-Восточного Казахстана, Кыргызстана и части Восточного Туркестана. На этой обширной территории более прочно, чем в оседло-земледельческом Мавераннахре, сохранялись кочевнические традиции, в этот регион переместилось относительно большое, до двухсот тысяч, число кочевников, известных под именем (этнонимом) монголов. В Жетысу, Притяньшанье, как известно, состыковывались три монгольских улуса с их ставками (орду) и войсками — Джучи, Чагатай, Угэдэя, что и обусловило более многочисленную концентрацию здесь монголов по сравнению с другими, завоеванными на западе, территориями.

Мухаммед Хайдар-мирза неоднократно подчеркивает привлекательность этого региона для кочевников. Он пишет: «Моголистан — это степь», где «лошадей и скота очень много» (л. 104б—105а); отмечает, что территория Моголистана «представляет собой большей частью горы и степи» (л. 236б), что «большинство моголов никогда не были оседлыми» (л. 187а). Именно сюда, в степи Моголистана, стремятся вернуться из-за нехватки пастбищ «в степях Кашгарии» моголы в 20-х — 40-х гг. XVI в. («У улуса моголов врожденная тяга к Моголистану... все моголы будут стремиться туда» — л. 234б).

Название «Моголистан» в источниках имеет двоякое значение: как территория, регион, населенный моголами (мон-

голами) и как государство могольских ханов. Мирза Хайдар дает прекрасный историко-географический материал по Моголистану (л. 236б). Его территория простирается от Ташкентского и Туркестанского вилайетов на западе до озера Баркуля и города Хами (Комул) на востоке, от Балхаша и Тарбагатай, Черного Иртыша и, возможно, Алтая на севере до границ Ферганы и оседло-земледельческих оазисов Кашгарии на юге. Кашгар на севере, отмечает Мирза Хайдар, «граничит с горами Моголистана», а горы эти тянутся от Шаша (Ташкента) до Турфана и «упираются в земли калмаков» (л. 186а). Таким образом, Кашгария не входила в историко-географический регион под названием Моголистан.

Современники эпохи функционирования Моголистана как государства (XIV—XV) и Мирза Хайдар Дуглат уже в XVI в., явившийся свидетелем упадка этого государства и становления нового политического объединения той же династии Чагатаидов в Восточном Туркестане (Моголии или Могольского государства), применяли этнический термин «моголы» не только для обозначения переместившихся с востока собственно монголов, но и тюркского населения, как местного, так и пришедшего вместе с ними с востока.

В составе моголов Моголистана Мухаммед Хайдар-мирза называет более двух десятков племен, тюркских и монгольских по своему происхождению. Племена эти следующие: дуглат, духтуй, барлас, барки (йарки), урдубеги, итарджи, кунджи, чурас, бекджак (бекчик), карлук, макрит (меркит), шункарчи. В разных ситуациях названы еще представители: арлат, булгачи, аркинут (арканут), кераит, канглы, сальдуз, чагирак, туркмен и др. Упомянуты среди могольского населения уйгуры и сары-уйгуры. О кыргызах Хайдар-мирза пишет, что они «также могольское племя» (л. 85а). Джалаиры и кыпчаки действуют, по Мухаммед Хайдару, в соседнем госу-

дарстве эмира Тимура. Не упомянуты автором среди племен Моголистана усунь.

Появление составивших этнополитическую общность моголов Моголистана племен на его территории относится к раннему времени. Канглы, карлуки, кыпчаки, уйгуры относятся к тем древним тюркским народам Жетысу, Притянь-шанья и Кашгарии, которые развивали свою культуру и имели богатую событиями историю в Карлукском ханстве, государстве Караханидов, каганатах карахытаев, уйгуров. Под давлением событий, происходивших в собственно Монголии на рубеже XII—XIII вв., передвинулись с востока в Жетысу найманы и кереиты. В ходе монгольских завоеваний переместились на запад, на территорию Восточного Дашт-и Кыпчака, Жетысу, в Притяньшанье, Мавераннахр, мангыты, кыяты, барласы, кунграта, дуглаты, татары, джалаиры, барины и другие племена.

Завоевание привело с собой на эти земли не только монгольские, но и тюркские этнические группы. Постепенно, как и в соседнем Дашт-и Кыпчаке, где, по словам аль-Омари, «монголы стали точно кыпчаки», в Моголистане шел процесс тюркизации и монгольских племен, ассимиляции моголов тюркской средой. Мухаммед Хайдар-мирза отразил наличие вначале монголо-тюркского двуязычия у населения Моголистана, постепенно исчезнувшего. Мирза Хайдар засвидетельствовал, что моголов осталось «сейчас», то есть во время его работы над «Тарих-и Рашиди», «в пределах Турфана и Кашгара около тридцати тысяч человек» (л. 85а), и речь здесь идет о тех моголах, которые в окружающей тюркоязычной среде коренного населения Восточного Туркестана продолжали считать себя монголами, а к концу XVII в. слились с местным оседлым населением, утратив свой этноним «моголы» (монголы).

Но основная часть моголов Моголистана была тюркоязычной. Между прочим, есть сведения, что в XV в. в этом го-

сударстве насчитывалось 900 тысяч человек, согласно переписи войск, проведенной могольским ханом Шами' Джаханом, о чем сообщает Му ин ад-Дин Натанзи (хан произвел «досмотр тысячам и туманам войска. Насчиталось около 90 туманов. От множества войск у него помутился разум»). Тюркоязычность основной массы моголов признана исследователями.

Как представляется, «Тарих-и Рашиди» является одним из важнейших источников, дающих возможность раскрыть проблему этногенеза и этнической истории казахского, киргизского, уйгурского, в определенной степени и узбекского народов. Мухаммед Хайдар-мирза в своем труде отразил время завершения формирования трех тюркских народностей Центральной Азии, и формирование их завершилось в эпоху Моголистана (как и остальной части казахского народа, Среднего и Младшего жузов, — в эпоху Ак-Орды, Ханства «кочевых узбеков», Ногайской Орды). Они стали правопреемниками моголов, их государственности, этнического состава, достигнутого уровня социокультурного развития. Одновременно вливались в эти народы части одних и тех же могольских племен и родов, что обусловило их близкое родство.

В списках 92 племен илатийа или «узбекских» племен (92 баулы озбек) 13, части которых известны в составе народностей казахов, кыргызов, узбеков, каракалпаков, встречается не менее полутора десятков названий родов и племен, идентичных племенам, которые Мухаммед Хайдар относит к могольскому этносу. Понятно, что эти общие этнические группы попали в состав «узбекских» племен илатийа тем же путем, каким они вошли в состав моголов. Одна часть — из числа древних тюрков, тюркского населения Центральной Азии домонгольского времени (канглы, карлук, кыпчак, кушчу, кытай — потомки киданей, как и усуньские пласты — потомки еще более древних усуней). Другая часть — из

числа переместившихся в XIII — 1-й половине XIV в. с востока упоминавшихся выше тюркских и монгольских племен (найманы, керейты, барласы, дуглаты, аргыны, джалаиры и др.). Какая-то часть вливалась в состав узбекских племен илахийа позднее уже и из могольских племен Моголистана в XIV—XV вв.

Как и в бурное монгольское время рассыпались на огромной завоеванной территории уже сформировавшиеся прежде крупные тюркские народности и союзы племен (кыпчаки, карлуки, найманы, уйгуры и др.), а затем появлялись их части с прежними названиями в составе новых тюркских народов, но уже как составляющие эти народы родоплеменные группы, так и в период Моголистана основная часть моголов постепенно растворилась в составе упомянутых выше сложившихся тюркских народов региона. На рубеже XV—XVI вв. они стали именоваться этническими именами, сохранившимися до настоящего времени: казахи, узбеки, кыргызы, каракалпаки и др. Мухаммед Хайдар мирза приводит многочисленные примеры того, как рассеивались могольские племена по соседним территориям, где вливались в состав других этносов. Постоянно напряженной, с негативными для стабильности государства последствиями, была демографическая ситуация из-за внешних агрессий на его территории. Многие были угнаны в плен в Мавераннахр в период многократных набегов войск Тимура и Тимуридов на территорию ханства Моголистан (л. 25а и др.). Были уведены эмирами из племен барин и туркмен в Мавераннахр около 30 тысяч семейств (примерно 150 тыс. чел.), при этом главы семейств были там перебиты (л. 43а). Трагизм для моголов этого события был так велик, что видный исследователь проблем Моголистана и могольско-узбекских отношений О.Ф. Акимушкин полагает, что Мирза Хайдар допустил ошибку и цифру надо снизить до 30 тысяч человек.

Но основная часть могольских племен все же оставалась в регионе Моголистана и Манглай Субе (Кашгарии) и в политических, государственных рамках Моголистана, как показывает это Мухаммед Хайдар Дуглати, постепенно разделялась на три группы племен, каждая из которых спланировалась вокруг основного древнего этнического ядра. У кыргызской народности им стали алтайские кыргызы, передвинувшиеся в период Моголистана в Или-Иртышское междуречье и на территорию современного Северного Кыргызстана. Древние уйгуры Уйгурского каганата (744—840), через Уйгурское государство X—XIV вв., послужили основным ядром для одноименной народности в Восточном Туркестане. В казахском Старшем жузе таким древним ядром стали усунь, канглы, а позднее — дулаты, кераиты, жалаиры.

Значительная часть наиболее крупных могольских племен вошла в состав казахского Старшего жуза, и размещались эти племена примерно на тех же территориях. Известно, что длительное вхождение населения Казахстана в XIII—XV вв. сначала в улусы Чингизидов, а затем в систему государств послемонгольского времени — Ак-Орду, Моголистан, Ханство Абулхайра и Ногайскую Орду — способствовало укреплению традиций этнокультурного, экономического развития, военно-административной организации казахского общества в трех жузах. Одним из них был Старший жуз, занимавший территорию Жетысу — предгорья Джунгарского Ала-Тау, земли к югу от озера Балхаш, на юго-запад от реки Чу до верховьев Сыр-Дарьи. По данным конца XVIII в., в него входили 6 племен: дулат, ергели, сары-уйсун, жалаир, шаньшклы и канглы.

Появление наиболее крупных племен Старшего жуза на зафиксированной поздним источником казахской этнической территории относится к уходящим в глубь веков временам. По сведениям Мухаммед Хайдара-мирзы, дуглаты размеща-

лись во всех районах государства Моголистан — в Жетысу, в Прииссыккулье, в Кашгарии. Деятельность предводителей дуглатов, их политическое верховенство представлены Мухаммед Хайдаром на протяжении всего периода истории государства могольских ханов. Дуглаты были и в составе империи эмира Тимура, в «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди названы высшие чины из дуглатов в Самарканде, в том числе состоящие в родственных связях с Тимуром.

После ухода могольского хана Султан Саида основная часть могольских дуглатов оставалась на земле Жетысу. Именно на дуглатов устроил гонения в 30-х гг. его сын Абд ар-Рашид хан, и многие из них вернулись из Кашгарии в Жетысу. Они стали важнейшей частью Старшего жуза, дуглатами. Вполне сопоставимы данные о численности дуглатов: около 200 тысяч человек (40 тыс. семейств) в конце XVIII в. и около 120 тысяч («не менее 24 тыс. семейств» — л. 40а) при улусбеке Эмире Худайдаде Дуглате в XV в., хотя, возможно, не все его приверженцы были из дуглатов. Дуглат (доглат) — таково написание названия этого племени в рукописях «Та'рих-и Рашиди», «Бабур-наме» Захир ад-Дина Ба-бура, в «Хронике» Шах Махмуд Чураса, «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали, в сочинениях других персо- и тюркоязычных авторов. Канглы, древние обитатели западной части Жетысу, склонов Каратау, бассейна средней Сыр-Дарьи, были также одним из значительных этносов Моголистана и соседних Ак-Орды и Ханства Абулхайра. Они сыграли большую роль в этногенезе казахского народа. В Моголистане канглы действовали также под именем бекчики, и Мухаммед Хайдар объясняет причину замены этого этнонима.

Доказана исследованиями археологов, этнографов историческая преемственность в Жетысу от древних усуней до крупнейшего казахского племени сары-уйсун. Родоплеменные группы уйсин (уйсун, уйцин) в Ханстве кочевых уз-

беков, в Ногайской Орде часто упоминаются источниками. Усуни, как родовое название, есть в составе северо-кыргызских племен. О распространенности явления перемещения отдельных кочевых групп из одного политического подданства в другое говорят источники как об обычном явлении в смутное время средневековья.

Жалаиры, также крупное племя Старшего жуза казахов, оставшиеся, как и уйсун, вне внимания Мирзы Хайдара в качестве составляющей части могольского этнического сообщества, в освещаемое им время действуют на смежных с Моголистаном территориях к юго-западу (Южная Киргизия, Фергана), участвуют в мятежах против эмира Тимура, устанвливают связи с ханом Ак-Орды Урусом.

Автор «Тарих-и Рашиди» среди населения Моголистана называет кераитов и аргынов — племена, которые поздние источники (XVIII) относят уже к Среднему жузу. Их эмиры оказывали содействие первому могольскому хану, против кераитов посылал войска эмир Тимур. Источники упоминают кераитов на территории Северо-Восточного Семиречья, в районе Тарбагатая, по левобережью Или, в районе Алмалыка, Янги-Тараза. Аргыны размещались на обширной территории от реки Эмиль и Тарбагатая до Каратала и далее, на запад, до Сайрама.

Присутствие частей упомянутых и других племен Старшего и Среднего жузов отмечают письменные источники и археологические данные и в районе состыковки территорий этих жузов — в Туркестане. Представители канглов, кыпчаков, аргынов, дулатов, кунгратов, жалаириков из Южного Казахстана и Восточного Дашт-и Кыпчака были в числе тех 200 тысяч, которые собрались — по Мухаммед Хайдару — в Жетысу у казахских ханов Гирея и Жаныбека. Прибывшие в Жетысу приверженцы казахских ханов не занимали здесь пустые пространства, они вступили в тесный контакт, вырос-

ший в политический союз в рамках одного государственного объединения, с местными тюрками, состоявшими из тех же родственных родоплеменных групп — фактически обособившейся частью населения распадавшегося Моголистана. Постепенное обособление Жетысу от территорий, подвластных могольским ханам Юнусу, его сыновьям Махмуду и Ахмаду, сыну последнего Султан Саиду, в подробностях освещено Мирзой Хайдаром. Союз племен двух жузов лег в основу Казахского ханства, возникшего в середине 60-х гг. XV в. в западной части Жетысу.

Таким образом, Мухаммед Хайдар-мирза отразил в своем сочинении завершающий акт в длительном процессе сложения единой казахской народности — приобретение ею своего национального имени. В своем кратком очерке истории казахских правителей (лл. 46аб, 173б—177а) он объясняет происхождение названия народности, показав трансформацию этнического названия от общего с населением ханства Абулхайра этнополитонима «узбеки», через применение сдвоенного термина «узбеки-казахи» (узбек-казак), отразившего особенность этой части ушедшей, отколовшейся от основной массы населения Восточного Дашт-и Кыпчака (ставшей «казаками»), вплоть до появления нового этнонима казахи («казак»). И в «Тарих-и Рашиди», и в других источниках рубежа XV—XVI вв. этим этнонимом называется уже все население региона Жетысу, Восточного Дашт-и Кыпчака и Туркестана, т.е. всей территории Казахского ханства, каким оно стало при Касым-хане («Он подчинил своей власти весь Дашт-и Кыпчак» — л. 174а). Разъяснив происхождение названия сформировавшегося народа (его этнонима), Мухаммед Хайдар зафиксировал появление казахского этнополитического самосознания. Понимание казахами своей национальной особенности он вложил в известную речь Касым-хана, обращенную к могольскому хану Султану Саиду (л. 175 аб).

Мирза Хайдар показал, что в краткий срок, в жизни буквально одного-двух поколений, термин «казак» стал доминирующим этнонимом. А в социальном значении термин «казак» применяется в «Тарих-и Рашиди» многократно: «вести жизнь казака», «время казакования» и др. Сам Мирза Хайдар, рассказывая о событиях истории этого народа конца XV—XVI вв., применяет только этот этноним, относя этноним «узбек» лишь к подданным Шайбанидов: «Казахи по приказу Касым-хана отправились на зимовку»; «Мир с казахами» — привел автор хронограмму по поводу встречи ханов Касыма и Султан Са'ида (лл. 176б—177а). Но применялся этот термин в качестве этнонима для обозначения давно уже сложившейся тюркской народности, этнической территорией которой были земли Жетысу, Восточного Дашт-и Кыпчака и Туркестана. Дальнейшая ее консолидация происходила уже в рамках ее национального государства — Казахского ханства.

Опыт развития государственности, обретавшийся многими поколениями тюрков на этих территориях с глубокой древности, хорошо представлен в «Тарих-и Рашиди» в связи с исследованием им истории Моголистана. В его труде показано административно-военное и территориально-этническое деление государства: крупные племена — улусы с их юртами имели характер административных единиц; в военном отношении население разделялось на тысячи и туманы (десять тысяч). Главой государства был хан из династии Чагатаидов. Его власть была наследственной, но сильно ограниченной волей знати крупных племен. Вторым лицом в государстве после хана был улусный бек (улус-беги). Названы Мирзой Хайдаром некоторые структуры государственного управления. Имелся в государстве маджлис — ханский совет из членов правящей династии (султанов, огланов), приближенных хана, а также знати крупных племен. Совет решал важные государственные дела.

Существовала главная государственная канцелярия — диван. Финансами и сбором налогов занимались дафтары. Среди высших государственных должностей и чинов Мирза Хайдар называет атабеков (воспитателей наследников хана), наибов (регентов), хакимов, даруга (наместников хана в области, городе), миршакаров (распорядителей ханской охоты), ясавулов (распорядителей церемоний на ханских приемах, празднества) и др. Существенными элементами организации государственного дела были: ведение письменной документации, скреплявшейся печатями, учет войск, перепись населения. Хорошо представлены Мухаммед Хайдаром организация военного дела в государстве, формирование войска, вопросы ведения боя, военной тактики, вооружения. Большое внимание уделяет Мухаммед Хайдар проблемам духовной жизни населения Моголистана. Он отмечает, что основатель этого государства Тоглук Тимур-хан первым принял ислам. Его заботы в этом важном деле продолжил Мухаммад-хан. «Он проявлял чрезмерную строгость в деле распространения ислама среди моголов» (л. 356). Речь идет об исламизации именно могольского (монгольского) населения, а местные тюрки приняли ислам еще в караханидское время.

Представляют большой интерес сведения Мухаммед Хайдара о социальной структуре населения Моголистана. Жителей южной части государства он делит на четыре «класса»: райяты (подданные, налогоплательщики), каучин (войско), аймаки (кочевые племена) и «обладатели шариатских должностей». Много материала дает Мухаммед Хайдар для характеристики социальных отношений, таких форм землевладения, как инджу, суюргал, икта, раскрывает сущность тарханских пожалований и т.д. Многие материалы «Тарих-и Рашиди» характеризуют хозяйственные занятия населения Моголистана и Кашгарии как в скотоводческом, так и в земледельческом секторе экономики государства. Важными являются

его материалы и личные суждения о проблемах взаимосвязи города и степи; он разъясняет стремление ряда могольских ханов к жизни «в городе и вилайете», подчеркивает суровость быта кочевников-скотоводов. Исключительно важны сведения Мирзы Хайдара о прошлом высоком развитии городской и земледельческой культуры Жетысу, разрушенных к исходу XIV в. его городах Баласагуне, Йанги-Таразе, Алмалыке и многих других, от которых сохранились только развалины и названия в старинных книгах (л. 2356—2366).

Эмиры из племени дуглат принимали участие в важнейших событиях политической истории Моголистана, заполненной войнами и усобицами, отражениями нападений со стороны соседних государств.

В средневековой мусульманской историографии имеется немало трудов, в которых содержатся разнообразные сведения о казахах под их собственным этнонимом или именем «узбеки-казахи». Это, прежде всего, литература из Средней Азии, так называемого шайбанидского круга начала XVI в.: «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» (аноним), «Шайбани-наме» Камал ад-Дина Бенаи, «Фатх-наме» Моллла Шади и др. Их авторы — современники событий эпохи образования и становления Казахского ханства. Казахи, по этим источникам, известны как народ, имеющий своих правителей — ханов, свою государственную организацию (улус), занимающую определенную территорию. Особняком стоят уникальные материалы «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфাহани о состоянии городов Южного Казахстана, о распространении ислама у кочевников Дашт-и Кыпчака, этнологические данные о хозяйственных занятиях, бытовой культуре, этнической территории казахов. Но в целом в шайбанидской историографии освещаются лишь отдельные события из жизни Казахского ханства, связанные непосредственно с деятельностью Шайбанидов — патронов авторов

этих источников. В основном в них говорится о походах в Дашт-и Кыпчак и Туркестан, в которых им противостояли казахские ханы Гирей и Жаныбек, Бурундук и Касым.

«Тарих-и Рашиди» написано Мирзой Мухаммедом Хайдаром почти 80 лет спустя после образования Казахского ханства. Этот промежуток времени дал возможность автору взглянуть на казахскую историю как на целую эпоху в жизни сложившегося народа и его государства. Именно в этом историческом источнике впервые, систематизированно, в виде краткого очерка, изложена история правителей казахского государства (улуса, ханства) более чем за 7 десятилетий, с конца 50-х гг. XV в. до конца 30-х гг. XVI в. Сочинение Мирзы Хайдара — единственный труд, где говорится о факте образования Казахского ханства, более того, сообщается дата этого события — 870 г. х. (1465—1466 н.э.), впервые сказано о расколе узбекских племен Восточного Дашт-и Кыпчака и Туркестана на «узбеков» и «казахов», так называемой «откочевке» казахов около 1459 г. Казахские ханы Гирей и Жаныбек не подчинились Абулхайр-хану, оставались самостоятельными правителями на части унаследованной от своих отцов — ханов Ак-Орды территории Дашт-и Кыпчака и Туркестана (Центрального и Южного Казахстана), признавались верными им родами и племенами — их, по словам Мухаммед Хайдара, «многочисленным народом» — правителями, ханами за десятилетия до откочевки. По сути дела, их деятельность в эти десятилетия напрямую связывала Ак-Орду и будущее Казахское ханство как в плане единой династической линии, унаследованных территорий и подданных, так и в плане развития единой казахской государственности с XIV в.

Гирей-хан и Жаныбек-хан не «бежали» в Жетысу, а подтвердили свою независимость, самоопределились, умело использовали для укрепления своего права на власть сложившуюся политическую обстановку, внутренние раздоры и

противоречия в ханстве Абулхайра и Моголистане. Они учитывали интересы близких по языку, культурным традициям, образу жизни родоплеменных групп Южного и Центрального Казахстана и Жетысу. Их действия объективно учитывали сложные процессы этнообразования, консолидации соседних тюркских народностей, потребностей укрепления их национальной государственности. И, прежде всего, они отражали интересы сложившегося казахского народа.

Причины и ход образования Казахского ханства, сложение его в мощное централизованное государство при Касымхане, дальнейшие судьбы казахского народа, в упорной борьбе и мирном сотрудничестве с соседями защищавшего свои коренные этнические территории, названные источником («Бадаи'ал-вака-и'» Зайн ад-Дина Васифи) термином «Казахстан», во всех подробностях исследованы на материалах источников, важнейшим из которых является столь значимый для нас и блестяще написанный труд Мирзой Мухаммедом Хайдаром Дулати «Тарих-и Рашиди».

С точки зрения историографического анализа выдающийся памятник XVI в. по истории Центральной Азии «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммеда Хайдара широко известен в научных кругах и является объектом пристального внимания ученых. Несмотря на исключительную важность данного сочинения как источника по истории обширного региона, включавшего в себя территории нынешних Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и др., содержащиеся в нем материалы еще не до конца использованы, на что указывают обращавшиеся к нему исследователи. Основная причина этого — отсутствие как критического текста «Тарих-и Рашиди», так и современного его перевода (английский перевод Е.Д. Росса, увидевший свет в 1895 г. является библиографической редкостью). Учитывая данное обстоятельство, в Институте

востоковедения АН РУз было решено осуществить научно-комментированный перевод этого большого труда (321 лист по ташкентской рукописи) с персидского на русский язык.

Отсутствие критического текста сочинения создавало определенные трудности при переводе. Переводчики старались в какой-то мере разрешить их привлечением к работе трех ленинградских (ныне Санкт-Петербургских) списков, английского перевода Е.Д. Росса, выполненного на основе нескольких рукописей и изданий сочинений «Зафар-наме» Шарафаддина Али Йазди и «Тарих-и джахангушай» Джувейни, отрывки из которых Мирза Хайдар включил в свое произведение.

Большая часть сочинения «Тарих-и Рашиди» — мемуары, в которых исторические события переплетаются с воспоминаниями автора о своей жизни и жизни своих современников — в них немало бытовых зарисовок, стихотворных вставок, принадлежащих перу самого Мирзы Хайдара, философских рассуждений автора о бренности земного существования, нравственных ценностях и пр. Все это изложено образным литературным языком, полным красочных метафор, эпитетов и метких сравнений. Автор «Тарих-и Рашиди», бесспорно, обладал литературным дарованием, поэтому его повествование захватывает читателя, заставляет сопереживать и воспринимать описываемые им события с неослабным интересом. Однако само повествование весьма неровно: оно либо точно и кратко, либо в основном в отвлеченных рассуждениях не всегда ясно. Сличение текста с другими списками «Тарих-и Рашиди» показало, что изменения, внесенные переписчиками в текст на протяжении нескольких веков, столь значительны, что на сегодняшний день можно говорить о наличии двух редакций сочинения.

При этом стиль «Тарих-и Рашиди», как отмечал А. Урунбаев, отличается непоследовательностью⁴. Автор постоянно

⁴ Там же. С. 18—19.

переходит от описания одного события к другому, затем вновь возвращается к нему и так по нескольку раз. Повторы — характерная особенность Мирзы Хайдара; создается впечатление, что он писал свои мемуары, не перечитывая их. Однако в целом сочинение написано образным литературным языком, насыщенным богатой лексикой и арабизмами.

Труд Мирзы Хайдара «Тарих-и Рашиди» получил широкое распространение на Востоке. В настоящее время его списки есть во многих хранилищах рукописей в мире, и все последующие восточные авторы исторические и географические сведения по Центральной Азии, Восточному Туркестану, Индии и др. черпали у него.

Так, Амин б. Ахмад Рази в «Хафт иклим» (написан в 1002/1593—1594) почти полностью заимствовал у Мирзы Хайдара сведения о Восточном Туркестане; Хайдар б. Али Рази в «Тарих-и Хайдари» (написан в 1028/1618—1619) при освещении чагатайских правителей Иарканда (Яркенда) и Кашгара опирался на материалы «Тарих-и Рашиди»; использовали сочинение Мирзы Хайдара Хайдар Малик в «Тарих-и Кашмир», Махмуд б. Вали в «Бахр ал-асрар фи манакиб алахйар» (написан около 1050/1640—1641) и Шах Махмуд Чурас (XVIII), который первую часть своей «Хроники» фактически построил на материалах «Тарих-и Рашиди». Труд Мирзы Хайдара привлек к своему сочинению «Тарих-и Амийния» и Мулла Муса б. Мулла Иса Сайрами. Мухаммад Касим Фиришта в истории Индии описание Кашгара приводит по «Тарих-и Рашиди». На этот труд опирались также Мухаммад Азам в «Истории Кашмира» и Хафиз Таниш в «Абдаллахнаме». В XVIII—XIX вв. «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара был переведен на уйгурский язык Мухаммадом Садиком Кашгари и Мухаммадом Нийазом б. Абдалгафуром.

Из западноевропейских ученых впервые сочинение Мухаммеда Хайдара привлек к своим исследованиям В. Эрскин.

Он воспользовался его сведениями при освещении истории Центральной Азии и Восточного Туркестана XV—XVI вв., привел выдержки из «Тарих-и Рашиди» при изложении истории моголов и дал ссылки на эту книгу в своих комментариях. В дальнейшем материалы из «Тарих-и Рашиди» по истории моголов, Центральной Азии и Восточного Туркестана были использованы в трудах Г.М. Эллиота и в книге Скрайна. Широкую известность среди западноевропейских ориенталистов сочинение «Тарих-и Рашиди» получило после выхода в свет в 1895 г. его английского перевода, осуществленного Е.Д. Россом.

«Тарих-и Рашиди» послужил основным источником для ряда исследовательских работ В.В. Бартольда, который привлек сведения Мухаммеда Хайдара ко многим своим научным публикациям, посвященным политической истории, истории культуры, городов, этнических групп и народов Центральной Азии⁵.

* * *

Тем не менее споры вокруг точной датировки создания Казахского ханства не утихают до сих пор. Празднование в 2015 г. на государственном уровне 550-летия этой даты только вызвало к жизни новую волну дискуссий среди специалистов. И практически все историки апеллируют к памятнику «Тарих-и Рашиди».

Как отмечает наш коллега Н. Атыгаев, вопрос о времени возникновения Казахского ханства, первого в Центральной Азии национального государства, которое носило имя соз-

⁵ См. также: Юдин В.П. Историографическая концепция автора «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдар доглата // Центральная Азия XIV—XVIII вв. глазами востоковеда. — Алматы: Дайк-Пресс, 2011. — С. 179—221; Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI в. — Алма-Ата: Наука, 1985. — С. 1—37; Абусейтова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии XIII—XVIII вв. (библиографические обзоры). — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — С. 89—106.; Кумеков Б.Е. Мухаммед Хайдар Дулат. История, личность, время. — Алматы: Ғылым, 2004.

давшего его этноса — казахов, является одним из самых дискуссионных проблем отечественной исторической науки. В казахстанской научной и научно-популярной литературе имеется множество работ, посвященных данной теме, хотя до начала 1970-х гг. вопрос датировки образования ханства в качестве научной проблемы специально не поднимался⁶.

В целом, считает этот исследователь, на сегодняшний день в историографии имеется несколько основных точек зрения относительно времени образования Казахского ханства.

По мнению К.А. Акишева, началом сложения узбекской и казахской государственности необходимо считать время образования Ханства Абулхайра, т.е. 1428 г. А. Хасенов считал, что после смерти в 1445 г. правителя Улуг (Большого) Улуса (преемника Золотой Орды — *Н.А.*) Улуг-Мухаммад-хана (эпического Орманбета) на территории Казахстана обособился Казахский улус и возникло Казахское ханство, которое не зависело ни от Абулхайра, ни от Могулистана⁷.

Наиболее распространенная в исторической литературе датировка — 1456 г. Ее сторонники (М. Тынышпаев, С. Жолдасбай, М. Магауин, К. Салгарин и др.) считают, что именно тогда произошла перекочевка Керей (Гирей) и Жанибека на территорию Западного Могулистана (Жетысу), после чего сразу же образовалось Казахское ханство. Б.Б. Карибаев (Карибай) определяет время образования Казахского ханства весной 1458 г.⁸

К.А. Пищулина считает, что «время образования Казахского ханства лишь приблизительно может быть определено

второй половиной 60-х гг. XV в.» и дата этого события — 870 г. х., то есть 1465/1466 гг., предложенная Мирзой Хайдаром, первая и единственная в письменных источниках датировка, вполне приемлема⁹.

По мнению Т.И. Султанова, с ним солидарен и киргизский академик О.К. Караев, сторонники Керей и Жанибека образовали Казахское ханство только после смерти Абулхайра, возвратившись из Жетысу на территорию Дашт-и Кыпчака, т.е. не раньше 70-х гг. XV в., около 1470/1471 гг.¹⁰

К. Данияров утверждает, что независимое Казахское ханство, которое он называет «третьим казахским государством» (первым казахским государством у него является государство Чингис-хана, вторым — улус Джучи), образовалось в 1480 г.¹¹

По мнению А.П. Чулошникова, его точку зрения разделяло в 50—60-е гг. XX в. большинство исследователей, образование Казахского ханства произошло в начале XVI в., после ухода Мухаммада Шейбани-хана и его сторонников с территории Казахстана в Среднюю Азию¹².

С.К. Ибрагимов считал, что в 30—40-е гг. XVI в. закончилась борьба потомков Жанибека и Керей с потомками Абулхайра и мангытами, после чего произошло объединение нескольких самостоятельных владений казахов, возникших к концу XV в., в одно государство — Казахское ханство¹³.

В результате вполне компетентного анализа Н. Атыгаев приходит к выводу, что распространенная в исторической литературе дата откочевки и образования Казахского хан-

⁶ Атыгаев Н. Когда образовалось Казахское ханство? // <http://newtimes.kz>; Атыгаев Н. Время образования Казахского ханства: некоторые аспекты проблемы в историографии и в источниках // *Отан тарихы* (Отечественная история). N 1. — 2006. — С. 96—107.

⁷ Акишев К., Хабдулина М. Казахское государство XV—XVI вв.: этническая территория, памятники культуры // *Евразийское сообщество: общество, политика, культура*. №1 (21), 1998. — С. 130—141.

⁸ Тынышпаев М. История казахского народа. Составители и авторы предисловия проф. Такенов А.С. и Байгалиев Б.А. — Алма-Ата: Гылым, 1993. — 224 с.

⁹ Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). — Алма-Ата: Наука, 1977. — 288 с.

¹⁰ Султанов Т.И. Некоторые замечания о начале казахской государственности // *Известия АН КазССР. Серия общ. наук.* — 1971. N 1. — С. 54—57.

¹¹ Данияров К. Альтернативная история Казахстана. — Алматы, 1998. — С. 34—35.

¹² Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. — Оренбург, 1924. — 294 с.

¹³ Ибрагимов С.К. К истории Казахстана в XV в. // *Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока* / Ред. И. Орбелн. — М., 1961. — С. 172—181.

ства — 1455—1456 гг. — самая вероятная. Таким образом, в августе 2015 г. исполняется 550 лет образованию Кереем и Жанибеком самостоятельного государственного объединения казахского народа — Казахского ханства.

Рассматривая источниковый комплекс по ранней истории Казахского ханства, наш коллега Н. Атыгаев приходит к выводу, что Казахское ханство, существовавшее на территории Казахстана в XV — начале XVIII в., было суверенным государством и выступало на международно-правовом поле как признанный другими государствами субъект. Данный тезис подтверждается материалами позднесредневековых исторических письменных источников, в которых содержится информация об его международных отношениях с рядом государств позднесредневековой Евразии. В частности, имеются многочисленные сведения о дипломатических контактах Казахского ханства с Московским (Русским) государством в XVI—XVIII вв. Факт существования дипломатических связей Казахского ханства и Московского (Русского) государства очень важен. Он свидетельствует о том, что русские правители рассматривали казахских ханов как равных партнеров.

Казахское ханство имело дипломатические отношения и с другими государствами. В русских архивных документах содержатся сведения, позволяющие нам говорить о существовании дипломатических взаимоотношений казахских правителей с Крымским ханством. Сохранились также исторические материалы, дающие возможность предположить о существовании взаимоотношений между Казахским ханством и Османской империей. Имеются исторические данные о дипломатических отношениях Казахского ханства также с Сефевидским (Кызылбашским) государством, которое существовало в период между 1501-м. по 1722 г. на территории Ирана и Южного Кавказа. В рукописных фондах библиотек Ирана имеются данные о дипломатических отношениях Ка-

захского ханства и Сефевидского государства во второй половине XVII в.

В последние годы выявлены исторические материалы, позволяющие предположить существование дипломатических контактов Казахского ханства и империи Великих Моголов в Индии. Целью дипломатических контактов Казахского ханства и империи Великих Моголов, вероятнее всего, была борьба против общих врагов узбекских правителей Средней Азии.

На востоке казахские ханы установили дипломатические связи с правителями Китая. Имеются данные о посольствах Керей-хана и Абу Саида (Жанибек-хана) в Минский Китай в XV в. Имеются исторические сведения об обмене посольствами между Казахским ханством и Могульским государством, существовавшим в Восточном Туркестане в XVI—XVII вв. Сохранились архивные документы, где содержатся сведения о казахских посольствах к ойратам-калмакам. Казахское ханство имело дипломатические отношения и с государством Алтын-ханов (Алтан-ханов), созданным в Западной Монголии халха-монголами.

Данные о дипломатических взаимоотношениях Казахского ханства и среднеазиатских государств Шибанидов и Аштарханидов содержатся в трудах мусульманских историков XVI—XVIII вв. Казахское ханство имело дипломатические отношения с Ногайской Ордой и Сибирским ханством, однако относительно этих контактов имеются фрагментарные сведения.

Таким образом, заключает Н. Атыгаев, содержащиеся в исторических источниках материалы убедительно показывают, что Казахское ханство было полноправным субъектом международных отношений и имело дипломатические отношения с рядом соседних государств. В целом, заключает исследователь, следует отметить, что история международных

отношений средневекового казахского государства еще ждет своего исследования.

§ 2. Европейские путешественники и исследователи в Казахстане

В первой части настоящего издания мы сделали попытку обрисовать картину центральноазиатских и евразийских исследований в Европе и на Западе в целом в эпоху становления научной ориенталистики — т.е. в XVII—XIX вв. В этой связи существенная часть информации, касающейся записок путешественников, свидетельств наблюдателей, разработок путешественников и географов, этнографов и лингвистов о Сибири, Центральной Азии, казахских степях, Туркестане, народах и племенах этих регионов, уже изложена. Тем не менее в данном небольшом разделе (опираясь на новейшие разработки и издания оригиналов нашими коллегами из ИИЭ им. Ч. Валиханова) мы еще раз сделаем акцент именно на тех европейских исследователях, которые непосредственно оставили потомкам сообщения о казахах.

Одной из ранних работ в Западной Европе, в которой были опубликованы свидетельства путешественника, была знаменитая книга амстердамского бургомистра и купца Николааса Витсена, опубликованная на рубеже XVII—XVIII вв. на ранненоголландском языке. Труд Н.К. Витсена «Северная и Восточная Тартария» вышел в свет в эпоху становления западного востоковедения, когда Старый Свет только начал открывать для себя ранее неизвестные европейцам внутренние части Евро-Азиатского континента, и поэтому он представляет собой один из наиболее ранних западноевропейских источников по истории и культуре казахов¹⁴.

¹⁴ Основные биографические сведения о Н. Витсене см. в предисловии Р.И. Максимовой и В.Г. Трисман к книге: Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664—1665. Дневник / Пер. со староголландского В.Г. Трисман. — СПб., 1996. — С. 5—12.

Николаас Витсен (1641—1717) происходил из амстердамского купеческого рода, многие представители которого занимали различные выборные должности в системе управления этого города. В юности Н. Витсен изучал в прославленной школе Атений в Амстердаме математику, астрономию и философию, а также занимался поэзией и гравированием; позже, в возрасте 22-х лет, переехал в Лейден, где изучал в университете правоведение и философию. Здесь же он подружился с профессором арабской литературы Голиусом, от которого получил много разных сведений о восточных странах и народах. В 1664 г. Н. Витсен защитил диссертацию по правоведению и получил диплом доктора права; затем, следуя сложившейся в Голландии научной традиции, отправился в 1664—1665 гг. в путешествие в Россию в свите голландского посольства Якова Борейля.

Находясь в составе посольства в Москве и некоторых других городах европейской части Московии, Н. Витсен систематически вел дневник, делал записи собранных им у разных очевидцев историко-этнографических материалов о народах Сибири, а также зарисовки видов посещенных городов. Со времени поездки в Москву в 1664 г. и до самой смерти в 1717 г. научные интересы Витсена были, прежде всего, связаны с Россией и сопредельными с ней странами Центральной Азии. Данное обстоятельство в конечном итоге предопределило основную тематику его обширного сочинения «Северная и Восточная Тартария». Подготовка этой работы автор посвятил, по его собственным словам, изложенным в предисловии ко второму изданию книги, 25 лет, и в 1692 г. она впервые увидела свет.

Десять лет Н. Витсен затратил на переработку первого издания для второго. Второе издание вышло в 1705 г., а третье, посмертное, только в 1785 г. Книга Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» стала первым в Европе сочинением о Сибири, которое включало также составленную автором подробнейшую карту сибирских земель и смежных с ней на юго-востоке азиатских территорий.

В этом обширном издании и приложенной к нему карте Тартарии (Сибири) Н. Витсен первым в Западной Европе смог дать достаточно достоверное представление о России и соседних странах Центральной Азии XVII в. В нем впервые четко обрисовано местоположение Казахского ханства в тот исторический период и приведены оригинальные детальные сведения о правлении различных казахских ханов в присырдарьинских городах.

Кроме того, Н. Витсен стал первым европейским исследователем, который собрал этнографические известия о яицких казаках, посвятив этой этнотерриториальной группе специальный раздел своего сочинения. Книга «Северная и Восточная Тартария» получила высокую оценку у его современников, сравнивших этот труд с «открытием Колумбом Нового Света», и впоследствии широко использовалась многими западноевропейскими и российскими исследователями в их научных трудах.

Как считает И.В. Ерофеева, в новое время определенную лепту в изучение истории и культуры народов Центральной Азии внесли французские путешественники и исследователи. В отличие от характера развития других западных востоковедческих школ, тесно связанных с прагматическими потребностями и интересами, путешествия французских исследователей на Средний Восток осуществлялись в этот период большей частью с научными целями, независимо от каких бы то ни было политических, коммерческих и миссионерских побуждений. Это было во многом обусловлено проведением во Франции в XVII—XVIII вв. многих модернистских преобразований в различных сферах экономики, политической жизни и культуры, а также расширением ее многосторонних связей с разными странами Востока¹⁵.

¹⁵ Французские исследователи в Казахстане / Пер. с фр. О.В. Рублевой. Сост. И.В. Ерофеева. — Алматы: Санат, 2006. — С. 4—12.

В XVII—XVIII вв. французские путешественники наиболее часто посещали Китай, Иран, Сирию, Кавказ и некоторые другие исламские страны. Благодаря их поездкам и продолжительному пребыванию в отдельных регионах Передней и Центральной Азии, во Франции к середине XVIII в. появились солидные собрания восточных рукописей, содержащих оригинальные сведения по истории и культуре разных тюркоязычных народов этих регионов. Одним из важных результатов накопления во Франции разнообразных востоковедческих знаний явилось издание в 1697 г. в Париже так называемой «Восточной библиотеки» (*Bibliothèque orientale*) — первого в мире фундаментально-энциклопедического словаря по истории народов Востока, подготовленного видным французским ориенталистом Бартеlemi д'Эрбело де Моленвилем (1625—1695). Впоследствии этот обширный труд трижды переиздавался в Европе (1776; 1777 — в Голландии и 1781—1783 гг. — во Франции) и получил широкую известность и признание в европейском научном мире. Среди множества его статей, посвященных различным вопросам истории и исторической географии многих афро-азиатских стран, несколько десятков текстов имеют непосредственное отношение к средневековой истории Центральноазиатского региона, в том числе к Юго-Восточному и Южному Казахстану. В 2003 г. сотрудниками Французского института исследований Центральной Азии во главе с его директором д-ром Венсаном Фурньо в Ташкенте был осуществлен перевод блока этих статей на русский язык и опубликован отдельным изданием¹⁶.

Из трудов французских миссионеров, посвященных истории центральноазиатских стран, больше всего известны: описание путешествия в Россию, Сирию и Грузию Филиппа

¹⁶ Центральная Азия глазами одного французского эрудита XVII-го века (отрывки) / Пер. с французского А. Акимовой. — Ташкент, 2003.

Авриля (1654—1698), опубликованное в 1692 г.¹⁷, к тексту которого приложена интересная карта Сибири и Китая; сочинения по истории империи Чингис-хана Антуана Гобилля (1739)¹⁸, сборник исторических картографических материалов Цинской империи, составленный и изданный секретарем миссии Жаном-Батистом Дюгальдом в 1735 г.¹⁹; полный атлас географических карт империи Цинов (1737), создателем которого стал видный географ и путешественник Жан-Батист Боргильтон д'Анвиль (1697—1782)²⁰. Во всех этих изданиях присутствуют оригинальные материалы, имеющие прямое или косвенное отношение к истории и исторической географии Северо-Восточного Жетысу (Семиречья) и Присырдарьинского региона, которые до сих пор остаются почти или совсем неизвестными современной казахстанской научной общественности. Отдельные работы французских иезуитов в первой четверти XIX в. изучил и частично использовал в своем обобщающем труде о казахском народе видный российский историк А.И. Левшин (1797—1879)²¹, но со времени выхода в свет «Описания киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей» (1832) материалы французских иезуитов больше ни разу практически не привлекались специалистами для исследования средневековой истории Казахстана.

На основе собранных иезуитами в Китае китайских и других восточных материалов, хранившихся в Париже, французский ученый-ориенталист Жозеф де Гинь (1721—1800) подготовил и издал в 1756—1758 гг. первый в науке фундамен-

тальный труд в пяти томах, непосредственно посвященный истории и культуре тюркоязычных народов Центральной Азии. Для данного произведения характерен широкий охват исторических источников, освещающих разнообразные события и явления социально-политической и культурной жизни региона с начала новой эры до конца XVII — начала XVIII в., и достаточно подробное изложение истории правления ханских «татарских» династий в различных частях его геополитического пространства. Основными объектами внимания автора здесь стали, наряду с древней гуннской державой, государства Средней Азии и Восточного Туркестана, которым уделено видное место во всех пяти томах их «Общей истории». В отличие от этих стран, описание собственно истории и этнографии Казахстана, помещенное в небольшом разделе «Ханы Ташкента, или татары Казачьей Орды и каракалпаки», является весьма лаконичным по содержанию, что наглядно отражает крайне ограниченный уровень исторических знаний китайцев и европейцев того времени о кочевниках-казахах.

В сравнении с исторической жизнью Восточного Дешт-и Кипчака политическая история смежного с ним на Юго-Востоке средневекового Могулистана, более основательно представленная в китайских и других восточных источниках, освещена в труде Ж. де Гиня значительно глубже и полнее, что в определенной степени дополняет и уточняет данные известных персо- и тюркоязычных источников по истории Юго-Восточного Казахстана в XIV—XVI столетиях.

Ж. де Гинь впервые в науке обратил особое внимание на роль тюркского компонента в этническом происхождении, образе жизни и социокультурном облике современных ему обитателей низовьев Яика и Яицкого городка, выделив их в особую маргинальную субкультурную группу, занимающую «пограничное» положение в языковом и культурном отноше-

¹⁷ Avril Ph. Voyages en divers Etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin a la Chin. — Paris, 1692.

¹⁸ Gaubbil A. Histoire de Gentchiscan et de toute la dinastie des mongous ses successeurs, conquerans de la Chine, tiree de histoire chinoise et traduite. — Paris, 1739.

¹⁹ Du Halde J.-B. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise. 4 vols. — Paris, 1735.

²⁰ D'Anville J.B.B. Nouvel atlas de la Chine, de la Tartarie Chinoise et de Tibet: contenant les cartes générales et paticulines de ces pays... — La Haye, 1737.

²¹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. 2-е изд. — Алматы, 1996. — С. 111—131.

нии между монгольскими и тюркскими народами внутренней части Евразии.

Наибольшее научно-практическое значение для развития историографии Казахстана имели работы известного востоковеда и путешественника немецкого происхождения Г.-Ю. Клапрота, опубликованные в изданиях Парижского Географического и Азиатского обществ в 1825—1826 гг. Генрих-Юлий (Юлиус) Клапрот родился в Берлине в 1783 г. в семье известного химика Мартина Клапрота. Уже с юношеских лет он начал интересоваться востоковедением и прилежно занимался изучением китайского языка. Высшее образование получил в университете в Галле по специальности «классическая филология», а после получения диплома в 1804 г. принял приглашение Петербургской академии наук занять в ней должность адъюнкта восточного языка и словесности.

В этой должности он почти семь лет работал в России, затем в 1811 г. переехал в Берлин, а через несколько лет — в Париж, где и умер в 1835 г. В 1805—1806 гг. Г.-Ю. Клапрот совершил продолжительное путешествие по южным районам Западной и Восточной Сибири в составе посольства Ю.А. Головкина, направлявшегося в Китай. В ходе этой поездки он собрал лингвистические, этнографические и географические материалы, которые позднее широко использовал в своих трудах. Перу Г.-Ю. Клапрота принадлежит ряд научных статей, посвященных разным вопросам истории, этнографии, лексикологии и источниковедения Центральной Азии, в которых определенное внимание уделено и казахскому народу.

В 1825 г. в журнале *Journale Asiatique* он опубликовал специальную статью о казахском языке с приложением казахско-французского словаря, состоящего из 400 слов. Научное значение этой работы состоит, главным образом, в том, что она стала одним из первых исследований в области

сравнительного языкознания. Кроме того, здесь приведены отдельные замечания этнографического характера о казахах, характеризующие уровень европейских представлений того времени о тюркоязычных кочевниках региона и типичные для них заблуждения и ошибки по поводу этнического происхождения казахского народа (гипотеза о енисейских киргизах как предках казахов).

Во второй половине XIX в. новые достижения французского востоковедения в изучении Центральной Азии были тесно связаны с проведением самостоятельных полевых исследований европейских ученых на территории Казахстана и среднеазиатских стран. Одной из наиболее важных поездок этого периода в далекие казахстанские степи явилась научная экспедиция профессора угрофинских языков и географии азиатских стран Парижской школы восточных языков Шарля Эжена де Ужфальви (Южфальви) де Мезо-Ковезда и его супруги Мари Ужфальви по Семиречью и русскому Туркестану, осуществленная по заданию министерства народного просвещения Франции в 1876—1877 гг. Результаты экспедиционных работ, проведенных супругами Южфальви, были представлены ими в шеститомном издании под названием «Научная французская экспедиция в Россию, Сибирь и Туркестан», в одном из томов которого дано подробное историко-этнографическое описание обследованных французами районов Жетысу, Южного Казахстана и смежных с ними областей Средней Азии.

Как уже отмечалось в первой части, автор этого труда — Шарль Эжень де Ужфальви (Южфальви) де Мезо-Ковезд (1842—1904) — венгр по происхождению, родился в Вене. Он с юности проявлял интерес к изучению финно-угорских языков и, обучаясь в университете, специализировался в сфере лингвистики и языкознания. В 1871 г. Ш.-Е. Южфальви получил в Париже вакансию профессора германских языков

в лицее Генриха IV, где он занимался изучением филологии, проявляя при этом большой интерес к новой для европейской науки того времени антропологии. В 1876 г. по заданию Министерства народного просвещения ученый вместе со своей супругой отправился через Оренбург в научную экспедицию по казахским землям и Средней Азии, в течение которой ему удалось за почти два года путешествий посетить Семиречье и оседло-земледельческие районы в бассейне Сыр-Дарьи, в том числе Северо-Восточное Приаралье и города Туркестан, Чимкент, Ташкент и Самарканд.

Во время экспедиции Ш.-Е. Ужфальви и его жена М. Ужфальви записывали свои наблюдения за жизнью и бытом местного населения, производили фотографическую съемку посещенных мест и изучали в библиотеках Оренбурга и Ташкента российские издания, посвященные истории и культуре казахов.

На основе собранных полевых и документальных материалов Ш.-Е. Ужфальви подготовил и опубликовал в 1879 г. специальный труд по этнографии и антропологии южных регионов Казахстана и Средней Азии. В нем содержатся емкие характеристики современных автору жизни и быта кочевого и оседлого населения Южного Казахстана и Жетысу, высказаны интересные суждения о типичных признаках внешнего облика кочевников-степняков, сартов и узбеков; даны колоритные и яркие описания увиденных присырдарьинских городов и их основных культурных достопримечательностей. В этом отношении заслуживает особого внимания замечательное по форме и детальному характеру изложения описание европейским путешественником развалин Жаркента в устье Сыр-Дарьи и знаменитой мечети Ходжа-Ахмета Яссауи в Туркестане, которые во многом дополняют и уточняют свидетельства русских авторов об этих выдающихся памятниках средневековой восточной архитектуры.

Информация аналогичного содержания приведена и в отдельной самостоятельной работе Мари Ужфальви, посвященной ее совместному с мужем путешествию по Семиречью и Туркестану, в которой автор попыталась выразить свои непосредственные путевые впечатления о впервые увиденном малоизвестном крае. Оба историко-этнографических труда, несмотря на присущие им отдельные недостатки и порой компилятивный характер некоторых сведений об экономике и культуре полиэтничного населения Центральноазиатского региона, внесли определенный вклад в разностороннее изучение казахских земель и казахов и, благодаря наличию в них большого количества оригинальных характеристик культурной жизни народов далеких азиатских окраин дореволюционной России и важных этнографических деталей, представляют собой ценные источники по истории и этнографии Южного и Юго-Восточного Казахстана.

Как отмечает И. Ерофеева, в середине XVI в. в Европе значительно возросла заинтересованность в установлении торговых связей со странами Центральной Азии через равнины России. С завоеванием последней сначала Казанского и в 1556 г. Астраханского ханств открылся прямой путь в Западную Сибирь и казахские степи, а также установился точный караванный маршрут, направлявшийся в сторону реки Яик (Урал) и Каспийского моря. Выгодной географической особенностью этих маршрутов решила воспользоваться Англия, которая уже тогда целенаправленно стремилась наладить активное присутствие на азиатском Востоке. Там в это время было создано коммерческое «Общество купцов, искателей стран, земель, островов, государств и владений, неизвестных и даже доселе морским путем не посещаемых»²².

²² Английские путешественники в Казахской степи / Пер. Д.М. Костиной. Сост. И.В. Ерофеева. — Алматы: Санат, 2006. — С. 4—8.

Одной из задач этого общества были поиски путей в Индию «через северные страны по Северной Двине, Волге и Каспийскому морю». Развитие британской торговой экспансии в направлении Индии и Ирана было тесно связано с изучением географии и миографии стран, расположенных между ними и Россией. Поэтому торговля Англии долгое время развивалась параллельно со сбором необходимых сведений о тех землях, куда разными путями и способами проникали британские купцы и предприниматели.

Первым англичанином, посетившим Казахскую степь и записавшим это в письменных материалах, был английский купец и дипломат Антоний Дженкинсон (*Jenkinson*; ум. ок. 1610). Он много путешествовал по Европе, Азии и Африке и четыре раза посетил Российское государство. С разрешением русского царя Ивана IV (Грозного) Дженкинсон дважды, в 1559 и 1562—1564 гг., ездил через Россию в Иран и Среднюю Азию. Дженкинсон выехал из Москвы в сопровождении служащих оршанской компании Ричарда Джонсона, Роберта Джосона и татарина-толмача с тюками различных товаров в апреле 1559 г. Достигнув Астрахани по Волжско-Каспийскому пути, путешественники дальше «ехали» на 1000 верблюдах, купленных у местных жителей», через Мангышлак и плато Устюрт, с торговым караваном проникли в ханства Средней Азии, Бухару и Хиву. Ввиду того, что английский купец имел специальную грамоту Ивана IV, он оказался фактически первым официальным представителем Московского государства в Средней Азии. В 1559 г. вместе с ним в Москву прибыли среднеазиатские посольства из Гучары, Балха и Ургенча.

Итогом путешествий А. Дженкинсона в Среднюю Азию явился труд, заключающий в себе немало ценных наблюдений по истории народов данного региона, краткую информацию о казахском хане Хакназаре (1558—1580), который вел

в те годы войну со среднеазиатскими правителями-Шайбанидами за присырдарьинские города, а также о занятиях и вероисповедании казахов.

Антоний Дженкинсон был одним из первых европейцев, который привел в своих записках подлинное самоназвание казахского народа, указав, что народ, воюющий с Ташкентом, называется «казахами» (*Cossacks*) и придерживается магометанской веры. По поводу казахов английский путешественник писал, что они «живут в степях, не имея ни городов, ни домов, и почти покорили вышеназванные города, так крепко заперев дорогу, что никакому каравану нельзя пройти не ограбленным». Характерны также замечания А. Дженкинсона о том, что казахский народ «живет толпами, т.е. ордами». Вместе с тем в труде Дженкинсона имеется краткое упоминание о войне, которую вел тогда сильный казахский правитель Хакназар-хан с бухарским ханом Абдуллой (1557—1598).

Описание путешествия А. Дженкинсона в Среднюю Азию было впервые издано в Лондоне в 1598—1600 гг. и затем неоднократно переиздавалось в Европе на английском и других языках. В Казахстане материалы английского путешественника стали известны в основном по их русскому переводу, выполненному Ю.В. Готье и опубликованному в Москве в 1937 г. С этого времени они неоднократно использовались историками страны при написании специальных трудов и учебных пособий по истории региона.

Наряду с описанием пройденных территорий, Антоний Дженкинсон составил также географическую карту «России, Московии и Татарии», в основу которой легли как собранные непосредственно им сведения по географии увиденных мест, так и данные опроса разных очевидцев. Эта карта была опубликована в Лондоне в 1562 г. и затем напечатана в Амстердаме в 1598 г. в атласе, изданном Барентом Лангенесом, с голландским текстом. В 1890 г. она была также опублико-

вана географом Д. Анучиным в России в 14 томе «Трудов Московского археологического общества». Благодаря карте А. Дженкинсона, европейцы смогли получить более уточненное представление о местах обитания казахов и их ближайших среднеазиатских соседей, что в некоторой степени стимулировало в Великобритании и других западных странах интерес к новым путешествиям на Средний Восток.

В XVIII — первой половине XIX в., в связи с включением большей части территории Казахстана в состав Российской империи, казахские степи стали более доступными для европейских путешественников и исследователей. В этот период в регионе побывали с торговыми и политическими целями капитан британской морской службы Джон Эльтон (1735), живописец Джон Кэстль (1736), торговец Реональд Гок (1741—11742), агенты Ост-Индской кампании Александр Бернс (1833), Джеймс Аббат, Ричмонд Шекспир (1840) и некоторые другие. Они посещали, главным образом, северные и западные регионы, степи и район Приаралья и позднее составили более или менее подробные описания этих мест.

Одним из первых европейцев, которому удалось осуществить путешествие в Юго-Восточный Казахстан и провести в казахских кочевьях довольно продолжительное время, стал английский художник Томас Вильям Аткинсон (1799—1861), совершивший свой вояж в эти районы Казахстана с разрешения царского правительства.

В отличие от многих предыдущих поездок англичан в Центральную Азию, семилетнее путешествие Т. Аткинсона по восточным окраинам Российской империи не преследовало политических целей, а было продиктовано в основном его личными научно-познавательными интересами и мотивами. В середине XIX в. на него, как и на большинство других высокообразованных европейцев того времени, сильное впечатление произвела и именитая книга Александра фон

Гумбольдта «Центральная Азия», опубликованная в Париже на французском языке в 1841 г. Утверждение великого немецкого ученого-естествоиспытателя и гуманиста о почти неизвестной стране «Небесных гор» как обширном хранилище многих неразгаданных тайн природы и истории древней цивилизации Евразии вызвало у Томаса Аткинсона сильное желание непременно проникнуть в этот загадочный мир и увидеть собственными глазами величественную панораму красочно описанных Гумбольдтом горных хребтов Тянь-Шаня.

Томас Аткинсон путешествовал по восточным провинциям России, в том числе по Казахстану и Северной Киргизии в 1848—1855 гг. В этой поездке его с самого начала и до конца сопровождала жена Люси Аткинсон, раньше служившая гувернанткой в семье генерала Муравьева. Путешествие началось из Петербурга в 1848 г. и продолжалось около семи лет. В течение этого времени супруги Аткинсоны проехали по территории Западной Сибири, посетили районы хребтов Каратау и Заилийского Алатау, Актау и Музтау, добрались до Капала — крайнего тогда российского форпоста на Юго-Востоке Казахстана, побывали в юго-восточных землях казахов Среднего жуза — в районе Аягузского пикета и Семипалатинска.

Во время путешествия по Казахстану и сопредельным территориям Северной Киргизии супругам Аткинсон довелось много раз бывать в казахских аулах, близко познакомиться с жизнью и бытом кочевого населения Среднего и Старшего жузов, установить хорошие личные контакты с отдельными представителями казахской знати, которые сообщили им ряд ценных этнографических сведений о казахах. В ходе продолжительной поездки по казахским кочевьям Томас Аткинсон подолгу останавливался в аулах кочевников, где обстоятельно беседовал с их старейшинами и знатными султанами, слу-

шал казахские народные песни и эпические предания, делал эскизы портретных изображений отдельных лиц и живописных пейзажей посещенных мест.

На основе собранных ими этнографических материалов Томас Аткинсон подготовил и издал в 1858 г. в Лондоне объемный труд (*Oriental and Western Siberia: a narrative of 7 years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghiz Steppes, Chinese Tartary and part Central Asia. — London, 1858*), который был иллюстрирован большим количеством рисунков разножанрового характера, выполненных самим автором. Жена Томаса Аткинсона Люси подготовила и опубликовала в Лондоне в 1863 г. книгу своих собственных воспоминаний о путешествии по Азиатской России, которая увидела свет уже после смерти ее супруга (*Recollections of the Tart ar Steppes and its inhabitants. By Mrs Atkinson. — London, 1863*), а затем была второй раз переиздана в США в 1970 г.

Большинству читателей в Казахстане и в других постсоветских странах книги супругов Аткинсон в основном известны по их русскому переводу, опубликованному в 1865 г. в Петербурге в одном издании с выдержками из сочинений А.-Т. Фон Мидцендорфа, Ф. Радде и других европейских путешественников²³. Вклад Т. Аткинсона в изучение этнографии Восточного и Юго-Восточного Казахстана впервые был отмечен и освещен в работах казахстанского историка К. Есмагамбетова, опубликованных в Алма-Ате на русском и казахском языках в 1976, 1979, 1992 и 1994 гг.

В книге Т. Аткинсона дано обстоятельное для того времени описание природы Юго-Восточного Казахстана и его жителей, характера взаимоотношений отдельных казахских султанов и родоправителей с представителями русской колониальной администрации, освещены вопросы хозяйства, не-

²³ Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т.У. Аткинсона, А.-Т. Мидцендорфа, Ф. Радде и др. / Составили А. фон Этцель и Г. Вагнер. Пер. с нем. — Спб., 1865.

которые обряды и обычаи казахского народа, приведены интересные зарисовки бытовых сцен кочевников того региона.

Следует отметить, что для Т. Аткинсона и его супруги Л. Аткинсон характерно теплое и доброжелательное отношение к казахскому народу, неподдельный интерес к его истории и культуре. Английские путешественники высоко отзывались о воинской доблести, гостеприимстве и поэтическом даре казахов, высказывали немало интересных замечаний об исполнительском мастерстве народных импровизаторов-акынов и восприятию их творческого дара соплеменниками.

В истории географических открытий и разносторонних исследований казахских земель заметный след оставили немецкие ученые и путешественники. Они собирали сведения об азиатских странах расспросным путем либо совершали продолжительные поездки с поручениями царского правительства в Казахстанский регион из европейской части России через Южный Урал и Сибирь. В период XVIII—XIX вв. основное место в накоплении географических и историко-этнографических знаний о казахском народе и регионе принадлежало выходцам из немецкой Прибалтики, которые состояли на русской службе и осуществляли свои исследования малоизвестных восточных территорий за счет финансовых средств Российской империи²⁴.

В первой половине XIX в., как отмечает И. Ерофеева, в результате включения большей части территории Казахстана в состав Российской империи, стремление царского правительства использовать его природные ресурсы в интересах развития промышленности, а важное стратегическое положение для расширения сферы экономического и политиче-

²⁴ Немецкие исследователи в Казахстане. Часть 1. / Пер. с нем. Л.А. Захаровой. Сост. И.В. Ерофеева. — Алматы: Санат, 2006. — 408 с.; Немецкие исследователи в Казахстане. Часть 2. / Пер. с нем. А.П. Евдокимова и Л.И. Быковской. Сост. И.В. Ерофеева. — Алматы: Санат, 2006. — 312 с.

ского влияния России в Центральной Азии требовали изучения этого региона в естественнонаучном и этнографическом отношении²⁵.

В этот период специальные исследования по географии, геологии, ботанике, зоологии, истории и этнографии в казахских землях проводили в составе дипломатических миссий и комплексных научных экспедиций большей частью немецкие ученые, которые были представлены в основном выходцами из Прибалтики. Лидирующую роль играли здесь ученые-естествоиспытатели Дорпатского университета, осуществившие целый ряд крупных научно-исследовательских экспедиций по Западному, Центральному, Восточному и Юго-Восточному Казахстану. Среди этой группы немецких исследователей и путешественников наиболее важный вклад в изучение географии и этнографии Казахстана внесли Г.Ф. Гене (1786—1845), П.П. Хельмерсен (1803—1885), Т.Ф. Базинер (1817—1862), А.И. Шренк (1816—1876) и некоторые другие.

Выходец из Лифляндии геолог и географ Грегор Хельмерсен в 1833 г. совершил научную экспедицию на Юго-Восточный Урал и в Казахскую степь, а в 1834 г. — на Алтай. В 1838—1839 гг. он вновь посетил Казахстан и исследовал геологическое строение Устюрта и других мест. Впоследствии Г.П. Хельмерсен стал автором одной из первых геологических карт России (1841). Наряду с детальным описанием географии и природы обследованных территорий, он собрал оригинальные сведения об отдельных сторонах жизни кочевников-казахов и русского переселенческого населения этих районов, которые имеют важное значение для современных историков региона.

Другой уроженец Лифляндии — ботаник Теодор Фридрих Базинер — во время путешествия в Хиву в составе миссии Г.И. Данилевского в 1842 г. изучал растительность, геологию

и минералогию Казахской степи, Хивы и Устюрта. Описанию своей поездки в Хиву Т.Ф. Базинер посвятил специальную работу, где впервые дал классификацию растительности Устюрта по характеру почв и подробно описал разные виды степной флоры, которые он наблюдал на обширном пространстве между городом Оренбургом и Сыр-Дарьёй. Кроме того, во время своей поездки в Среднюю Азию ученый внимательно изучал жизнь и быт кочевого и оседло-земледельческого населения обследуемых регионов.

Магистр Дорпатского университета сотрудник Санкт-Петербургского Ботанического сада Александр Шренк исследовал в 1840—1843 гг. обширную территорию Центрального, Восточного и Юго-Восточного Казахстана. Наиболее полно он описал в своих трудах Джунгарский Алатау и Балхаш-Алакольскую впадину, указав на единое в прошлом гидрографическое образование озер Балхаш и Алаколь. Основной печатный труд Шренка по геологии, географии и этнографии Казахстана, публикуемый в русском переводе в данном издании, был написан им на основе материалов путешествия в район Джунгарского Алатау в 1840 г. Но большинство его других работ, посвященных исследованиям 1842—1843 гг., в первую очередь описанию практически неизвестного в то время в науке района Юго-Западного Прибалхашья и Чу-Илийских гор (горы Хантау, Аныракай и т.п.), до сих пор не опубликованы.

Заслуживает особого упоминания Председатель Оренбургской пограничной комиссии (1825—1844) лифляндский дворянин генерал-майор Георг Герхард фон Гене, которого выдающийся русский востоковед Н.В. Ханыков (1819—1878) назвал «величайшим знатоком казахских степей и быта казахов». Большая часть служебной деятельности этого исследователя была связана с Оренбургским краем, благоустройству и изучению которого он посвятил почти всю свою сознательную жизнь. Г.Ф. Гене оставил обширное рукописное наслед-

²⁵ Там же. Часть 1. С. 4—10; Часть 2. С. 5—10.

ство по истории, экономике, этнографии, фольклористике и языкознанию казахского народа, изучавшееся А. Гумбольдтом и многими другими учеными.

Во второй половине XIX в. история и этнография среднеазиатских народов стали также одним из объектов научных интересов и исследований выходца из Нижней Баварии директора Ташкентской астрономической и метеорологической обсерватории Франца Шварца (1847—1903). После окончания Мюнхенского университета в 1871 г. он приехал в Петербург, где служил несколько лет в Пулковской обсерватории, а затем переехал по приглашению туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана в Ташкент и стал работать там с 1878 г. сначала в должности вице-директора Ташкентской обсерватории, а десять лет спустя — ее директором. В течение этого времени Шварц участвовал в нескольких топографических экспедициях, проводил астрономические, геомагнитные и метеорологические измерения разных мест на территории Туркестанского края, а также собирал различные историко-этнографические сведения о народах этого региона. В 1890 г. он покинул Туркестан и поселился в Мюнхене, где несколько лет занимался творческим трудом и издал несколько книг по истории, быту и культуре народов региона, в том числе казахов.

Труд крупного германского географа, этнографа и историка второй половины XIX в. Фридриха-Антоня Геллера фон Хеллвальда (1842—1892) «Центральная Азия. Ландшафты и народы» является широкоохватным по тематике и характеру использованных источников. В ходе его подготовки автор привлек множество известных в его время европейских и русских печатных изданий по географии, этнографии и истории Центральной Азии. Хеллвальду принадлежит важная заслуга в установлении тесной взаимосвязи культурно-исторических процессов с географической средой, что было

новым направлением для этнографической науки в XIX в. и принесло исследователю большую известность и признание еще при его жизни в европейском научном мире.

Как отмечалось выше, А. Вамбери в 1863 г. совершил под видом турецкого паломника-мусульманина опасное путешествие из Ирана в Среднюю Азию, где получил возможность сделать многие важные наблюдения по географии, экономике, общественным отношениям и культуре этих стран, недоступных в то время для европейцев. Вамбери стал первым европейским путешественником, которому удалось обойти и описать почти всю Среднюю Азию. А. Вамбери внес весомый вклад в изучение современного ему образа жизни и культуры казахского народа по материалам письменных и фольклорных источников. Это нашло отражение в его знаменитом описании путешествия в Среднюю Азию в 1863 г. В его книге «Примитивная культура тюрко-татарских народов» были описаны и взаимосвязаны лингво-лексические и историко-этнографические аспекты народной культуры казахско-кочевников дореволюционного периода.

Немецкие авторы, включает И. Ерофеева, были высокообразованными и добросовестными исследователями, отличавшимися большим трудолюбием, обширной для своего времени эрудицией в естественных и гуманитарных науках, кропотливым подходом к сбору полевого материала, а поэтому созданные ими труды по истории и этнографии Казахстана отличаются высокой степенью репрезентативности фактических данных и представляют несомненную практическую пользу для развития исторической науки.

Еще одна книга заслуживает безусловного внимания. Речь идет о вояжных записках Стивена Грэма «Центральная Азия глазами англичанина» (1916). Стивен Грэм родился в 1884 г. в Эдинбурге. В 1906 г. С. Грэм совершил свою первую поездку в Российскую империю. В 1909 г. Грэм решил кардиналь-

но изменить свою жизнь. Он уволился с работы и приехал в Россию. Путешествие по Центральной Азии описывалось в статьях, написанных по заданию лорда Нортклиффа, владельца и главного редактора *The Times*. Только два года спустя, в 1916 г., они были сведены в книгу²⁶.

Фактически книга С. Грэма важна для нас тем, что это подробное документальное свидетельство того, как шел процесс имперской колонизации (в естественном смысле этого термина) в Русском Туркестане, который вскоре повлек такие масштабные трагедии, как ужасы восстания 1916 г.

В разгар Первой мировой войны, в 1916 г., издательство *Cassel and Company* выпустило книгу английского писателя и путешественника Стивена Грэма (1884—1975), посвященную его путешествию через Центральную Азию и Алтай. В основу книги легли шестнадцать статей Грэма, печатавшихся в мае — июле 1914 г. В лондонской *The Times* и в еженедельнике *Country Life*. В них описывалась поездка автора по южным территориям Российской империи — от берегов Каспийского моря до Алтая. Путешествие началось 1 мая 1914 г., когда из Красноводска (который он называет одним из самых жарких, пустынных и убогих мест в мире) Грэм отправился в путь по Закаспийской железной дороге.

Отдельная статья (в книге — глава) посвящена исламу — и как религиозному учению, и как фактору, определяющему и направляющему жизнь многих миллионов жителей Азии и Африки. При этом Грэм спорит с постулатами Т. Карлайла. Еще одна глава посвящена Великому переселению народов и, вообще, той роли, которую сыграли кочевники в истории Евразии.

Путешествие Грэма выглядело так. После недолгой остановки в Ташкенте Грэм продолжил свое путешествие на восток. Сама дорога, которая идет примерно в двадцати милях

от гор Алатау, — это глубокие колеи, источник грязи после дождя и пыли в засуху. Но главное, что обозначает ее на местности, — это телеграфные столбы. Связь между Центральной Россией и Центральной Азией работает безукоризненно. После Чимкента и далее к востоку начались земли, достаточно плотно заселенные русскими крестьянами, перебравшимися сюда из Центральной России и даже из Сибири. Везде в деревнях, построенных примерно по одному и тому же плану, русскими инженерами-гидрологами проложены арыки, в которых плавают утки. Вдоль улиц густо посажены деревья, так что даже в полуденную жару под ними можно спокойно ходить. В каждой деревне — здание управы, церковь, школа, почтовая станция. Много лавок, трактиров; в крупных поселениях, как правило, есть свой кинотеатр. Самое популярное название кинотеатров — «Свет».

У въезда в каждую деревню на щите написано ее название, дата основания и количество жителей. Русские переселенцы привнесли в эти места новые сельскохозяйственные культуры. Выращивается много пшеницы и ячменя, но есть и поля с кукурузой, гречихой. Там, где позволяют климатические условия, выращивается много риса. Это чрезвычайно прибыльная культура, которая может дать до 100 рублей в год прибыли с одной десятины земли — отмечает Грэм. (Для сравнения, в нечерноземной России средняя доходность от озимой ржи составляла 3 рубля 92 копейки с десятины).

После Чимкента Грэм посетил Аулие-Ата (совр. Тараз; 1938—1994 — Джамбул). Этот город серьезно отличался, скажем, от Ташкента, где «азиатская» и «европейская» части существуют параллельно, не смешиваются. Здесь рядом с древней мечетью расположился дом современной постройки — гостиница «Лондон». Бок о бок с глинобитным каравансараем сверкает отмытыми стеклами окон ресторан. Правда, в жаркие месяцы большей популярностью пользовались ре-

²⁶ Зеленина Л.В. Центральная Азия глазами англичанина. Путешествие Стивена Грэма в 1914 году // Восточный архив (ИВ РАН). — 2014. — N 2 (30). — С. 31—36.

стораны под открытым небом, где столики были расставлены в густом саду, а кухня расположена как можно дальше, чтобы жар и чад не мешали посетителям. В городе имелось несколько театров и даже здание цирка. Возле старинного крытого базара в кинотеатре показывают комедию «Суфразистка» и драму «Кавказский пленник».

Кстати, на вопросе о кино и его «цивилизующей роли» Грэм останавливается отдельно. Он отмечает необычайную популярность этого зрелища, при том что высоким художественным уровнем показываемые ленты не отличаются: это в основном французские и итальянские фильмы ужасов, американские вестерны и романтические приключения, немецкие и скандинавские семейные драмы или, напротив, легкие комедии и фарсы. Научно-популярные фильмы, серьезные киноленты и экранизация классики составляют не более 11% от всего, что можно увидеть в пяти кинотеатрах Аулие-Ата.

Дальше Грэм двинулся в путь вместе с одним из многочисленных караванов переселенцев из Центральной России. Они пересекли Сырдарьинскую область и направились далее, в Семиреченскую. Грэм несколько раз выражает мнение, что у России хватает и земли, и полезных ископаемых, ее проблема — нехватка рук, чтобы освоить все это, значит, она не будет продвигать свои границы дальше.

Грэм описал русские села, стоящие вперемешку с казахскими станицами в предгорьях Алатау. О казаках он пишет, что это в первую очередь воины, а уже во вторую или даже третью — крестьяне. В целом Грэм с большим одобрением отнесся к политике русского правительства по освоению Центральной Азии. Вопросам переселенчества в той или иной степени посвящены восемь его статей из шестнадцати. Автор описывает свои встречи с караванами переселенцев.

Этот процесс — переселенческий, с виду бессистемный, идет под четким контролем правительства. Грэм приводит

документы: в начале каждого года по всем уездным городам рассылаются официальные списки губерний, в которых отведены земли для переселенцев из Центральной России и Сибири. Причем годом ранее в этих губерниях уже провели работу картографы и землемеры, нарезая участки на отведенных территориях: от 25 до 50 десятин на хутор, а в деревнях — от 8 до 15 десятин на каждого мужчину в семье. На засушливой территории уже проведены ирригационные работы, к землям будущих поселений подведена вода, дальше новые хозяева земли будут подводить ее к своим участкам самостоятельно, но под руководством инженеров-гидрологов, работы которых оплачивает государство. Грэм приводит запись своей беседы с таким инженером, который полгода живет с семьей в Петербурге, а полгода проводит в Туркестане, где руководит работами по обводнению полупустынных земель.

Когда список земель становится известен, в деревне выбирают ходоков — тех, кто должен ехать выбирать землю. Ходоков посылают по одному от 3—5 семей, но не меньше чем двоих от деревни. Это очень ответственная работа: выбирать землю, на которой отныне придется трудиться новым поколениям. При этом будущие переселенцы не смогут отказаться от земельных участков, которые выбрали для них ходоки. Ходоки получают в уездной управе документы. Чтобы неграмотные крестьяне могли разбираться в них, они напечатаны на цветной бумаге: паспорт ходока желтый, паспорт переселенца — розовый, документы, дающие право на перевозку багажа по железной дороге по специальному тарифу — зеленого цвета.

Кстати, поощрялся переезд в азиатскую часть Российской империи и рабочих любых специальностей, ремесленников, мелких торговцев. Артели рабочих могли подписать договор на выполнение работ по государственным контрактам, и тогда к месту работы их доставляли бесплатно, а обратные би-

леты они получали примерно за 30% стоимости. Поскольку ходоки могут далеко не сразу найти подходящую, с их точки зрения, землю, то их путешествие может продлиться три месяца, а может — три года. Грэм приводит таблицы расстояния, тарифов на перевозку людей и багажа, официальную статистику налогов и сборов. Он отмечает, что правительство вынуждено каждый год издавать новые карты, чтобы обозначить на них новые села. Кстати, церковь, почтовая станция и здание для школы в каждой новой деревне возводятся за государственный счет. Кроме того, государство оплачивает сооружение нескольких общественных колодцев.

Конечно, не все переселенцы добиваются успеха на новом месте. Каждый год до 15% возвращаются в родные места. Иногда неудача — следствие изначально неверно выбранного места, где обустройство новой деревни обусловлено скорее задачей обороны той или иной долины, чем возможностями вести в ней сельское хозяйство. Особенно часто это бывает в Семиречье, где военные задачи считаются важнее задач гражданских. Правда, Грэм подчеркивает, что большая часть неудачников — это те, кто поехал искать удачи, не дожидаясь возвращения ходоков, решил попытать счастья самостоятельно.

Грэм отмечает, что далеко не все чиновники, с которыми ему пришлось общаться, одобряют политику правительства в деле переселенчества. Слишком много вопросов остается неучтенными. Например, в Семиречье, на реках, которые текут с гор и отличаются резким перепадом уровня воды, государство построило двести мостов. Но на их обслуживание и ремонт выделяется двести рублей в год — т.е. рубль на мост.

Далее Грэм описывает путешествие до Семипалатинска, плавание на небольшом пароходике по Иртышу до Мало-Красноярска и поездку в глубь Алтайских гор. Здесь, на Ал-

тае, в станице Новоалтайская, в первых числах августа Грэма застало известие о начале войны с Германией.

В книге, опубликованной двумя годами позже, Грэм высказывал уверенность, что колонизованная Российской империей Центральная Азия на долгие годы, на столетия окажется одним из самых мирных регионов Старого Света. Но история показала, что он ошибался. После начала военных действий Грэм уехал в Петербург (Петроград). Последний год войны Грэм провел рядовым на фронте во Франции, вступив добровольцем в Шотландский гвардейский полк. Стивен Грэм не принял революцию в России — ни Февральскую, ни Октябрьскую. Временное правительство запретило ему въезд на территорию государства. Он больше не приезжал в Россию. Однако его интерес к этой стране никогда не исчезал²⁷.

Таким образом, сборник репортажей С. Грэма, сведенных в единую книгу, а до этого — книга немецкого экономиста Р. Юнге (Ч. I. Гл. III.) стали последними свидетельствами европейских интеллектуалов о прогрессивной роли Российской империи в Туркестане. Но уже вскоре история разыграла свой сценарий по разворачиванию советско-большевистской модели модернизации этого региона, которому эти европейские наблюдатели прочили такое благоприятное будущее.

²⁷ Hughes M. Beyond Holy Russia: The Life and Times of Stephen Graham. — Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2014. — XII + 357 p.

Глава II. Казахское ханство

После распада единого Еке улуса (Великий могульский улус) на территории Казахстана возник ряд государств — Ак-Орда, Ногайская Орда, Могулистан, Сибирское ханство, Ханство Абулхаира. В рамках постзолотоордынских государств на обширной территории от Волги до Семиречья и границ со Средней Азией формируется единый народ, с общими физиологическими чертами и неделимым, без каких-либо диалектов и говоров, языком, завершается многовековой процесс сложения казахского народа. Возникает мифическая единая родословная казахов — шежіре, которая обычно начинается с преданий о легендарном общем предке казахов — Казахбае, хане Алаша, согласно древним сказаниям рожденного волчицей.

Ранняя история Казахского ханства тесно связана с последней стадией в развитии и агонии империй степей. С некоторой оговоркой к ним можно отнести такие образования в XVI—XVII вв., как Казахское и Джунгарское ханства, своего рода последних эпигонов великих степных империй. Причем Казахское ханство было наиболее крупным по территории со времен Тимура образований в Центральной Азии и оказывало военно-политическое давление практически на всех своих соседей по периметру великой Туранской степи. С точки зрения легитимности Казахское ханство однозначно восходило к Монгольскому государству и поддерживало традицию чингизизма в степи. Более того, казахские султаны оказались последними в Центральной Азии носителями восходящей к Чингис-хану традиции державного суверенитета, что давало им возможность в течение столетий вмешиваться в политические события в государствах Средней Азии.

Данная легитимность, восходившая к Чингис-хану, Джучи и Бату, официально просуществовала в Казахской степи

до первой четверти XIX в., когда была упразднена русскими властями. С этого момента казахские торе потеряли право претендовать на правление в Средней Азии, а в ходе революции 1917—1920 гг. вообще исчезли как сословие. Таким образом, историю Казахстана можно рассматривать как постепенное угасание в степи политической традиции чингизизма. Это, безусловно, был бы чрезвычайно односторонний подход, но он отчетливо выявляет главную и доминирующую линию в историческом развитии казахов как последних эпигонов империй степей. Данный подход отличается как от марксистской концепции, сосредоточившейся на «разложении» феодальных отношений, так и от западного взгляда на развитие национализма в Центральной Азии как доминирующей линии в политическом становлении наций в регионе в новое время. Такой подход ставит казахов и их историческую судьбу особняком от своих соседей по региону и объясняет многие факты, казавшиеся ранее необъяснимыми. Что характерно, такой исторический подход позволяет по-новому взглянуть не только на многие факты и исторические процессы в XVIII—XX вв., но и на происходящее сегодня.

В послеордынское время, как отмечает А. Смагулов, на территории современного Казахстана развернулась ожесточенная борьба разных линий потомков Чингис-хана. В 20-е гг. XV в. происходит упадок Ак-Орды, государства, созданного потомками Орда-Ежена, первенца Джучи, и власть на этой территории захватывает Абулхаир-хан, происходивший из потомков Шибана, третьего сына Джучи. Возникает новое государство с тем же населением, но с другой правящей династией. В литературе это государство называют по имени основателя «Ханством Абулхаира» или «Государством кочевых узбеков», разделяя от поздних узбеков Средней Азии.

Сын Керя Бурундук и сын Жанибека Касым вели многолетнюю борьбу за объединение казахских племен с предста-

вителями других династий и расширение государственной территории. Наиболее сильным их противником был внук Абулхаира Мухаммад Шейбани-хан. Казахским правителям удалось одержать верх над ним и заставить его уйти в Среднюю Азию. Шейбани-хан увел с собой часть кочевых племен и осуществил завоевание Средней Азии. Они унесли наименование «узбек» на новые земли, оставшиеся племена признали власть потомков Орда-Ежена и стали называться «казахами».

При хане Касыме в 20-е гг. XVI в. казахские племена были объединены, а территория улуса казахов в основном совпала с территорией современного Казахстана. Он принял первое уложение законов «Светлый путь Касым хана».

Улус казахов просуществовал почти три столетия. Были периоды ослабления Казахского улуса, особенно при ханах Тахире и Буйдаше, однако государство вновь набирало силу и давало отпор многочисленным противникам.

Есим-хан включил в состав улуса казахов южные территории, в том числе Ташкент, который со временем стал столицей государства. При нем был принят свод законов «Извечный путь Есим хана», во многом восстанавливающий основные направления «Ясы» Чингис-хана.

Казахские правители воевали с правителями Средней Азии, Ногайской Орды, Могульского государства. Сильнейшим противником казахов стали кочевые племена калмаков (калмыков, джунгаров), создавшие в XVII в. на востоке Казахского улуса свое государство — Джунгарское ханство. Перед угрозой участвовавших джунгарских набегов наиболее усилил верховную власть хан Тауке. При нем в Казахском ханстве был принят свод законов «Жеті Жарғы».

Борьба с джунгарами была наиболее кровопролитной. Трагическими для казахов стали «Годы Великого бедствия» — 1723—1725, когда джунгары неожиданно напали на казахские

племена и принесли большие бедствия и разорения. Однако вскоре казахи, объединив свои силы, дали окончательный отпор врагу. Одно из знаменитых победных сражений казахов с джунгарами получило название Аныракайская битва.

Казахи сохраняли свою независимость до XVIII в. Абылай-хан был последним казахским правителем, власть которого признавала большая часть казахских племен. Его внук Кенесары, возглавивший в XIX в. борьбу казахов за независимость, был провозглашен всеказахским ханом, хотя не все племена признали его власть. После его смерти казахи потеряли свою независимость на почти полтора столетия.

Так сошло со сцены истории последнее государство тюрков-кочевников Евразии, которое вплоть до своего исчезновения свято следовало традициям степного номадизма. Возможно, его уход был предопределен его же исторической судьбой. Как отмечали А. Тойнби, Д. Снейс и др., кочевники давно стали заложниками собственной цивилизации, узниками климата и не имели перспективу в быстро меняющемся мире. Но на их древней территории остался народ, которому предстояло пройти через жестокие испытания, прежде чем создать качественно другое государство.

Английская исследовательница Ширин Акинер в своей книге «Формирование казахской идентичности: от племени к национальному государству» (1995) изложила свою концепцию происхождения и развития казахского государства. Согласно Акинер, в течение XIX—XX вв. казахское общество пережило ряд глубоких трансформационных процессов, сутью которых была эволюция от народа-племени к нации-государству. Средневековая история казахов была только прелюдией к этому рывку. Однако истоки казахской истории, как считает Акинер, следует искать за две тысячи лет раньше до создания современного государства (Akiner, 1995, p. 2).

Французская ориенталистка К. Пужоль в своей книге «Казахстан» отмечала, что история Казахстана является победой современного мира и идеологии оседлости над кочевой свободой, победой написанного над сказанным. Но ее специфика проистекает от исключительных качеств ее автохтонных актеров, сумевших сохранить определенную часть их прародительского наследия благодаря их гибкости, их адаптационному потенциалу и их памяти (Poujol, 2000, p. 5).

§ 1. Средняя Азия после Тимуридов

События, происходившие в степи после окончания походов монголов и до возникновения Казахского ханства, достаточно подробно описаны в книге Б. Брентъеса и Л. Альбаума «Господа степей» (1986). В описании событий XV—XIX вв. мы здесь следуем за этими авторами. Как известно, во время похода монголов в Европу Бату-хана сопровождал его брат Шейбан (Шайбан), который рассматривался как потенциальный властитель территорий, завоеванных на Западе. Однако после окончания похода в улус Шейбана вошли земли, лежащие между Уралом и верховьями Иртыша. Соседом улуса Шейбана была «Белая Орда», которая в конце XIV в. откочевала в приволжские степи. Ее кочевья перешли к племенам, входившим в улус Шейбанидов, которых все чаще и чаще называли узбеками. По-видимому, в состав улуса входили такие тюркские и тюркизированные монгольские племена, как тюрк, канглы, карлук, уйгур, джалаир, кытай, татар, могол, барлас, меркит и ряд других.

В 1428 г. Абул-л Хаир-хан, возглавлявший тогда улус Шейбанидов, сумел объединить кочевые племена между Тоголом, Уралом и Сыр-Дарьей и с 1430 г. начал борьбу против тимуридов на юге. В 1447 г. эти племена, которых современники упорно называли узбеками, оккупировали Сырдарьин-

скую область и сделали своей столицей Сыгнак. На севере, примерно на такой же этнической основе, сложилось союзное им Сибирское ханство. Абу-л Хаир-хан пытался воссоздать жестко централизованный племенной союз под своим началом, что вызывало недовольство части чингизидской знати. Некоторые из них вместе со своими родами во главе с султанами Джанибеком и Гиреем отделились от основного Узбекского улуса и ушли во владения Чагатай-хана в Могулистане (восточное Семиречье). В дальнейшем они получили (или приняли?) имя «казахи» и оказались втянутыми в длительные войны в степи (Brentjes, Albaum, 1986, S. 111).

Междуусобицами между родственными тюркскими мусульманскими племенами воспользовались буддистские монгольские племена Западной Монголии (ойраты), которые, в целях расширения своей степной империи, вторглись в улус Шейбанидов. В 1450 г. они глубоко проникли в туранские степи, а в 1456—1457 гг. разгромили Узбекское ханство и подвергли разрушению цветущие города Сырдарьинской области, после чего они уже никогда не смогли возродиться как крупные центры культуры, торговли и ремесел. Казахи воспользовались поражением соперников и в 1468 г. вернулись в родные кочевья и довершили разгром войск Абу-л Хаир-хана, который пал в сражении.

Один из внуков этого хана Мухаммед Шейбан пережил резню и в дальнейшем возглавил типичную для того времени военизированную банду кондотьеров, которые находились на службе многочисленных князьков, воевавших между собой за остатки владений тимуридов. Мухаммед Шейбани находился на службе владетеля Могулистана Махмуда ибн-Джунуса и сумел вновь объединить разрозненные узбекские племена в борьбе против наследников Тимура. Натиску узбеков не сумел противостоять Бабур, который несколько позднее вошел в историю как поэт и завоеватель Индии. В 1500 г. Мухаммед

Шейбан занял Бухару и Самарканд, затем Балх и Кундуз и всю Ферганскую долину. К 1505—1506 гг. они полностью сломили сопротивление тимуридов в Хорезме.

После смерти султана Хусейна Байкары Мухамед Шейбани без сопротивления занял Герат и овладел, таким образом, всем ядром владения тимуридов. Уже был запланирован его поход на Индию, но ему помешало растущее военное давление со стороны казахов, которые объединились в степях севернее Сыр-Дарьи и под руководством сына Джанибека хана Касыма (1509—1518) превратились в серьезного противника. Эти события получили отражение в казахском героическом эпосе, отмечают авторы. В «Едиге-батыре» и «Алпамыс-батыре» рассказывается об этой эпохе и вплоть до периода противоборства казахов с Золотой Ордой и Тохтамышем. «Сказание о Кобланды-батыре» повествует о закате Казанского ханства, а эпос «Ер-Таргын» отражает раннюю историю Крымского ханства (Wiener, 1950, pp. 280—291).

После смерти Касым-хана казахская степная империя, отмечают Б. Брентъес и Л. Альбаум, распалась на два десятилетия на три орды (жуза) — Большую, Среднюю и Малую. Когда они вновь силой были объединены в 1538 г., они по-прежнему угрожали узбекам вплоть до XVII в. В 1598 г. они заняли Бухару и с большим трудом были вытеснены отсюда. После возникновения единого Казахского ханства узбеки оказались между двух огней, так как с юга им начал угрожать сафавидский Иран. При шахе Исмаиле целью Персии стало подчинение Средней Азии. Шейбаниды превратили свое противостояние с шиитским Ираном в религиозные войны. В 1510 г., когда армия шейбанидов была втянута в сражения с казахами, шах Исмаил вторгся в их владения и занял Мешхед. В декабре 1510 г. Мухаммед Шейбани атаковал персов у Мерва и потерпел сокрушительное поражение, пав в битве. Его череп стал пиршественной чашей победителя, а из

голов его воинов персы сложили близ Мерва холм, который должен был символизировать их окончательную победу над узбеками. Кожу с головы узбекского султана Исмаил отправил его союзнику — турецкому султану Баязиду II (Brentjes, Albaum, 1986, S. 114).

Бабур, базируясь в Афганистане, с помощью персов-шиитов, владел Гератом и Балхом, а в 1511 г. ему открыл ворота Самарканд. Однако вскоре враждебность населения к нему и к оказывавшей ему помощь оккупационной персидской армии выросла до такой степени, что позволила племяннику Мухаммеда Шейбани Убайдулле в 1512 г. отбить у него Самарканд. Другой узбекский предводитель Джанибек нанес ему поражение к северу от Бухары при Гадждиване и окончательно изгнал Бабура из Средней Азии. В дальнейшем этому тимуриду удалось завоевать северную Индию и основать здесь в 1526 г. империю Великих Моголов, которая просуществовала до 1858 г. Индийские тимуриды еще в течение столетия вели войны за обладание Средней Азией, но в результате только потеряли остатки своих владений в Таджикистане. Последнее наступление великие моголы предприняли в 1646—1647 гг. и даже овладели Балхом, но их потери в этой кампании были столь значительны, что привели в конечном счете к ослаблению могольского государства в Индостане.

После битвы под Гадждиваном положение в междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи стабилизировалось. Сафавиды заимствовали от османов огнестрельное оружие и новые современные способы ведения боя, с которыми вскоре познакомились узбеки. Первым крупным сражением с применением огнестрельного оружия в Средней Азии произошло в 1529 г. при Турбе-и Шейх-Джаме в ходе многочисленных междоусобных столкновений узбекских ханов. При Абдулле II (1583—1598), который обуздал феодальных властителей, в регионе вновь получило толчок экономическое и

культурное развитие. Несмотря на поддержку наук и искусств, Абдулла II оставался в то же время яростным клерикалом, изгнавшим из Самарканда и Бухары студентов, что вскоре привело к духовной стагнации эти центры среднеазиатской культуры.

В 1595—1596 гг. узбеки потеряли территории к югу от Аму-Дарьи, а в 1599 г. к власти пришла новая династия Джанидов, изгнанная в 1554 г. из Астрахани русскими. С этого времени, считают авторы, и особенно после завоевания в 1579—1598 гг. казаками Сибири и падения Сибирского ханства при Кучуме, степные пространства Центральной Азии были отделены от лесных, что означало завершение целой эпохи в ее истории. Только Бухара продолжала оставаться значительным фактором силы.

При шейбанидах в Средней Азии большое распространение получили различные секты дервишей. Некоторые из них, как, например, суфийский орден Накшбандия, превратились в крупных землевладельцев со своей сетью мечетей, медресе и укреплений. Культовые сооружения — хазреты становятся в этот период культурными центрами, при которых развиваются каллиграфия, архитектура и декоративные искусства. В 1512 г. власть в Хорезме перешла к ветви шейбанидов, правившей до 1804 г. Ей пришлось выдержать первое русское наступление в начале XVII в. на Ургенч. Вторжение калмыков в 1613 г. заставило шейбанидов переместить столицу в Хиву (1620), и в дальнейшем их государство было известно как Хивинское ханство. Наиболее выдающимся представителем хивинской династии был Абулгазы Бахадур-хан (1643—1665), вошедший в историю как замечательный историк и поэт. Хива при Абулгазы Бахадур-хане и Бухара при джаниде Имам Кули-хане (1608—1640) пережили в XVII столетии свой последний культурный расцвет перед полутора столетиями стагнации. Бухарский властитель требовал стро-

ительства в первую очередь духовных сооружений. В конце концов он отказался от трона, чтобы в качестве паломника отправиться в Мекку. Влияние духовенства в этот период выросло чрезвычайно. Под его нажимом власть в 1647 г. была передана от брата Имам Кули-хана НаDIR Мухаммеда к его сыну Абд уль-Азизу (1647—1680).

Внутридинастийной борьбой в Трансоксиании воспользовались индийские тимуриды, которые при шахе Джохане (1628—1659) заняли Балх. Однако уже при Аурангзебе могольские войска с большими трудностями были эвакуированы из Балха. При Субхан-кули (1680—1702) регион пережил нечто вроде культурного подъема, ознаменовавшегося, как и прежде, строительством мечетей в Бухаре и Самарканде. К этому периоду относится возникновение национального узбекского эпоса «Хан-наме», который вместе с «Шах-наме» является крупным эпическим источником по истории тюрок. Внутри страны нарастала борьба между знатью, религиозными сектами и родами, обострились социальные противоречия. С большим трудом джанидам удавалось сохранять целостность страны и обороняться от моголов, Хивы и кочевников. В 1600 г. монгольский племенной союз торгутов прошел с боями через Среднюю Азию и Казахстан и проник до междуречья Волги и Урала, где в результате возникло Калмыцкое ханство, которое в союзе с русскими боролось против мусульманских ханств Центральной Азии. Одновременно возродилась ойратская конфедерация, попытавшаяся восстановить прежнюю Монгольскую империю.

В 1643 г. ойраты заняли Семиречье, в 1678 г. — Кашгар, в 1681 г. — Турфан, в 1683 и 1685 г. они разбили киргизов, которые со времени смерти Тимура пользовались независимостью. Ко времени борьбы киргизов с ойратами и Китаем относится содержание эпоса «Манас», самого крупного эпического произведения в истории человечества. Как

считают Б. Брентъес и Л. Альбаум, к этому времени относится появление наскальных изображений Будды близ Капчагая, сделанных, вероятно, ойратами. Неудачи ойратов в военной кампании против Китая заставили их повернуть на запад против казахов, которым они в начале XVIII в. создали действительно серьезную угрозу. Казахское ханство оказалось одновременно под давлением ойратов (джунгаров) на востоке и калмыков — на западе. Реальная угроза национальной катастрофы заставила казахов объединиться в 1728 г. под руководством чингизида — хана Абулхайра. Однако, несмотря на частичные успехи казахов, джунгарская угроза вновь выросла в 1740—1742 гг., когда джунгарам удалось проникнуть до русской границы. Это состояние постоянной угрозы, как отмечают авторы, вынудило Младший жуз (1731), а затем Средний (1740) и часть Старшего (1742) искать защиту у России. Однако российское присутствие было в XVIII в. чисто номинальным, и только разгром Джунгарского ханства маньчжурами (цинами) в 1757 г. устранил постоянную угрозу казахам. В 1758 г. цинам удалось проникнуть до Ферганской долины, где они столкнулись с сопротивлением киргизов, входивших в то время в новое государственное образование — Кокандское ханство (с 1710 г.), управлявшееся также шейбанидами. Киргизские племена, в свою очередь, вели с 1842-го по 1857 г. ожесточенные войны за освобождение из-под власти Коканда.

Наступление России и маньчжурского Китая привело к ликвидации степной казахской империи, управлявшейся чингизидами, а внутри казахского общества усилились социальные противоречия, вылившиеся в конце XVIII в. в выступления против собственных ханов и царской власти. Как считают авторы, Россия реально переняла ханскую власть в степи в период между 1822-м и 1848 г., в 1876 г. окончательно утвердила свою власть в степи после разгрома и оккупации Кокандского ханства (Brentjes, Albaum, 1986, S. 115—116).

Основным противником правивших в Бухаре джанидов в XVIII в. был Иран. При Надир-шахе (1736—1747) во время его знаменитого похода на Дели было предпринято также наступление на Бухару, закончившееся поражением джанидов. Вновь повторилась ситуация, когда правившая династия становилась всего лишь ширмой для реальных правителей. В данном случае такими реальными эмирами выступили мангиты, управлявшие от имени джанидов до 1785 г. В 1785 г. фактическую и официальную власть сосредоточил в своих руках эмир Магзумшах Мурад (1785—1800), предпринявший последнее крупное в истории наступление узбеков против Ирана. В 1788 г. был возвращен Мерв, а мервский оазис был превращен в пустыню в результате разрушения ирригационной системы и мургабского канала. Однако персы навсегда потеряли территории севернее Копет-дага. В 1842 г. в регионе появились первые английские агенты, и важнейшим фактором стало русско-английское противоборство. Насрулла-хан (1827—1860) сделал попытку укрепить государственную власть путем подавления племенной конкуренции и сужения всевластия мусульманского духовенства в городах. При Насрулле Бухара балансировала между Англией и Россией и одновременно перенимала современное вооружение и методы военного строительства, превратившись в сильнейшую военную державу Средней Азии.

В Хивинском ханстве происходили аналогичные события. В 1804 г. власть перешла от шейбанидов к новой династии Кунрат. Ей пришлось вести многочисленные войны за дельту реки Аму-Дарья с осевшими там с 1730 г. каракалпаками. Каракалпаки с 1500 г. владели кочевьями на Сыр-Дарье, однако наступление ойратов вынудило их уйти на юго-запад Аральского моря. К 1884 г. русскими было окончательно подавлено сопротивление Хивы и туркменских

племен, и на обширном пространстве от персидско-афганской границы до тайги утвердилась власть новой, абсолютно чужой для региона династии — российских императоров Романовых в Петербурге (Brentjes, Albaum, 1986, S. 117).

§ 2. Образование и расцвет Казахского ханства

История образования Казахского ханства достаточно подробно описана в книге М. Олкотт «Казахи» (1986). Олкотт вполне справедливо отмечает, что нехватка письменных источников не позволяет точно сказать, как создавалось казахское кочевое государство. В регион уже не приезжали европейские путешественники; восточные хронисты проявляли больше интереса к событиям, происходящим в городах оазисов, чем в степях. У самих кочевников источниками могли быть только фрагментарные, зачастую легендарные сведения устной истории. Много из того, что мы знаем об образовании казахского народа, получено нами благодаря наблюдениям и записям, сделанным в XVIII столетии российскими эмиссарами и официальными представителями, которые находились в степи в ходе русской аннексии и завоевания. Как считает Олкотт, консенсус среди западных и советских исследователей сводится к тому, что толчок к формированию казахской нации произошел, по-видимому, в середине XV в., когда Джанибек и Гирей, сыновья Барак-хана, правителя Белой Орды, являвшейся, в свою очередь, частью Монгольской империи, откололись от Абулхаира, хана узбеков. Как считает Олкотт, Джанибек и Гирей воспользовались вакуумом силы, образовавшимся после поражения, нанесенного Абулхаиру ойратами. Султаны двинулись в западное Семиречье — территорию между реками Чу и Талас, которая формально контролировалась узбеками. Здесь число их сторонников увеличилось, и они смогли создать конкурентное ханство с

центром в пустыне Бетпак-Дала между реками Чу и Сарысу. Территория Казахского ханства так быстро расширялась, что к середине XVI в. оно уже включало в себя все Прибалхашье и земли вдоль Сыр-Дарьи, а также к северу от реки Тургай и к западу и северо-западу от Аральского моря.

С этнической и политической точек зрения новообразованное ханство представляло собой конфедерацию, основу которой составили в первую очередь тюркоязычные племена узбекско-тюркского корня (в основном ногайского), которые мигрировали в регион из Дешт-и-Кипчак, и найманы, аргыны и чагатаи из Узбекского ханства, а также частично местное население. Ко времени Касым-хана (1511—1523) численность казахов составила свыше миллиона человек. В отношении этнонима *казак* Олкотт приводит все популярные версии: согласно первой, слово возникло от глагола *каз* (бродить); другая версия соединяет слова *Касний* и *саки*; по третьей версии, оно происходит от монгольского слова *хасак* — тележки, используемой для транспортировки юрт; лингвисты в XIX в. предложили четвертую версию, просто разбив этноним на два слова — *ак* (белый) и *каз* (гусь), которая перекликается с поэтической легендой о превращении степной гусыни в прекрасную принцессу, от которой родился первый казах.

Олкотт подчеркивает, что большую объединительную для казахов роль сыграла другая легенда, считающая предком всех казахов легендарного хана Алаша, чьим последним потомком был Тохтамыш, павший в битве при Сарай-Су (1395), в ходе которой Тимур разбил Золотую Орду. Для американского автора не вызывает сомнений, что при образовании казахского государства решающим было монгольское влияние: родовая структура, существовавшая с тюркских племен Казахской степи, была модифицирована и приспособлена к монгольской клановой системе (улус); Яса Чингис-хана лег-

ла в основу обычного права казахов. С экономической точки зрения, считает Олкотт, предпосылки для возникновения Казахского ханства были заложены в период царствования Тохтамыша (1382—1395), который на короткий период объединил Золотую и Белую Орду. Это позволило укрепиться сельскому хозяйству, были основаны или восстановлены многие торговые центры в Южном Казахстане. Возникло единое экономическое пространство, ставшее главной необходимой предпосылкой для формирования единого государства, взявшего спустя столетие под свой контроль оазисы и степи в Южном Казахстане.

Однако периоду расцвета, сопутствовавшего ранней истории Казахского ханства, предшествовал период в четверть века острой конкурентной борьбы за обладание регионом между Белой Ордой, Мавераннахром и Могулистаном. Походы Тимура против Золотой Орды положили конец существованию Монгольской империи в Центральной Азии; на обломках Золотой и Белой Орды возникли Ногайская Орда, состоявшая из племен кипчакского корня между Уралом и Волгой, и Узбекское ханство (1420), контролировавшее степи от бассейна Сыр-Дарьи до Аральского моря и к северу до реки Иртыш. В это время в обиход вошел термин *узбек*, которым обозначали все тюркские племена, кочевавшие на территории современных Казахстана и Узбекистана. Стабильность подрывалась соперничеством между ханом нового Узбекского ханства Бараком и внуком великого Тимура Улугбеком, контролировавшим Мавераннахр за контроль над бассейном Сыр-Дарьи. После смерти Барака власть в Узбекском ханстве перешла к представителю династии Шейбанидов Абулхаиру, которому удалось сохранять ее в течение сорока лет (1428—1468). Именно при Абулхаире Узбекское ханство превратилось в самое мощное государство в Средней Азии. Абулхаиру удалось установить контроль над обширной территорией

от Сибирского ханства до Мавераннахра, захватить Хорезм и Ургенч. Столицей своей новой степной империи Абулхаир выбрал Сыгнак, в котором пересекались торговые пути между оазисами и степью. Однако на востоке выросла новая сила, угрожавшая государству Абулхаира. Это были быстро продвигавшиеся в глубь Средней Азии ойраты (джунгары), которым не удалось завоевать тюркские территории, однако они сумели серьезно расстроить воссозданную с таким трудом экономику региона, построенную на гармоничном симбиозе оазисов и степи.

Два сына Барак-хана, Джанибек и Гирей, являлись одновременно резервом Абулхаира в борьбе с монголами, но одновременно и его соперниками в вопросе наследия и лидерства в бывшей Белой Орде. Такое двусмысленное положение вещей закончилось после того, как султаны откочевали в Семиречье и стали самостоятельными сюзеренами, на что имели полное право согласно степной традиции. Абулхаир не признал претензии Джанибека на территории, лежащие в низовье реки Чу, в Таласской долине и в Бетпак-Дале. Это привело к столкновению в 1468 г. войска Джанибека и сына Абулхаира Шейх-Хайдара, который в этом сражении погиб. Престол Узбекского ханства достался внуку Абулхаира Мухаммеду Шейбани (1468—1510), который подчинил Самарканд и Бухару и установил династию Шейбанидов. Сражения между узбеками и казахами происходили в течение всего конца XV в. В результате была серьезно разрушена традиционная кочевая экономика Сыр-Дарьи и Семиречья. Олкотт отмечает, что трудно утверждать точно, кто же был на самом деле первым казахским ханом. Традиционно таковым считается Джанибек, но ряд источников утверждают, что первым избранным ханом племен, которые стали называть себя казахами, был Буйюндук, сын Гирея (1480—1511). Существует и другая точка зрения о том, что первым ханом был сам Гирей,

которому унаследовал Буйюндук, заложив тем самым основы династийной преемственности.

В 1500 г. Мухаммед Шейбани и Буйюндук подписали мир, который дал казахам Ясы (Туркестан), превращенный ими в свою столицу, а узбекам позволил сосредоточиться на завоевании Бухары и Самарканда. Существование на юге сильного узбекского государства было постоянным фактором, препятствовавшим становлению стабильного казахского ханства. Тем не менее при Касым-хане Казахское ханство быстро расширялось, централизовалось и объединялось на основе поглощения племен Дешт-и-Кипчака. В 1513 г. Касым-хан подошел к Ташкенту, но начавшаяся зима и нехватка кормов заставили казахские племена повернуть назад в долину Чу. Большим достижением Касым-хана было то, что он сохранил казахский контроль над сырдарьинскими городами, являвшимися в течение столетий естественными регуляторами экономических отношений между оседлым и степным населением. Контроль над городами делал территории, находившиеся под властью казахов, гибкой экономической системой, саморегулирующейся и самодостаточной. В то же время казахская экономика и само Казахское ханство оставались в тени более мощной державы Шейбанидов в Мавераннахре.

В эпоху хана Касыма казахская конфедерация быстрыми темпами распространялась на север и на запад за счет включения в свой состав кипчаков, найманов и аргынов. В этот период численность казахов достигла примерно миллиона человек, их объединяла общность языка, схожий образ жизни, экономики, культурной и социальной организации. При Касыме было достигнуто политическое единство казахов, его власть признали все султаны, жившие на контролируемой казахами территории. Казахи представляли собой в это время в большей степени политический союз, чем этниче-

скую общность. Их мало что отличало от узбеков по языку, ведению хозяйства и культуре. Кочевые узбекские племена, мигрировавшие на территории Мавераннахра, признавали власть шейбанидов и платили им дань, а казахское население, концентрировавшееся вдоль Сыр-Дарьи и далее на север и восток, не только не признавало власть шейбанидов, но и представляло собой конкурентную политическую структуру. Это было главным отличием между двумя народами на данное время. Начиная с правления Касыма, узбеки и казахи, жившие бок о бок, уже никогда не будут рассматривать себя в качестве одного народа (Olcott, 1995, pp. 3—9).

Ко времени смерти хана Касыма в 1523 г. казахское государство простиралось от реки Урал на западе до Семиречья на юго-востоке и до реки Иртыш на севере. В XVI в. казахи сделали основным направлением своей экспансии регион Сыр-Дарьи (Таласскую и Зерафшанскую долины), где они сделали попытку устранить доминирование узбеков. Казахские территории не были четко зафиксированы, считает Олкотт, а отражали возможности отдельно взятых ханов комбинировать военные успехи с личными дипломатическими и политическими способностями. Наследникам Касыма-хана не удалось сохранить единство его государства частично из-за того, что они менее сильные правители, а частично из-за того, что при Касыме территория ханства чрезвычайно разрослась. Соответственно, сразу же после смерти Касыма-хана три жуза заявили о себе, как о самостоятельных политических единицах. Единого казахского государства больше не существовало. Однако один из ханов продолжал номинально выполнять функции верховного хана и считался в глазах всей казахской нации верховным главнокомандующим.

На короткое время Касыму наследовал его сын Мамуш, убитый в ходе попыток консолидировать свою власть. При его преемнике и племяннике Касыма Тахире (1523—1533)

казахами предпринимались неудачные попытки взять под свой контроль Ташкент. При следующем хане Буйдаше (1533—1538) четко выразился триумвират власти между ним и двумя другими могущественными ханами — Ахмед-ханом и Тугун-ханом, представлявшими, соответственно, Младший и Старший жузы. Олкотт отмечает, что во второй четверти XVI в. казахи влили в свой состав остатки населения Дешт-и-Кипчака. В этот период расцвела степная экономика, так как Казахское ханство могло обеспечить стабильность на этой территории, а торговля возродилась вместе с возрождением сырдарьинских городов Сыгнака, Сайрама и Ясы. К концу столетия эти города превратились в крупные города с развитой структурой, игравшие роль торговых центров в отношениях между степью, Кашгарией и Мавераннахром. Рост этих городов способствовал расширению рынков сбыта для кочевой экономики казахов и тем самым ее росту (Olcott, 1995, pp. 23—24).

В 1538 г. к власти пришел сын Касыма Хак-Назар, которому удалось в 1550-е гг. присоединить к своему ханству восточную часть ногайской территории. 1560-е гг. характеризуются не очень удачными попытками завоевать Могулистан, после чего Хак-Назар обращает свое внимание на торговые центры Сыр-Дарьи. Он и группа казахских султанов вмешались в борьбу за власть в Мавераннахре и поддержали эмира Бухары Абдулу II против правителя Ташкента Баба-Султана. К 1580 г. казахи завоевали ряд городов, которые контролировал Баба-Султан, но в этом же году в сражении погиб Хак-Назар. С 1580-го по 1582 г. казахский трон занимал племянник Тахира Шигай, а затем его сын Таулькель (1586—1598), которому было суждено остаться в истории как одному из самых эффективных казахских лидеров. Таулькель разбил в 1582 г. Баба-Султана, чью голову он обменял у Абдулы на Зерафшанскую долину. Вскоре после этого он вошел в стол-

кновение и с Абдулом. В 1586 г. Шигай избирается ханом всех казахов и ведет их на борьбу за контроль над сырдарьинскими городами. К концу столетия казахи контролировали Туркестан, Ташкент и Самарканд и на короткое время даже захватили Бухару.

После смерти Таукеля в 1598 г., которая последовала вслед за взятием им Ташкента, ему наследовал Есим (1598—1628), который в течение первого года своего правления заключил мир с эмиром Бухары Абдуллой, признавшим казахский контроль над Сырдарьинским регионом. Однако мир был недолговечным. После смерти Абдуллы в 1598 г. к власти в Бухаре пришел Боки-Мухаммед (1599—1605), первый правитель из династии Аштарханидов, который отверг казахскую гегемонию. Его задача облегчалась тем фактом, что казахи начали испытывать давление на востоке со стороны нового опасного противника — калмыков. К 1630 г. калмыки подчинили себе Западную Монголию, Илийскую область и часть Восточного и Юго-Восточного Казахстана — Восточное Семиречье. Калмыков привлекали, прежде всего, развитые в торговом отношении сырдарьинские города, против которых было направлено острие их атак. Калмыки обрушивались также на казахское население, обитавшее на периферии Сыр-дарьинского региона. Экономическое равновесие в степи было тем самым быстро нарушено. Количество караванов, пересекавших Казахскую степь, резко сократилось. Упадок торговли на Сыр-Дарье заставил казахов искать привычные им товары и нужные пункты обмена в городах Мавераннахра.

Вся Центральная Азия пришла в хаотичное движение. Олкотт приводит слова Флорио Беневени, русского посла в Бухаре в первые десятилетия XVII в., который сообщал, что весь регион охвачен беспорядками и схватками между афганцами, русскими, хивинцами, бухарцами, каракалпаками, казахами, киргизами и калмыками. Сместились все главные

торговые пути между Востоком и Западом. Относительная изоляция Центральной Азии потребовала от всех государств и народов региона напряжения всех своих ограниченных ресурсов для выживания. Калмыки, овладевшие казахским скотом, продолжали расти в количественном отношении и к концу века превратились в самую заметную военную силу в Центральной Азии. Располагая армией в 100 тысяч человек, они обрушились на казахское государство и овладели казахскими пастбищами. В конце 1620-х гг. калмыки проникли вдоль Оми, Тобола, Ишима и Иртыша в глубь Сибири и установили прямые контакты с русскими. Русские предпочитали сохранять дружеские отношения с калмыками, так как их силы были растянуты от Балтики до Сибири. Кроме того, они не рассматривали калмыков в качестве серьезной военной угрозы русским планам. Группы калмыков на ногайской территории перешли в русское подданство. Стратегической целью русских было умиротворение степи. В то же время они спокойно наблюдали, как калмыки начинают систематическое завоевание Казахской степи в последней четверти XVII в.

В 1643 г. казахи под руководством наследника Есима Джангир-хана сдержали наступление калмыков во главе с Батуром, которому удалось на короткое время установить контроль над всем Семиречьем и землями Старшего жуза. Но до того, как калмыки смогли возобновить свои атаки, в Китае произошли важные со стратегической точки зрения события, заключавшиеся в том, что к власти в Пекине пришла маньчжурская династия. Маньчжуры поддерживали халка-монголов против западных монголов — ойратов и калмыков. Последние были вынуждены втянуться в борьбу на востоке до 1681 г., которая закончилась признанием ими маньчжурского суверенитета. Для казахов передышка закончилась, после чего калмыки возобновили свое наступление на Южный Казахстан. Борьбу

возглавил сын Джангира хан Туке (1680—1718), но казахи не смогли защитить свои земли. В 1681—1685 гг. калмыки во главе с Хунгтаджи Галданом взяли под свой контроль весь Южный Казахстан, разрушили города (Сайрам был полностью уничтожен) и прервали все караванные пути. При Цеван Рабтане калмыки перешли Сары-су и вторглись в северо-восточные пределы Среднего жуза. Калмыкам даже удалось захватить ставку Тауке-хана в Туркестане. В этой ситуации представители всех казахских родов и племен собрались в пустыне Кара-кум, чтобы выработать единую стратегию против калмыков. До 1716 г. казахи успешно теснили своих врагов, но затем инициатива вновь перешла к калмыкам. В 1718 г. калмыки перешли реку Или и достигли Аягуза и Аниси (Olcott, 1995, pp. 25—26).

Все эти события происходили на фоне укрепления русскими своих фортов на севере от степи. Олкотт считает, что строительство т.н. Оренбургской линии было прямым следствием озабоченности русскими событиями в степи, особенно после того, как калмыки перешли Кара-Тау, чтобы овладеть Таласской долиной. Эта атака, в результате которой казахи потеряли почти всю свою собственность и скот, стала началом Великого Бедствия — *Актабан Шубрынды*. В результате последовательной военной кампании 1723—1725 гг. калмыки довольно быстро овладели сырдарьинским бассейном от Ясы до Ташкента, вынудив казахов бросить свои прекрасные пастбища и бежать. Роды и племена Старшего жуза отступили на спорные земли между Хивой и Бухарой. Большинство казахов Среднего и Младшего жузов во главе с ханом Абулхайром (1718—1749) двигались на запад и северо-запад вдоль русских укреплений на Эмбе, Урале, Илеке, Оре и Уе. В 1728 г. калмыки захватили районы вокруг озера Тенгиз, создав прямую угрозу Чимкенту. Одновременно под их контроль перешли озеро Балхаш и земли Младшего и Среднего

жузов в Центральном Казахстане. Русские начали понимать, что без внешней помощи казахские степи могут быть захвачены агрессивными калмыками, которые начали представлять угрозу русским позициям в Южной Сибири. Петр I отклонил просьбы о помощи со стороны казахов в 1716 и 1718 г., но в 1730 г. Анна Иоанновна откликнулась на просьбу Абулхаира о помощи. Но это потребовало от Абулхаира, его сыновей и депутатов от лояльных ему племен Младшего жуза признания российского сюзеренитета. Олкотт считает, что эта акция обозначила конец независимого казахского государства (Olcott, 1995, p. 26).

Древняя и раннесредневековая предыстория Казахстана излагается французской исследовательницей Катрин Пужоль в книге «Казахстан» в поэтических формулах. Она пишет, что появление кочевого скотоводства в евразийских степях дает поразительный пример возможностей экологической адаптации людских групп на неприветливых территориях. Таким образом, обозреваемое в течение длительного времени степное пространство представляет чередование исторических эпизодов конфронтации с фундаментальной оседлостью соседей и эпизодов внедрения в империи, эпицентр которых будет расположен вовне.

Последний период истории формирования традиционного нomaдизма, в том числе и на территории Казахстана, принес, с одной стороны, окончательную тюркизацию территории и, с другой стороны, зарождение или апогей крупных оседлых империй на периферии степей: Китай, Абассидский халифат и Киевскую Русь, которые вобрали цепную реакцию кочевых миграций всей Евразии и сделали современный Казахстан зоной их концентрации.

Появившись в 1465 г. в результате раскола ханства Абулхаира и ослабления Могулистана после смерти Иса Бугахана в 1462 г., Казахское ханство поступательно захватывает власть

на одной части Дашт-и-Кипчака. Не существует единого мнения относительно этих исторических контуров, которые со временем менялись. Иранские или русские источники XVI и XVII в. по-разному определяют их границы. Однако ясно, что Казахское ханство является плодом социально-экономической и политической эволюции, которая уже после монгольского завоевания делает, как никогда, солидарными территории Дешт-и-Кипчака, а также Семиречья и Трансоксиани.

Закрепление этнонима «казах» относится к этому периоду, отмеченному процессом этнического слияния племен тюркского корня, сгруппировавшихся вокруг единого политического центра, процессом зарождения идентичности, начиная от «доверительного деления» (ханства Абулхаира), которое выразилось переходом этнонима «узбек-казах» в единственное этническое обозначение — «казах». Унаследовав многочисленные черты монгольского военного и административного управления (изыятие налогов, частное право), помимо законности власти, наследуемой только чингизидами, Казахское ханство освоило также новое экономическое пространство, став связующим звеном между различными державами, а также зоной притяжения для честолюбивых соседей (Poujol, 2000, pp. 33—34).

Средоточием борьбы между казахским и узбекским ханствами в XV и XVI в. станет зона низовья Сыр-Дарьи из-за ее стратегического положения между Средней Азией, Семиречьем и степями, своей экономической значимости и своего культурного потенциала. После смерти Абулхаира в 1468 г., в степи развернется яростная борьба за установление гегемонии. Основные акты соперничества развернутся вокруг города (Ясы) Туркестан и будут продолжаться в течение нескольких столетий. В конце XV в. ситуация стабилизируется: города Сагнак, Сузак, Сайрам входят в состав Казахско-

го ханства, а Отрар, Ургенч, Ясы и Аркук остаются в руках Шейбани-хана.

Параллельно зарождению этого этнокультурного континуума появляются три орды (жуза): Старший, Средний и Младший. Это племенные конфедерации со сложной структурой, которые территориально распределяются по казахским степям согласно маршрутам и стоянкам зимовок и традиционных летних пастбищ; это феномен, описанный еще в источниках XVI в. В XVI в. Казахское ханство полностью занимает пространство бывшей Белой Орды и часть Моголистана.

XVI в. характеризуется усилением соперничества — как внутреннего, так и внешнего. В то время как Семиречье полностью доминирует ойратами, внутри Казахское ханство подвержено сильным сепаратистским тенденциям и находится под угрозой распада. В конце XVII в. настоящая армия джунгар обрушивается на Семиречье, Юг Казахстана и его города, такие желанные для ойратов: Сайрам захвачен и снова разрушен, часть его населения депортирована в Джунгарию. Этот последний период известен в истории казахов под названием «Ақтабан Шубурунды» (большое бедствие), которое обрушивалось на них после периода попыток стабилизации и сопротивления захватчику при хане Тауке (1680—1718). Он известен благодаря оставленным рукописям, в которых описаны несколько элементов династического закона казахов (жеті жарға). Джунгарская историография, в свою очередь, сожалеет о казахских разрушениях, считая их повторяющейся агрессией.

Этот страх перед монголами-калмыками — джунгарами определит оси политики казахов: начиная с XVIII в., речь будет идти об объединении сил, необходимых для отражения врага и поиска внешней защиты, наиболее эффективной, в частности, со стороны России (Poujol, 2000, pp. 37—38).

Свою концепцию возникновения Казахского ханства излагает в «Истории Центральной Азии» супруг и коллега К. Пужоль Венсан Фурньо. Он отмечает, что между 1470 и 1500 г. новая казахская конфедерация развернулась к Западу от Семиречья до Каспийского моря, прямо в сердце прежних владений хана Абулхаира, создав то, что стало Казахстаном; и последние племена, лояльные к шейбанидам, были вытеснены в регион Сыр-Дарья. Казахское ханство закончило свое формирование при правлении ханов Барандука (1488—1509), сына Керая, и Касыма (1509—1518), сына Джанибека.

Но внутренняя история казахов очень мало известна до XVIII в. Имеется мало письменных местных источников, но они есть, а внешние письменные источники немногочисленны (Монголистан, узбекские ханства, Россия). Доминирующая устная культура является главным источником исторических и антропологических сведений. Она венчается эпосами. Однако, как и всякая культура, она не избежала мутаций, и их интерпретация зачастую трудна. Существует множество жанров в устной казахской литературе, в центре которой находится поэт, акын, творец, рассказчик и музыкант. Это устное коллективное творчество, чаще всего анонимное, и до XVIII в. имена акынов были практически неизвестны. Но археологических следов имеется достаточно, а отсутствие взаимодополняемости между различными типами источников затрудняет изучение кочевых народов Центральной Азии, чем и объясняется скромность внешних источников.

Можно выделить два процесса, наиболее значительных в казахском обществе: это его разделение на три четко очерченные орды и его медленная исламизация. Дробление казахских племен на три орды, или жуза — по-казахски, началось, вероятно, в течение XVI в. Жузы: Старший (Улы), Средний (Орта) и Младший (Киши) не назывались так по своим размерам; предполагается, что это исходит от стойбищ, которые

были поделены между тремя сыновьями, соответственно, старшим, средним и младшим.

Политически казахи утратили всякую инициативу в течение XVIII в., и с тех пор были подвержены экспансии, более или менее продолжающейся со стороны соседних государств: джунгаров, русских, китайцев и кокандских узбеков. Три жуза окончательно разделились. Смертельный удар, нанесенный джунгарами, заставляет искать наиболее уязвимые жузы (Младший и Средний) новую защиту в лице России. Отсюда берет начало политика в отношении казахов со стороны русских правителей (Fourniau, 1994, pp. 70—71).

§ 3. Закат Казахского ханства

Олкотт считает, что Казахское ханство было относительно недолговечным образованием и в целом неудачным политическим институтом. Казахское ханство не смогло сохранить сильную военную силу в степи. Казахи, которые были потомками носителей природной военной культуры, стали в первую очередь пастухами, больше озабоченными выпасом, чем войной. Их военная организация, рассчитанная на ограниченные сроки службы, не могла соперничать с силами калмыков. Тем не менее казахи успешно действовали против своих соперников узбеков — шейбанидов, а затем аштарханидов. Казахи взяли под свой контроль сырдарьинские города и создали торговую систему, связавшую города со степью. Хотя они владели и правили городами, они не были поглощены ими и сумели сохраниться как самостоятельная этническая группа. Конец Казахского ханства не означал конец казахского народа, пишет Олкотт. Однако его конец принес казахам завоевание и жизнь под колониальным правлением (Olcott, 1995, p. 27).

Период с конца XVII до конца XVIII в., считает Ш. Акинер, был с точки зрения современной перспективы одной из

наиболее значительных глав в истории казахов, поскольку он стал критической точкой в процессе эволюции казахской нации. В начале этого периода жузы являлись, создавая тем самым общую нестабильность, относительно самостоятельными, независимыми племенными союзами-государствами; но к концу этого периода они ослабли, раздробились и попали в зависимость от соседей. Это было временем изменений, вызывавших новый баланс власти в регионе. Возникли два новых могущественных претендента на управление степью: джунгары на востоке и русские на западе. Русские стали активными участниками политической игры в степи после того, как они завоевали два ханства — Казанское и Астраханское, что расширило русскую территорию прямо к границам Младшего жуза.

Ш. Акинер с иронией пишет об установившейся в советское время исторической традиции изображать взаимоотношения между казахами, русскими и джунгарами, согласно банальной схеме, как героическую борьбу между злыми хищниками на востоке и могущественной державой на западе с беззащитными жертвами в центре, которым не повезло в защите своего «правого дела» и которые были в конечном счете завоеваны. Многие исследования, отмечает Акинер, отражают историю присоединения Казахстана к России с учетом всей сложности ситуации. Акинер считает, что с учетом всех исторических факторов российское доминирование было неизбежным. Однако с точки зрения той конкретной ситуации все было не так однозначно: казахские лидеры были непревзойденными мастерами использовать амбиции своих квазипатронов в свою пользу и на короткое время их стратегия использовать одних противников против других и вести переговоры одновременно с двумя сторонами приносила свои результаты. Но в конечном счете им не удалось повернуть ситуацию в свою пользу. Такая

политика слишком сильно зависела от внешней помощи и низвела ее проводников до статуса виртуальных изображений своих более могущественных соседей (Akiner, 1995, pp. 19—20).

Крупнейшим явлением в политической истории казахов остались войны с джунгарами. Джунгары начали проводить регулярные походы в казахские степи с середины XVII в. и к началу XVIII в. добились значительных военных успехов. Ими был оккупирован бассейн Сыр-Дарьи, в 1724—1725 гг. джунгары подчинили Туркестан — тогда столицу Среднего жуза — и Ташкент, столицу Старшего жуза. В эти десятилетия, отмечает Акинер, которые остались в исторической памяти казахов как «годы бедствия», прежняя экономическая структура старого Казахского ханства была полностью разрушена, торговля и сельское хозяйство подорваны, устоявшиеся пути миграции прерваны. Все это сопровождалось огромными потерями людских ресурсов и скота. Это было также временем массового исхода казахов и других народов из Трансоксианиии на север и северо-запад. Но казахская федерация доказала свою жизнестойкость, и в 1728—1729 гг. объединенные силы всех трех жузов нанесли серию поражений джунгарам. Но этот альянс, подчеркивает автор, был недолговечен. Младший и Средний жузы вскоре отказались признавать сюзеренитет Старшего жуза, часть которого попала в зависимость от вновь набравших силу джунгар. Но в 1740-е гг. Джунгарское ханство начало клониться к упадку. В 1756—1758 гг. они потерпели поражение от Китайской (Цинской) империи. В результате разгрома джунгар, в котором принимали участие и казахи, Китайская империя оказалась непосредственно у границ Среднего жуза, оккупировав часть земель Старшего жуза. Тянь-Шань перестал играть роль границы и оказался в тылу у Цинской империи, стремившейся на запад.

М. Олкотт делит историю российского проникновения в степь на две фазы: на первой фазе при Петре I и Анне Иоанновне произошло относительное бескровное завоевание северной части степи — земли Младшего и Среднего жузов; вторая фаза сопровождалась военным завоеванием Сырдарьинского региона во второй четверти XIX в. (территория Старшего жуза), что означало установление полного колониального контроля над степью и всем Туркестаном. Первая фаза был логическим продолжением завоевания Сибири и преследовала цель расширить торговые отношения России со Средней Азией. Вторая фаза напрямую относилась к целям завоевания всей Центральной Азии.

Первые политические контакты между русскими и казахами Олкотт относит к периоду военной экспедиции Ермака против Кучума (1573), который также являлся противником казахов. Этот фактор превратил на короткий период русских и казахов в союзников. В 1586 г. был основан Троицк, но, как считает автор, русские не интересовались в этот момент южным направлением и все их экспансионистские помыслы были поглощены движением на восток. В 1588 г. хан Таулькель отправил посольство в Москву. В это время казахские ханы оставляли заложников в Москве и Тобольске, однако отношения в XVII в. ухудшились. Олкотт обращает внимание на тот факт, что почти столетний период в истории казахско-русских отношений (1595—1687) практически не освещен источниками. Это могло означать только одно, что казахи отвернулись от возможного союза с Россией. В конце XVII в. Москва сделала ставку на ойратско-джунгарскую конфедерацию как самую мощную силу в степи. В то же время весь XVII в. русские методично продвигались на казахские территории: в 1620 г. был основан Уральск, в 1645 г. — Гурьев. В это время Россия имела проблемы с безопасностью своих караванов, торговавших со среднеазиатскими государствами.

Один караванный путь проходил из Тобольска через Иртыш и низовья Ишима, далее он шел вдоль гор Улу-Тау к Сыр-Дарье и Туркестану; затем он пересекал Сыр-Дарью и через Зерафшан достигал Бухары. Второй путь проходил от Астрахани и Уфы через верховья Урала и Гурьев на Иргиз и Талас, затем вдоль Ала-Тау он шел на Ташкент. Путь от Тобольска до Бухары составлял около 75 дней, он был долог и дорогостоящ, так как караваны постоянно подвергались атакам казахов. В последней четверти XVII в. торговля вообще стала неизвестной, так как вся степь была охвачена борьбой между казахами и джунгарами.

Тауке-хан, по-видимому, понял, что единственным эффективным союзником казахов против калмыков и джунгар в этих условиях может стать только Россия. В период между 1680-м и 1693 г. он шесть раз посылал своих эмиссаров к русским в Сибирь, зондируя возможность оказания военной помощи со стороны русских. Олкотт считает, что в этот период, т.е. в конце XVII — начале XVIII в. российская экономика переживала подъем. Статистика показывает, что Россия сохраняла интенсивные торговые отношения с обеими враждующими сторонами — и казахами, и калмыками. Однако в этот период перед российской внешней политикой встала остро задача умиротворения степи как создание необходимой предпосылки для экспансии российской торговли со Средней Азией, Ираном и Индией. Предпринятая в 1695 г. экспедиция московского купца С. Маленького в казахские степи была, по мнению автора, первой серьезной попыткой изучения возможностей и путей достижения российских целей. Вследствие этой экспедиции русская сторона предприняла две попытки проникнуть в регион. Первая имела место в 1714—1716 гг., т.н. миссия Букхольца в Восточный Туркестан вдоль реки Иртыш. Эта миссия положила начало строительству фортификационных сооружений на Иртыше с 1716-го по

1752 г. Данная система включала в себя 11 фортов, 33 редута и 42 сигнальных пункта. Три крепости были основаны уже в ходе самой экспедиции: это были Омск (1717), Семипалатинск (1718) и Усть-Каменогорск (1720). Руководство экспедиции убедило Петербург в том, что джунгары очень быстро усиливаются и могут вскоре взять под свой контроль всю степь и что России лучше иметь дела с ослабленными казахами, которых давление джунгар выталкивает с родных пастбищ и заставляет двигаться к русской линии на Эмбе. Таким образом, казахи Младшего жуза стали зависеть от доброй воли русской администрации, позволявшей кочевать им между Уралом и Эмбой под охраной русских крепостей.

Вторая экспедиция, руководимая А. Берковичем-Черкасским, пересекая Каспийское море и направлявшаяся к Хиве, состояла из 6600 человек. Это была бесславно закончившаяся авантюра, так как хивинский хан расценил данное продвижение как прелюдию к атаке на Хиву и сам обрушился на экспедицию, вынудив русский отряд с большими потерями отступить (Olcott, 1995, pp. 28—30).

§ 4. Присоединение Младшего жуза к России

В концептуальном плане историю присоединения Абулхайра к России подробно изложил британский историк А. Боджер (профессор университета в Суонси и специалист по истории отношений и политики России в Азии). Боджер, излагая хронологию событий, предшествовавших принятию русского подданства Абулхайром, ханом Младшего жуза, отмечает, что для казахских властителей клятва на верность была чистой формальностью, которая в любое время могла быть аннулирована (Bodger, 1980, p. 40). За обещания охранять восточные границы России, по необходимости нести службу, платить налог и защищать русские торговые караваны они наде-

ялись получить от России помощь от внешних и внутренних врагов, а также привилегии в торговле и пользовании пастбищами вдоль русской границы. Со стороны русского правительства, считает Боджер, отношение к присяге казахов было более серьезным, «хотя Россия была не в состоянии реально управлять казахами, пока не добилась определенного военного господства над степью в середине XIX в.» (Bodger, 1980, p. 41).

Боджер внимательно изучил все источники и всю историографию, относящуюся к этим событиям, в том числе точку зрения, что основной причиной присоединения Абулхаира к России было стремление отразить джунгарскую угрозу. Царские источники делали упор на междоусобной борьбе в Младшем жузе. Наконец, существовала т.н. концепция меньшего зла, восходящая к М. Вяткину. Чтобы прояснить истинные мотивы поведения Абулхаира, Боджер рассматривает ситуацию в степи в историческом контексте того времени. Поражение казахов на реке Аягуз было обусловлено, как считает автор, внутренними разногласиями между правителями. Тауке был тяжело болен. Его наследник Каип теперь поражен. В этих условиях на сцену выходит Абулхаир. Он был потомком младшей ветви ханской династии, т.е. вел происхождение от Осека, а не Джадига, и, таким образом, не имел прямых прав на высшую власть. Но Абулхаир обладал личными качествами правителя и поддержкой влиятельных групп верхушки жуза. Он заключил союзы с правителями Среднего жуза Букенбаем, Есетом и Джанибеком в 1716—1718 гг. В этих условиях появилась тенденция, указывающая на то, что Младший жуз, который в наименьшей степени подвергся набегам джунгар, может возглавить сопротивление казахов. В это время военные действия велись на трех направлениях: против джунгар, стычки с русскими войсками вдоль северных окраин степи и борьба Абулхаира с оппозицией джадигских султанов.

В 1716—1717 гг. Тауке, Каип и Абулхаир уже отправляли в Россию посольство с предложением о мирном сотрудничестве и военном союзе против джунгар, но это не было, подчеркивает Боджер, просьбой о предоставлении русского подданства (Bodger, 1980, p. 46). Правительство Петра I превратило переговоры после того, как возобладала точка зрения главы русской официальной миссии Б. Брянцева, что казахи не представляют определенной военной силы. После катастрофического ухудшения ситуации в 1723 г., когда джунгары захватили Семиречье и Сыр-Дарью, казахами было отправлено новое посольство с просьбой о защите. После событий 1730 г., когда казахи одержали стратегическую победу над калмыками, Абулхаир выходит на передний план военно-политической борьбы. Он отправляет посольство в Санкт-Петербург с официальным прошением о подданстве. Боджер пишет: «Возможно, это было связано с крушением надежд вытеснить монголов из Южного Казахстана, но вряд ли из-за отчаяния перед угрозой надвигающегося истребления казахского народа. Наиболее подходящим объяснением может быть то, что междоусобица Абулхаира с джадигскими правителями достигла своего апогея, и в том, что это привело к разобщению казахов» (Bodger, 1980, p. 48).

Если в 1726 г. русское правительство дало отказ на просьбу Абулхаира, то теперь оно решило удовлетворить ее. Это решение было продиктовано облегчением международного положения России и с планами Петербурга окружить башкирские земли цепью фортов. Главная идея русских стратегов заключалась в том, чтобы использовать башкир и казахов для сдерживания друг друга. Кроме того, Россия связывала принятие казахов в свое подданство с безоговорочной выдачей теми русских пленников. 30 апреля 1731 г. к Абулхаиру было направлено российское посольство для принятия присяги на верность. Боджер приходит к выводу, что прошение

Абулхаира было личной его инициативой, имевшей единственную цель стать единовластным правителем в степи. Джунгарская угроза, по мнению автора, играла второстепенную роль и практически не упоминалась в переговорах. Основным мотивом России было стремление начать аннексию Казахской степи.

М. Олкотт пишет, что 8 сентября 1730 г. Абулхаир, хан Младшего жуза, отправил письмо императрице Анне Иоанновне, в котором просил ее о российском подданстве. Это письмо, подчеркивает Олкотт, было послано без уведомления других султанов и народа и являлось адресом одного правителя другому. Олкотт считает, что стабильность была нужна как воздух Абулхаиру, так как экономика Младшего жуза лежала в руинах: под его началом находилось порядка 400 тысяч человек (100 тысяч кибиток), представляющих роды Байулин, Жеты и Алимулин, которые были вытеснены из Туркестана и, двигаясь вдоль Сыр-Дарьи, достигли уральских и тобольских пастбищ. Для российской стороны договоры с Абулхаиром, а затем с Семеке (1732) и Аблаем (1740) дали своего рода гарантию существованию их военных укреплений и мирных поселений вдоль Иртыша. Эти договоры заставили русских серьезно подумать о расширении торговли в регионе, однако мыслей об аннексии степных территорий у российских стратегов в то время не появлялось. С правовой точки зрения территории Младшего и Старшего жузов не являлись частью Российской империи, и на картах вплоть до конца XVIII в. границы России шли от Северного Урала вдоль Орска, Троицка и Иртыша к Алтаю. Таким образом, казахские территории оставались формально независимыми.

Русские старались поддерживать минимум контактов с казахами, которые осуществлялись через ханов, их сыновей и депутатов. В 1734 г. Абулхаир согласился платить ясаk (дань), но российское правительство отказалось о него, так как это

обошлось бы дороже самого налога. Если Абулхаир не рассматривал всерьез свой договор с российской императрицей (это подтверждают его спорадические контакты с джунгарскими ханами), то Санкт-Петербург использовал его для укрепления своих позиций в бассейне Иртыша. Стратегической разведкой вглубь казахской территории была Оренбургская экспедиция под руководством И.К. Кириллова в 1734 г. Абулхаир дал личные гарантии безопасности экспедиции, которой предстояло впервые разведать состояние обширных территорий вплоть до Аральского моря (Олкотт отмечает, что русские пребывали в уверенности, что Сыр-Дарья соединяет Арал и Каспий). Доклад Кириллова в Санкт-Петербург содержал вывод о возможности расширения русской экспансии в южном направлении. После этого он получил приказ заложить Оренбург в августе 1735 г., и работы продолжались вплоть до 1737 г. С помощью казахов Кириллов установил караванную торговлю с Хивой, Бухарой и Ташкентом. Русские купцы были на три года (1735—1738) освобождены от таможенных сборов, если торговали в Оренбурге.

После смерти Кириллова в 1737 г. уральскую администрацию возглавил В.Н. Татищев, который был заинтересован в расширении торговли с казахами. Он дал разрешение казахам строить резиденции и мечети в Оренбурге и пасти скот в его окрестностях, однако большинство казахской аристократии во главе с самим Абулхаиром и его сыном старались свети свои отношения с русскими до минимума. Нарастающая враждебность между казахами и русскими привела к созданию казахско-башкирского союза и поддержке Абулхаиром восстания башкир в 1738 г., несмотря на то что оба народа являлись конкурентами за уральские пастбища. Однако такой союз не мог долго просуществовать, и уже в июне 1738 г. Абулхаир, сопровождаемый своим сыном, представителями родов и лояльными султанами Младшего и Среднего жузов,

встретился с Татищевым и, возобновив свои выражения лояльности императрице, дал обещание не трогать русские караваны.

В июне 1739 г. Оренбургскую экспедицию возглавил князь В.А. Урусов, перед которым была поставлена задача решить проблему с караванами. Урусов попытался распространить влияние России на Средний жуз и добился успеха, склонив принести присягу императрице султана Абул-Мухуммада и Аблай-хана в 1740 г. Однако наиболее значительным вкладом Урусова в укреплении российского присутствия в Казахской степи Олкотт считает тот факт, что именно ему удалось построить фортификационную линию между Оренбургом и Троицком. Ему удавалось поддерживать относительно хорошие отношения с Абулхаиром и большинством султанов Младшего жуза, несмотря на то что Абулхаир атаковал в 1740 г. волжских калмыков, которые уже находились под русским протекторатом. В том же году он, в свою очередь, подвергся атаке джунгар у русской крепости Орск и сам был вынужден искать русской протекции в Оренбурге. В 1742 г. Урусову наследовал И.И. Неплюев, при котором Оренбургская фортификационная линия была завершена и начато строительство Яицкой линии между Иртышем и Ишимом. Ему принадлежит также заслуга создания Оренбургской губернии. Однако Неплюев не смог установить хорошие отношения с казахами. Так, он испортил отношения с Абулхаиром, отказавшись обменять его любимого сына Ходжа-Ахмада, находившегося в заложниках у русских, на другого, незаконного. Однако истинной причиной недовольства Абулхаира было то, что Неплюев отказался поддержать его пошатнувшиеся позиции в Младшем жузе. Абулхаир сталкивался к тому времени с новыми и новыми вызовами своему авторитету, особенно от батыра Джанибека.

В 1734—1744 гг. отношения между русскими и казахами оставались напряженными: казахи атаковали, а русские

контратаковали. Торговля вокруг Оренбурга резко сократилась. В этот период Абулхаир устанавливает контакты с персидским шахом Надиром и решает откочевать в северные районы Хивинского ханства, будучи уверенным, что хивинский трон займет Нурали. В апреле 1744 г. Неплюев намеревается отдать калмыкам приказ атаковать казахов, но, прежде чем это случилось, отношения между русскими и ними улучшаются. Абулхаир отправляет своего сына в Петербург отдать присягу новому царю Петру II и в знак доброй воли освобождает 30 русских заложников. Однако улучшение казахско-русских отношений продержалось недолго. В 1746 г. отношения снова ухудшились, так как казахи пересекли Урал и атаковали калмыков — поначалу успешно, но в конце концов они были отброшены к Каспийскому морю. Вследствие столкновений с казаками казахи понесли чувствительные потери. В 1747 г. в пожарном порядке в Младший жуз был направлен А.И. Тевкелев для поиска компромисса. Это ему удалось: сын Абулхаира Ходжа-Ахмад был обменен на Айчуака за обещание Абулхаира прекратить нападения на русских. Но новое соглашение не остановило процесс эрозии фундамента власти Абулхаира. Султану Джанибеку, чей сын Каип в 1747 г. стал ханом Хивы вместо Нурали, удалось выдать Абулхаира на территорию каракалпаков, которые находились под покровительством хана Среднего жуза Барака. В результате этого столкновения между Баракком и Абулхаиром в августе 1748 г. последний был убит (Olcott, 1995, pp. 31—34).

Ш. Акинер считает, что начало русского влияния в степи следует отнести к 1680 г. В 1760 г. оно уже было несомненным политическим фактором. Это было медленное, но неуклонное проникновение. Все началось с того, что отдельные казахские ханы и султаны, начиная с конца XVII в.,

просили о русской защите или поддержке сначала против джунгар, а затем все чаще с целью усилиться на фоне других лидеров. Русские цари прекрасно понимали стратегическое и экономическое значение контроля над Казахской степью. В 1730-е гг. ханы всех трех жузов, отмечает Акинер, как минимум формально признавали русский сюзеренитет, но полному сближению с Россией препятствовали некоторые факторы. Те из казахских владетелей, которые присягнули на верность Санкт-Петербургу под давлением обстоятельств, параллельно или вместо этого делали реверансы в сторону джунгар и Китая. В конце концов, все эти сложные маневрирования и внутренние противоречия служили только ослаблению казахских жузов и открывали дверь для внешнего давления и установления постороннего контроля. К концу XVIII в. Младший и Средний жузы находились на стадии дезинтеграции, к которой привели недисциплинированность собственных феодалов и махинации со стороны внешних спонсоров. Старший жуз, все более попадавший под китайскую зависимость, также быстро деградировал. Россия официально отменила ханскую власть в Младшем жузе в 1822 г., в Старшем жузе — в 1824 г. и в Букеевской Орде — в 1845 г., у которой осталось только номинальное значение (Akiner, 1995, pp. 20—21).

Английская исследовательница отмечает, что для России было легче аннексировать казахские земли, чем рассчитывать на лояльность казахских жузов. Отправной точкой русского проникновения было основание Яицка (Уральска) в 1520 г. Вместе с Гурьевым (Атырау), основанным в 1645 г., эти крепости стали форпостами России в Прикаспийском регионе. Завоевание Сибири позволило России приблизить свои военные базы непосредственно к северо-восточным территориям Казахстана. В начале XVIII в. русские форпосты строились уже непосредственно на казахских землях: в 1716 г. был основан Омск,

в 1718 г. — Семипалатинск, в 1720 г. — Усть-Каменогорск. В 1740—1750 гг. все эти и другие города стали частью протяженной фортификационной системы. Формальный протекторат над Младшим жузом дал предлог российским властям построить Орск (1735) и Оренбург (1743) и взять под контроль Северо-Запад Казахской степи. В основе пограничных войск лежали казачьи формирования, что позволяло одновременно осуществлять и военный, и экономический контроль над южной Сибирью и Северным Казахстаном.

Установить свой контроль над внутренними частями Казахстана России удалось только в следующем веке. После отмены ханской власти, т.е. юридической ликвидации казахской государственности, с поразительной быстротой стали строиться новые укрепления-города. Только в 1824 г. были основаны Акмолинск, Кокчетав и Каркаралинск. В 1847—1854 г. российской администрацией удалось установить контроль над степными и пустынными пространствами Центрального Казахстана; были основаны Аральск (Раим), Казалинск (Казалы) и Верный (Алма-Ата). На юге Российская империя пришла в столкновение с Кокандским ханством, которое подчинило себе незадолго до этого часть земель и родов Старшего жуза. В ходе военной кампании были взяты Ак-Мечеть (Кзыл-Орда) в 1853 г., Аулие-Ата (Джамбул) и Чимкент в 1864 г. и, наконец, бывшая столица Старшего жуза — Ташкент в 1865 г.

До 1782 г. отношения с казахскими жузами ведала Коллегия по иностранным делам, а в ставки ханов направлялись послы, как в иностранные государства. Однако при Екатерине II русско-казахские отношения стали рассматриваться исключительно как внутримперские и попали под юрисдикцию Генеральной прокуратуры. Но Старший жуз продолжал рассматриваться в качестве иностранного государства, регулируя отношения с Россией через Коллегию по иностранным делам вплоть до 1847 г.

§ 5. Борьба за Младший жуз

Нурали-хан (1748—1786) был избран в качестве наследника своего отца Абулхаира с согласия русской стороны, которая дала понять старшинам Младшего жуза, что он является наиболее приемлемой кандидатурой. Положение Нурали было сложным, так как часть родов на юге Младшего жуза поддерживала Джанибека, который пользовался поддержкой калмыков, а также Аблай-хана. Нурали не удалось укрепить свою власть, Джанибек и его сын Каип продолжали удерживать контроль над родами и территориями Младшего жуза, одновременно сдерживая его претензии на хивинский престол. Нурали продолжал борьбу с ханом Бараком за территории Среднего жуза, но не очень успешно, хотя ему удалось в 1750 г. организовать заговор и отравить убийцу своего отца. Через год после своего избрания ханом Нурали удалось добиться от России согласия на установку мавзолея своему отцу Абулхаиру, однако русские власти потребовали, чтобы его останки были перенесены в Оренбург. Нурали оказывал сопротивление этому решению, так как не без оснований опасался, что за ним кроются далеко идущие планы России по аннексии степи. Таким образом, не осталось свидетельств, что мавзолеем Абулхаиру был построен. Главной тактической задачей Нурали, как считает Олкотт, было не допустить установления постоянного альянса между русскими и казахами.

Борьба между Нурали, с одной стороны, и Джанибеком и его сыном Каипом — с другой, в основном сводилась к тому, что они по очереди атаковали русские караваны на территориях своего соперника, конкурируя за право взимать дань. Неплюев столкнулся с ситуацией полного хаоса в степи и отдал приказ своим силам нарушить границу и перейти в наступление против казахов. В 1755 г. ситуация осложнилась тем, что башкиры обратились к казахам (и к волжским тата-

рам) поддержать их в борьбе против русских. Неплюев был вынужден, чтобы сохранить казахский нейтралитет, пообещать казахам оставить у них пленных башкирских женщин и детей, что в течение долгого времени являлось камнем преткновения между российской администрацией и казахами. Нурали принял предложения Неплюева, исходя из таких соображений, что победа башкир над русскими станет преградой их вторжения в степь. Главным камнем преткновения между двумя сторонами был русский запрет кочевать казахам между Уралом и Волгой.

Другим фактором, оказавшим влияние на казахско-русские отношения, стало падение Джунгарии и выдвижение Цинской империи в Центральную Азию. Нурали и Аблай поддерживали джунгар против маньчжур, а после разгрома последних стали претендовать на их пастбища. Цины требовали от казахских ханов признать китайский протекторат. При этом Аблай флиртовал с цинами, а Нурали твердо избегал признания китайского сюзеренитета в какой-либо форме. Когда в 1758 г. китайцы стали угрожать русским фортификационным линиям в Юго-Восточной Сибири, он отдал приказ атаковать маньчжурские отряды. Такая тактика балансирования позволила Нурали установить относительно хорошие отношения с обеими империями. Петербург, в свою очередь, опасался, что казахи могут попасть под влияние Цинской империи. Исходя из этих соображений, базировавшихся на убеждении, что разрыв русско-казахских отношений будет расценен Китаем как приглашение в степь, русская администрация предприняла шаги по улучшению своих отношений с казахами. Нурали был признан Россией в качестве единственного законного хана Младшего жуза и получил вместе со своими братьями Ерали и Айчуаком ежегодную пенсию от царского двора. Однако беспокойство России приносили действия казахов Младшего и Среднего жузов по оккупации

джунгарских пастбищ, так как являлись частью Китайской империи. В 1762 г. отношения между сторонами вновь ухудшились, так как Нурали отправил одновременно делегации и в Петербург (на инаугурацию Екатерины II), и в Пекин. По видимому, он получил от китайцев какие-то политические авансы, так как вскоре нападения казахов на русские караваны возобновились.

Олкотт считает, что стратегической целью Екатерины было максимальное продвижение на восток. Это нашло выражение во время первого десятилетия ее правления в форме расширения торговли в степи. Семипалатинск был построен именно как важный торговый пункт. Для изучения наиболее удобных торговых путей в степи в регион был направлен Н.М. Рычков. Другой заботой Екатерины было сдерживание Турецкой империи в Крыму и Черноморье, для чего она нуждалась в умиротворении казахов, которых в Стамбуле рассматривали как родственный народ, естественных союзников и подданных халифа, т.е. турецкого султана. С этой целью она оказывала различные знаки внимания казахским ханам, как, например, построив в 1767 г. постоянные резиденции для Нурали и его брата Дос-Али. Однако угроза китайского вторжения в Центральную Азию привела к тому, что мусульманские правители региона, начиная с афганских, стали спланиваться на базе исламской общности. Казахские ханы использовали это как повод просить помощь у своих единоверцев.

Тем временем отношения между русскими и казахами оставались сложными. В 1765—1767 гг. казахи продолжали нападать на калмыков, которые являлись российскими подданными. У хана Нурали нарастали небезосновательные опасения, которые особенно укрепились после смерти находившегося в качестве заложника в Оренбурге своего второго сына, что русские планируют вместе с его братьями не допустить его сына

Ишима наследовать ему в Младшем жузе. Отношения между ними несколько улучшились в 1771 г., когда русская сторона позволила казахам напасть и вытеснить волжских калмыков на китайскую территорию. Однако после этого усилились споры вокруг освобожденных от калмыков пастбищ, которые были разрешены вновь в пользу башкир.

В этой атмосфере казахско-русской враждебности в 1773 г. начинается восстание В.И. Пугачёва. Казахи использовали восстание для того, чтобы захватить пастбища Внутренней Орды и напасть на русские поселения. Сын Дос-Али Сеид-Али отправил 200 вооруженных человек в качестве аманатов на службу к Пугачёву, в то время как Нурали укрыл 400 повстанцев на своей территории. Однако остается неясным, отмечает Олкотт, рассматривали ли казахи Пугачёва в качестве больше, чем инструмент для достижения собственных целей. Несколько тысяч казахов участвовали в осаде Оренбурга, однако после неудачи Пугачёва в октябре 1773 г. Нуралихан стал оказывать помощь российским властям в поимке лидера мятежа. В то же время его брат султан Дос-Али оставался сторонником Пугачёва до самого его конца. Он опирался на помощь заинтересованных в пастбищах Внутренней Орды родов берш, серкеш, тама, табын, джагабайлы и байбакты, которые атаковали российские фортификационные сооружения в течение 1774-го и 1775 г. В этот период среди казахских родов усиливается предубеждение против хана Нурали как «лакея» России, а на политическую сцену выходит батыр Срым (Срым Датов) как признанный лидер всех антирусских сил, заинтересованных в возвращении казахам пастбищ Внутренней Орды. К этому времени относятся сообщения о появившемся в степи некоем «невидимом человеке», который представлял собой собирательный и анонимный образ лидера повстанцев. Характерно, что казахи нападали не только на русские поселения и укрепления, но и на своих недавних союзников — башкир.

Все эти события, связанные с восстанием Пугачёва и участием в нем казахов, а также с междоусобицей в Младшем жузе, привели императрицу к мысли о необходимости к ослаблению ханской власти и лично хана Нурали. С этого момента цель Екатерины ясно определилась: установить полный русский контроль над Младшим жузом и обеспечить безопасность российской торговли. После пугачёвского восстания, резюмирует Олкотт, хан Нурали и другие казахские лидеры получили болезненный урок, заключавшийся в том, что Россия представляла собой колониальную державу, обеспечивающую в первую очередь защитой интересов русского населения. В случае конфликта между интересами казахов и русских, как это было во время спора вокруг освобожденных от калмыков пастбищ, предпочтение всегда будет отдано русским интересам. Это привело к обострению экономической ситуации в Младшем жузе, что сделало волнения в нем перманентным явлением в конце XVIII в. (Olcott, 1995, pp. 34—39).

Олкотт жалуется в своей книге, что изучение последних десятилетий истории независимого Младшего жуза (с конца 1770-х гг. до 1824 г.) является сложным делом из-за советской историографии. Согласно советским ученым, этот период представляется хаотичным, наполненным восстаниями против ханской власти. Тем не менее, опираясь на труды М. Вяткина, Олкотт приходит к выводу, что серия восстаний, которые сотрясали в эти десятилетия Младший жуз и питали каждое последующее, носили ярко выраженный антирусский характер вследствие постоянно ухудшающегося экономического положения казахов. Фактически те казахи, которые добровольно присоединились к России, были представлены только ханами. Основным мотивом их сближения с Россией была джунгарская угроза. Но по иронии судьбы по мере того, как память об «Актабан шубрынды» затихала, власть

ханов уменьшалась и происходило это именно вследствие их альянса с Россией. Такие популярные лидеры восставших, как Срым Датов, рассматривали ханскую власть как коррумпированную и неспособную сохранить независимость.

Очевидно, что после восстания Пугачёва институт ханской власти в Младшем жузе уже не располагал реальной базой. Участие казахов в пугачёвском движении и, особенно, установившийся беспорядок в степи убедили Екатерину и ее советников в том, что казахи не способны к самостоятельному управлению; степь была абсолютно непригодна к расширению российской торговли. Попытки провести некоторые реформы были полностью неэффективны. Для казахов же главным вопросом оставалась земельная проблема. С 1775-го по 1782 г. российская администрация в Симбирске и Уфе пыталась установить барьеры против нелегального проникновения казахов за пределы установленной линии вдоль Внутренней Орды, но казахи продолжали пересекать Урал и входить в регулярные столкновения с уральскими казаками. С 1782-го по 1801 г. хан Нурали и его семья получили разрешение пересечь Урал и пасти свои стада на территории Внутренней Орды, но этот шанс был слишком незначительным, чтобы снять в целом напряжение в Младшем жузе, и дал повод его оппонентам утверждать, что его союз с русскими преследует только его собственные интересы. В то же время переход Нурали и его людей через Урал имел вдохновляющий эффект для других: целые аулы и роды последовали за ним за Урал, что сразу же привело к напряженности в отношениях с казачеством, а затем и между самими казаками.

Это привело к восстанию во главе с батыром Срымом, под командованием которого оказалось около 6000 человек, причем 2700 находились под его прямым контролем. Нурали был вынужден просить помощи у русских, так как восстание угрожало его личной власти. Срым Датов отвергал

любое русское присутствие на казахских землях и рассматривал хана Нурали как их агента. Срыма поддержал основную соперник Нурали-хана султан Абулгазы, сын Каипа, контролировавший территории, лежавшие южнее владений хана. Основной целью Срыма было возвращение казахам земель, примыкавших к линии русских поселений. Помимо этого, он рассчитывал свергнуть Нурали. Олкотт отмечает, что Срым Батов был далек от требований установить более демократические формы управления. Его требования сводились к прекращению монополии на власть родовых и племенных лидеров, белой кости, считавших себя наследниками Чингис-хана. Острота данного вопроса объясняется тем, что российские власти видели в казахской аристократии опору для власти своей собственной монархии.

Русские силы в размере двух полков и 1500 казаков вынудили после зимней кампании 1784—1785 гг. отступить Срыма на юг между Аральским морем и Сыр-Дарьёй. Екатерина своим указом от 1786 г. постановила, что Нурали потерял доверие своего народа и плохо служил интересам России. Два параграфа указа содержали важные новшества: создавался пограничный суд, который призван был рассматривать споры между казахами и русскими. Другой параграф учреждал установление на казахской территории мечетей, религиозных школ и караван-сараев, чью организацию должно было взять на себя мусульманское духовенство Казани. Поскольку христианские миссионеры не добились успеха, у российских властей возникла надежда, что ислам мог бы стать цивилизующей силой против «диких и непредсказуемых» казахов. Но по иронии судьбы введение ислама имело обратный эффект. Уже в середине XIX в. он превратился в новый и потенциально более опасный центр антирусских настроений. Еще более жесткой была реформа барона О.А. Игельстрома от 1787 г. Ее содержанием и смыслом была отмена ханской вла-

сти и раздел Младшего жуза на три части — западную, центральную и южную, каждая из которых должна была управляться выборным административным советом, состоявшим из старшин и смешанных казахско-русских представителей пограничного суда. Эта идея встретила категорический отпор со стороны семейства Абулхаира, т.е. Нурали-хана, его братьев и сыновей, и семейства Каипа. Хан Вали также противился этой реформе, резонно опасаясь, что она станет преюдицией для введения русского правления в Среднем жузе. Но твердую поддержку реформе оказал батыр Срым, которому Игельстром пошел на уступки: 4500 казахским семьям было разрешено использовать пастбища Внутренней Орды, причем российские власти обязались защищать их от казаков. Наконец, в самого влиятельного оппонента реформы превратилась императрица Екатерина, напуганная началом Французской революции и решившая пресекать любые формы народовластия и поддерживать священные принципы монархии, которые в данном случае олицетворялись Нуралиханом и его семьей.

Реформа Игельстрома проводилась только с 1787-го по 1790 г., причем многие из наиболее влиятельных родов так и не приняли участия в выборах и отборе представителей. Ее неуспех был очевиден для всех. Ситуация безвластия в степи нашла отражение в записях Палласа, члена географической экспедиции в 1770—1780-е гг. Ханской власти фактически не существовало, российская власть была беспомощна, а ведущая фигура того времени — батыр Срым не стремился к захвату ханских полномочий и довольствовался ролью воина и народного трибуна, выступал за создание ассамблеи старшин, но даже весь его престиж не мог сделать из нее действительного и эффективного органа. В дальнейшем желание Срыма поддерживать Россию и проводимые Игельстромом реформы исчезло во время русско-турецких войн, после того

как эмир Бухары призвал его как мусульманина поддержать Турцию. Срым Датов, как и многие казахи того времени, был далек от религии, но, как многие казахи, рассматривал себя в качестве мусульманина и был восприимчив к призывам к единству на религиозной основе.

Эксперимент Игельстрема завершился в 1790 г. со смертью Нурали-хана в Уфе, где он пребывал в изгнании. Игельстром и его преемник генерал А. Пейтлинг поддерживали брата покойного хана Ерали, чья кандидатура вызвала новые волнения среди казахов. Срым Датов на собрании старейшин в конце 1791 г. потребовал оказать поддержку Ширгази, родственнику Каипа. В 1792 г. волнения охватили весь Младший жуз, а Срым даже предпринял атаку против русских поселений и тех казахов, которые поддерживали Ерали. После неудачного нападения на Илецк его действия приняли партизанский характер. После смерти Ерали летом 1794 г. сын Нурали Ишим провозгласил себя полноправным ханом. Русские власти оставались нейтральными до тех пор, пока в 1796 г. новый российский губернатор С. Визамитинов не признал его ханом. В начале 1797 г. Срым вновь атаковал аул Ишима и убил хана. В октябре 1797 г. на съезде казахских старшин ханом был избран султан Айшуак, а спустя две недели его ханское достоинство было признано императором Павлом.

Срым Датов бежал в Хиву где-то в конце 1797 г., откуда продолжал борьбу против казаков и башкир. Батыр Срым погиб в период между 1798-м и 1799 г., но даже с его смертью Айшуак не смог установить эффективный контроль над Младшим жузом. Источником угрозы стал Абулгазы (сын прежнего Абулгазы), выбранный ханом каракалпаков. Ответом на растущий политический беспорядок в жузе стало введение русскими властями в 1799 г. российского гражданского права, устанавливающего русскую юрисдикцию в Младшем жузе с небольшими исключениями для казахов, которые должны

были предстать перед русскими судами только тогда, если они обвинялись в совершении преступлений против русских подданных. Постоянной проблемой была нехватка у казахов пастбищных земель. Даже после того, как в 1797 г. многие казахские аулы получили разрешение пасти скот за Уралом, пастбищ все равно не хватало.

Признанием факта существования этой проблемы стало формальное провозглашение в марте 1801 г. Внутренней, или Букеевской Орды указом императора Павла. Указ давал разрешение 7500 семьям под предводительством султана Букея, сына Нурали, взять под свой контроль район Нарын-Пески между Уралом и Волгой и заселить его. Букей-хан был независимым от Астраханского и Оренбургского губернаторов, но обязался выплачивать ежегодный налог с кибитки в размере 50 коп. По некоторым данным, он собирал и зякет, т.е. налог со скота. При Джангире орда процветала; к 1825 г. численность населения достигло 10 тысяч семей (10% населения Младшего жуза), численность скота выросла в семь-восемь раз. Ханская ставка превратилась в важный торговый центр в Казахской степи. Увеличение скота спровоцировало вновь нехватку пастбищ, что повлекло за собой обратное движение казахов в Младший жуз в конце 1820-х гг. и тем самым вновь привело к социальным беспорядкам.

Первые десятилетия XIX в. две основные проблемы беспокоили русские власти — барымта, которая стала повседневым явлением в отношениях между соперничающими родами, и работорговля. Казахи продолжали поставлять на хивинские невольничьи рынки детей, несмотря на протесты русских властей, что среди них находятся подданные российской короны. Основным аргументом казахов был тот, что они продают в рабство детей пленных каракалпаков, туркмен, а также самих казахов, которые не являются русскими подданными. Работорговля превращалась в самый выгодный бизнес,

но российские власти не торопились с установлением своей полной гражданской администрации в степи. В 1806 г. император Александр I создал институт ханского совета, который был призван содействовать хану Жан-торе в управлении жузом и в то же время создавать ему оппозицию. Совет состоял из родовитых старшин, выбираемых каждым родом, и должен был сопровождать хана, делить ответственность за наказания внутри жуза, содействовать примирениям и предотвращать набеги на русскую границу и русские караваны.

Несмотря на тот факт, что ханский совет включал в себя многих оппонентов Жан-торе, этому органу не удалось умиротворить Каратая, который развернул повсеместную войну хану. В 1807 г. старейшины Младшего жуза поняли, что Жан-торе даже с русской поддержкой не может удерживать власть в жузе, и обратились с петицией к царю поставить ханом Каратая. Однако петиция была отвергнута, в против Каратая была направлена военная экспедиция. В 1809 г. Каратаю удалось убить Жан-Торе. Олкотт отмечает, что это были очень трудные годы для казахов. Земельная проблема обострилась как никогда. Свидетельством этому, как считает автор, являлось резко возросшее число продаваемого скота в Оренбурге. Русские время от времени делали жесты доброй воли: позволяли расселяться вдоль военной линии и предоставляли строительные материалы; освобождали казахов, расселившихся вблизи русских фортов, от податей и даже позволяли селиться некоторым казахам среди казачества. Однако позитивный эффект таких мер полностью скрадывался продолжавшейся экспансией и продвижением русских фортификационных линий на восток. Выдвижение Илецкой линии привело к тому, что казахам не осталось ни клочка пастбищ между Илеком и Уралом. На юге казахские земли сжирались экспансией Хивинского и Кокандского ханств.

В этих условиях Каратай стал представлять собой реальную угрозу русскому присутствию. Отправленная против него в 1809 г. экспедиция заставила Каратая бежать в Хиву, где его сердечно приветствовал Мухаммад Рахим-хан, надеявшийся, что альянс с Каратаем поможет ему взять под свой контроль Младший жуз. В течение двух лет казахи жили без хана и управлялись ханским советом. В 1812 г. русские власти попробовали восстановить престиж ханской власти и поддержали претензии на престол хана Ширгазы, сына Айшуака, и в то же время Петербург признал ханский титул Букея как хана Внутренней Орды. Но Ширгазы не был властной политической фигурой. Каратай вернулся в степь и вновь бросил вызов ханской власти и стоящей за ней России. Экспедиции 1812 и 1814 г. не достигли полного изгнания или пленения Каратая, как не принесли мира переговоры с ним князя Волконского. Только его преемник П. Эссен смог добиться от Каратая признания наследственных прав Арынгазы, сына Ширгазы, гарантий не атаковать русские поселения. В свою очередь, русские закрыли глаза на убийство Жан-Торе. Эссен даже сделал попытку в 1818 г. провести кандидатуру Каратая на ханство, но министерство внешних сношений не дало своего согласия. Таким образом, Каратаю никогда не удалось достичь своей заветной мечты — стать ханом, хотя русские дали ему должность султана-администратора западной части Младшего жуза.

В 1815 г. Арынгазы унаследовал звание главы рода Шекты, кочевавшего в низовьях Сыр-Дарьи, что превратило его в самого могущественного лидера в Младшем жузе. Он легко пошел на альянс с Россией, чтобы предохранить свои земли от агрессии Хивы, дав со своей стороны гарантии Эссену охранять русские караваны в степи. Его слава как честного правителя и истинного мусульманина росла, и старейшины дважды — в 1817 и 1919 г. пытались избрать

его ханом. Эссен отправил соответствующий запрос в Азиатский департамент МИДа, однако тот отклонил его, аргументировав причину тем, что это не входит в колониальные интересы России.

В 1816—1820 гг. власть Ширгазы ослабевала и коррумпировала на глазах и, как следствие, усиливался нажим Хивы на Сыр-Дарье. Хива поддерживала кандидатуру султана Маненбая, племянника Абулгазы, как лидера казахов. В 1820 г. Арынгазы понес поражение от союзной армии Маненбая и хивинцев. Это поражение ослабило его позиции в Санкт-Петербурге и ухудшило его отношения с Россией. В результате Арынгазы выступил в 1820 г. против экспедиции Негри в Бухару. Он был вызван в Петербург, там его лишили титула и отправили в ссылку в Калугу, где он и умер в 1833 г. В условиях безвластия хивинский хан Мухаммад Рахим взял под свой контроль низовья Сыр-Дарьи и подчинил своей власти род Шекты. Ширгазы оставался ханом вплоть до своей смерти в 1824 г., но никакой реальной власти у него не было. Все эти годы Россия сталкивалась с различными проблемами как внутреннего характера, так и внешнего, угрожавшими подорвать ее позиции в Азии, возникавшими вследствие внутренних беспорядков и растущей экспансии с юга.

В конце концов петербургские стратеги пришли к выводу, что если Россия не установит более эффективный административный контроль над казахами, то будущее российской торговли и экспансии в Центральную Азию будет находиться под угрозой. Неудачное правление Ширгазы плюс неспособность различных лидеров установить после смерти Аблая твердую власть в Среднем жузе сделали очевидным тот факт, что институт ханской власти нежизнеспособен. В 1824 г. он был формально отменен (Olcott, 1995, pp. 44—53).

§ 6. Завоевание Среднего жуза

После того, как Абулхаир выразил свою лояльность российской императрице в 1731 г., Тевкелев по прямому указанию Анны Иоанновны отправил эмиссара к Семеке-хану с предложением пожертвовать суверенитетом Среднего жуза на тех же условиях. По мнению Олкотт, население Среднего жуза в этот период составляло полмиллиона человек (из расчета 100 тысяч кибиток), кочевавших на территориях Семипалатинской, Акмолинской и частично Сырдарьинской областей, а также в Семиречье. Семеке, как и все казахские ханы, сталкивался в то время с двумя основными внешними угрозами: первая исходила от казаков и башкир на северо-западе и от калмыков на юго-востоке. Чтобы проверить реакцию России, Семеке предпринял, начиная с 1733 г., серию рейдов против башкир, подданных России. После второй и неудачной кампании против башкир Семеке был вынужден направить формальное апологетическое послание в адрес русской императрицы, в котором давал согласие на принятие Средним жузом и им самим как ханом российского покровительства и соответствующего патента, который означал бы формальное ограничение его суверенитета. Однако, когда посланник императрицы Кириллов прибыл с соответствующим документом в ханскую ставку, он обнаружил, что Семеке-хан уже год как скончался.

Семеке-хану наследовал его сын Абул-Мухаммед, разделявший власть с султаном Аблаем. Абул-Муххамед сопротивлялся любому сближению с Россией, предпочитая сотрудничать с джунгарами, которые, в свою очередь, предоставили ему полную свободу рук в отношении башкир. В 1740 г., когда на горизонте вновь замаячила угроза воссоздания сильной и враждебной джунгарской конфедерации, оба правителя — и Абул-Мухаммед, и Аблай — лично поехали

в Оренбург с большими делегациями, где перед лицом князя Урусова целовали Коран и клялись в верности России. Лидеры Среднего жуза пообещали не трогать русские караваны и прекратить свои нападения на волжских калмыков. Взамен Аблай, который явно доминировал на переговорах, запросил у российской стороны большую, чем получал Абулхайр, оплату за проведение караванов через свою территорию. Аблай также уговорил русских в большей степени использовать торговый потенциал Семипалатинска, что позволило на месяц сократить передвижение казахов со своим скотом до Оренбурга. Этот шаг имел своим результатом то, что в 1780 г. Семипалатинск стал столицей Западной Сибири.

В 1741 г. территория Среднего жуза подверглась нападению войск Галдан-Церена, нового джунгарского хунтаджи. Аблай попал в плен, где ему помогало российское представительство. Свободу Аблай получил только после того, как Абул-Мухаммед дал согласие на отправку своего сына в качестве аманата к джунгарам. Как только он это сделал, калмыки отступили. С этого момента Аблай старается поддерживать хорошие отношения с джунгарами, а затем с цинами. После занятия в 1744 г. Туркестана Абул-Мухаммед делает здесь свою ставку, оставив повседневные проблемы управления Аблаю. В 1750 г. после смерти Барака Аблай становится наиболее видной политической фигурой в Среднем жузе, а вскоре — самым влиятельным казахом в степи.

М. Олкотт отмечает в своей книге, что сегодня сложно очертить место Аблай-хана в казахской истории. Его независимая, скорее антирусская политика сделала его неудобной фигурой в российской и советской историографии. Несмотря на тот фат, что его точная генеалогия утеряна, он был, по-видимому, прямым потомком хана Шигая. Совершенно очевидно, что он представлял собой великого казахского хана в традициях Тауке и Касыма. Он был последним казах-

ским ханом, чья власть опиралась исключительно на его собственный народ без зависимости от русской инвеституры как властной базы. Фактически он представлял препятствие для России и ее планов в степи. Аблай сохранял союзнические отношения с русскими, не испортив при этом отношения со своими азиатскими соседями. Внутри жуза Аблай так пользовался своей властью хана, что подчинил себе биев и старшин. Таким образом, главы соперничающих родов не могли стать для него серьезными конкурентами. В течение всей своей жизни и затем в XIX в. Аблай вдохновлял казахский народ на сопротивление попыткам изменить их образ жизни и кочевое хозяйство со стороны русской колониальной власти.

Каким бы он не был на самом деле, Аблай оставался ловким политиком, всегда улавливающим, на чьей стороне в данный момент была сила. Примером его внешнеполитической эквилибристики является его лавирование между русскими, калмыками и маньчжурами в 1750—1760-е гг. В 1756 г. Аблай просит убежища и помощи от агрессивных калмыков. Затем вскоре он сам дает прибежище калмыкскому претенденту Даватци и защиту в Казахской степи, но сразу же отворачивается от него, как только становится ясно, что китайцы вскоре завоюют Джунгарию. В 1757 г. он занимает прокитайскую позицию, и даже, по некоторым сведениям, признает китайский сюзеренитет. Однако документы, относящиеся к этому вопросу, отмечает автор, чрезвычайно противоречивы. Достоверно известно только, что Аблай навещает китайского посла в Семипалатинске и оставляет у него сына в качестве аманата. Китайские источники утверждают, что Аблай стал подданным князем Поднебесной, однако русские источники отвергают эту информацию. Без сомнения, что Аблай какое-то время платил дань китайскому императору Киень Луну и поддерживал китайцев в их конфликте с афганцами. В то же

время он отправил некоторые из подчиненных себе родов занять освобожденные пастбища в Джунгарии, а сам продолжал периодически нападать на русские пограничные поселения. Его тесные отношения с Китаем создавали Аблаю проблемы с российскими пограничными властями, поэтому ему пришлось выработать версию, что его зависимость от цинов была недобровольной. Уже в начале 1760-х гг. Аблай называет себя ханом, но всячески избегает предложений со стороны русских властей пройти формальную процедуру в Оренбурге, оставить здесь своего сына в качестве аманата и получать ежегодную пенсию в качестве официальной помощи.

Екатерине особые отношения Аблая с китайским двором не могли понравиться, и это стало причиной некоторых акций Петербурга, нацеленных на сближение с ним. В 1762 г. для Аблая строится дворец и небольшое поселение напротив Петропавловского форта, однако казахский лидер, озабоченный как своей независимостью, так и своей репутацией в жузе, не спешил занимать эти постройки. Но в течение небольшого периода (1761—1764) он дает согласие на ежегодное подношение в виде 212 пудов зерна от императрицы. В 1764 г. он соглашается принять делегацию российских земледельцев, посланных Екатериной учить казахов земледелию. В это время как раз разгорелись дискуссии вокруг оседания кочевников, так как императрица искренне верила, что кочевой образ жизни казахов препятствует развитию торговли в степи. К тому времени уже были немногочисленные примеры оседания казахов Младшего и Среднего жузов вдоль пограничных линий. Однако вовлечение России в Семилетнюю войну отвлекло их от более масштабных операций по умиротворению казахов. К этому периоду относится миссия Буве, который выступил с рядом рекомендаций колониальной администрации. Буве, в частности, рекомендовал разграничить традиционные кочевья между каждым султаном. В духовной

сфере к числу его идей относится предложение поощрять распространение ислама в степи посредством татарских мулл и открыть русско-татарские школы для казахов. Борьба с Пугачёвым, а затем борьба за Крым отвлекли внимание императрицы от Казахстана, а Аблаю позволили сосредоточиться на оккупации Джунгарии и флирте с Китаем.

Аблай своим занятием пустовавших джунгарских кочевий фактически поставил китайцев перед свершившимся фактом. Сделав это, он вновь позволил себе улучшить отношения с Россией. В 1775 г. ряд султанов Младшего жуза, включая сына и наследника Аблая Вали, обратились к русскому двору с просьбой о пенсии. Екатерина в ответ потребовала от Аблая признания российского подданства. Аблай исходил из того, что с 1771 г. после церемонии в Туркестане, ставшей возможной благодаря кончине Абул-Мухаммеда и давшей ему официальный титул, он являлся суверенным ханом, не нуждавшимся ни в чьем подтверждении. В частности, Джунгарией он рассматривался как хан. Однако официальная позиция Петербурга базировалась на постулате, что с 1732 г., когда Семеке-хан принес присягу, ханский титул может даваться только российским престолом, а не самими казахами. Эти дискуссии были прерваны восстанием Пугачёва, к которому Аблай питал симпатию и пытался оказывать ограниченную поддержку. До 1777 г. этот вопрос не поднимался, и только 22 октября 1778 г. за три года до своей смерти Аблай получает грамоту, подтверждающую его ханское достоинство. Но Аблай не отправился за грамотой и другими атрибутами ханской власти к русским. Их привез русский офицер в его ставку. Следует отметить, что Аблай так никогда и не посетил Петропавловск. Хватало и других проблем в русско-казахских отношениях: Аблай напал на киргизов, пользовавшихся русским покровительством, и не возвращал русских пленных. Екатерине так и не удалось полностью

урегулировать в выгодном для своей империи духе отношения с Аблаем, который умер в 1781 г. в возрасте семидесяти лет и был похоронен в Туркестане.

К концу жизни власть Аблая подрывалась внутренней борьбой в Среднем жузе. Аблаю номинально наследовал Вали, но его власть ограничивалась северными родами Среднего жуза и только при условии российской протекции. Найманы выбрали себе собственного вождя Абул-Газы, который опирался на поддержку китайцев. После его смерти хан Ходжа (сын Барак-хана) взял под свой контроль эту часть жуза. Южная часть Среднего жуза была присоединена Старшим жузом, который также оставался под китайским контролем. Русские в реальности могли контролировать только четвертую часть территории, входившей во владения Аблая. Валихан поддерживал спокойные отношения с Младшим и Старшим жузами. Он продолжал традицию своего отца в отношениях с китайцами и в 1794—1795 гг. отправил своего сына к китайскому императору. Недовольная его заигрыванием с Китаем Россия отвергла аналогичный шаг в свой адрес. В конце века Вали-хан еще располагал остатками власти, которую имел его отец. В 1798 г. Россия установила в Петропавловске совместный русско-казахский трибунал для осуществления судебной власти и разрешения конфликтов между казахами. Это была первая попытка со стороны России, заключает Олкотт, подчинить своей администрации Средний жуз. Но она удалась только наполовину. Казахи предпочитали не выносить свои споры на обсуждение трибунала, который не имел реальных функций до 1806 г., когда Вали-хан мигрировал на китайскую территорию. В 1816 г. император Александр дал право Букей-хану (сыну Барака) управлять Средним жузом совместно с Вали, который скончался в 1817 г., а на следующий год эта участь постигла и его соправителя Букей-хана. С этого момента ханская традиция в Среднем жузе прервалась,

а Россия начала строить иную систему власти, управления и администрации на месте бывшей ханской власти (Olcott, 1995, pp. 39—44).

Дальнейшая история включения Среднего жуза в состав Российской империи описывается в книге Олкотт во второй части — «Казахи в императорской России». Согласно многочисленным свидетельствам, в начале XIX в. русские власти сталкивались в степи с многочисленными проблемами. Ханская власть была подорвана. Олкотт ссылается на Левшина, который писал, что «в степи господствовала анархическая комбинация деспотизма со свободой отдельных индивидуумов». В Среднем жузе сопротивление поначалу не принимало таких сильных форм, как в Младшем, но и здесь нарастал протест против бессильной и коллаборационистской ханской власти. Организацию сопротивления взяло на себя племя табын во главе с Толшаном Тиленши. К ним присоединились аргыны, адаи, кете и ожраи, т.е. все роды, потерявшие свои земли в результате русской экспансии. Атаки на русские укрепления нарастали до лета 1823 г., когда из Оренбурга были переброшены новые части для подавления казахов. Олкотт отмечает, что примерно к 1820 г. проблема администрирования приобрела для русских новое значение, так как выросли российские торговые интересы в регионе. Набиравшая темпы российская промышленность нуждалась в новых рынках, а азиатские были более предпочтительнее, чем европейские. Казахскую степь пересекали торговые караваны, направлявшиеся в Персию, Китай, Индию и среднеазиатские ханства, но их сохранность в то время никто не мог гарантировать, а гарнизоны в Омске и Оренбурге были слишком немногочисленны. Эту проблему должна была решить реформа колониальной администрации, которую связывают с именем М.М. Сперанского (1822). В отличие от реформы Игельстрома 1787 г. в Младшем жузе, реформа Сперанского полностью упразднила ханскую власть в Среднем жузе.

Согласно «Управлению сибирскими киргизами», принятому 22 июня 1822 г., казахи Среднего жуза подчинились гражданской администрации Западной Сибири, во главе которой стоял генерал-губернатор М.М. Сперанский. Казахи по новому уложению должны были существовать по следующей схеме: самой мелкой административной единицей был аул (родовая управа), состоявший из 50—70 юрт, или 15 семей. Аул управлялся избираемым старейшиной. Далее шла волость (инородная управа), включавшая в себя 10—12 аулов и управлявшаяся султаном или другим представителем аристократии, выбираемым старейшинами. Вся территория сибирских киргизов была поделена на 87 волостей, структурированных в четыре округа. Каждый округ находился в ведении приказа — комитета, в котором председательствовал старший, как правило, султан и который включал в себя двух российских представителей из Оренбурга и двух выбираемых на двухгодичный срок казахских представителей. В последующие десятилетия российские власти сделали попытку кодифицировать обычное право, так как адат оставался реальностью не только у казахов, но и всех других кочевников. Таким стал «Свод законов для степи» 1841 г. В 1852 г. были введены военные суды, а в 1854 г. их юрисдикция распространилась на все уровни судопроизводства сибирских киргизов.

У этих реформ был ясно выраженный экономический подтекст: каждый казах получил право на обработку 15 десятин (40 акров), старейшины — 30 десятин, а султаны — 40 десятин. В то же время новые правила ограничивали пользование пастбищами: каждый округ, каждая волость и позднее каждый аул получали границы, в пределах которых имели право кочевать без разрешения местных властей. Целью данных нововведений русских властей было стремление побудить казахов к оседанию, с одной стороны, а с другой

— поставить кочевья под свой контроль. Политическим эффектом реформы стало существенное урезание власти казахской аристократии. Султаны сохранили юрисдикцию над духовенством, мечетями и религиозными школами, а права мусульманского духовенства были сохранены, так как глава МИД барон Мейендорф был убежден, что духовенство оказывает позитивное влияние на общество.

Реализация реформы пришлось на 1824 г., когда генерал Эссен приступил к переговорам с наиболее влиятельными лидерами Среднего жуза — Каратаем Нурали-улы, Темиром Ерали-улы и Джумой Кудаменди-улы, каждый из которых стал своего рода региональным администратором с титулом султана-администратора. Каратай, считавший себя ханом, получил в управление западные территории между Илеком и Аральским морем; Темир получил в управление центральные земли вдоль рек Тогузак и Тобол; восточную секцию возглавил в качестве султана-администратора Джума, племянник Каипа, также претендовавший на титул хана, его улус включил в себя земли вокруг рек Кала и Сыр-Дарья вплоть до бухарских владений. Каждый султан-администратор получал от русских властей дом и ежемесячное содержание в размере 150 руб., а также право на сбор всех налогов и податей, полагавшихся российскому правительству. В западных и центральных регионах должность султана-администратора оставалась в руках семьи Абулхаира, а в южных регионах доминировали представители дома Каипа.

В 1844 г. Оренбургская пограничная комиссия была упразднена, а ее функции в качестве управляющего органа взяло на себя Оренбургское генерал-губернаторство. Для усиления авторитета султанов-администраторов им передавались подразделения в составе 100—200 казахов (под русским командованием). В 1845 г. перед смертью хана Джангира аналогичная с небольшими модификациями система

управления была введена во Внутренней Орде. Но реформы, делает вывод Олкотт, не достигли своей цели. Беспорядки в степи продолжались, расцветала барымта и не имели место нападения на русские поселения за оградительной линией. Это привело к тому, что Игнатьев отправил в 1858 г. специальную миссию в степь, которая констатировала, что насилие против казахского населения является результатом слабости и коррумпированности султанов-администраторов. Доклад привел Петербург к мысли о необходимости ввести новую форму администрации в степи (Olcott, 1995, pp. 57—62).

§ 7. Сопротивление в степи

М. Олкотт выделяет в отдельный раздел события, связанные с ростом сопротивления среди казахов в первой половине XIX в. На этот раз основные события развернулись не в Младшем, а в Среднем жузе. Однако Олкотт подчеркивает, что первое организованное сопротивление со стороны казахов в начале века имело место не в этих жузах, а во Внутренней Орде. Она объясняет это тем, что именно здесь проблема нехватки земли была обострена в наибольшей степени. Катализатором проблемы стала необычайно тяжелая зима 1826—1827 гг. В поисках пастбищ казахи устремились в Саратовскую губернию. Русские войска заставили казахов во главе с Каип-Али отойти назад за Урал. Эти события вынудили А. Геймса, председателя Пограничной комиссии, рекомендовать правительству заняться решением земельной проблемы у казахов. Однако власти игнорировали его рекомендации. В 1829 г. столкновения за Уралом вновь повторились. Причиной военных неудач казахов Внутренней Орды и относительной стабилизации обстановки в последующие годы американская исследовательница видит в наличии крупных русских военных сил и отсутствии у казахов сильного и авторитетного лидера.

Тем не менее ситуация для казахов ухудшалась: население росло, количество земель постоянно уменьшалось; кочевники были вынуждены платить те же налоги, хотя количество скота существенно уменьшилось. Казахское население облагалось зякетом в пользу хана, и в то же время несло аульную повинность русским властям. Чтобы иметь возможность платить налоги, многие скотоводы были вынуждены избавляться от части скота. Таким образом, антирусские настроения нарастали. Восстание началось в 1836 г. Его наиболее заметной фигурой был Исатай Тайман-улы (Тайманов), старшина рода Берш. Исатай Тайманов вместе с Махамбетом Утемисовым организовали вначале сопротивление ханскому режиму внутри Внутренней Орды. Они выкинули абсолютно новый лозунг — газавата против русских и одновременно против хана. Усиленным русским войскам и казакам только в июле 1838 г. удалось разбить повстанцев и убить Исатая. Результатом этого восстания стала отмена в 1841 г. временной комиссией института ханской власти в орде.

Самым крупным вызовом русскому владычеству в Казахстане стало восстание Кенесары Касымова в Среднем жузе. Восстание, продолжавшееся с 1837-го по 1846 г. было кульминацией продолжавшейся пятнадцать лет оппозиции Касыма-хана и его семьи русской власти. Касым был сыном Аблая и считался наследником Вали-хана. Однако после смерти Вали институт ханской власти был отменен. Касым и его сын Саржан заняли враждебную русской администрации позицию. В эти же годы произошел рост налогов и обострение конкуренции между русскими и казахскими коммерсантами. В 1825 г. Саржан Касымов предпринял рейд против казачьих отрядов, посланных для умиротворения Среднего жуза. Поддержка среди населения вооруженному сопротивлению Саржана была широкой, и русским властям с большим трудом удалось подавить его в конце 1827 г. Саржан бежал в Коканд,

но до конца 1830 г. он вел партизанскую войну против лояльных русским казахских родов. В 1834 г. он вновь потерпел поражение. С 1834-го по 1836 г. Саржан возглавил борьбу против кокандской экспансии в Южном Казахстане и погиб в битве под Ташкентом.

После смерти Саржана лидерство перешло к его сводному брату Кенесары, который родился в Кокчетаве в 1802 г. Кенесары, как и его дед Аблай, был глубоко убежден, что только ему удастся объединить казахов, чтобы справиться с двумя угрозами: поглощением Россией и попаданием в руки Коканда. Весь клан поддержал Кенесары, который приобрел массовую популярность. Он поставил целью обеспечить своему движению массовую поддержку. Оно стало последним случаем в истории, когда жуз выступил как единое целое. Кенесары продемонстрировал свою оппозицию русскому режиму в 1837 г. Он собрал под свои знамена 20 тысяч человек, провозгласил восстановление ханской власти и с именем Аблая повел свои силы в бой. Но это случилось позднее. В 1838 г. Кенесары направил пять своих офицеров с письмом протеста к князю Горчакову, генерал-губернатору Западной Сибири. В этом письме Кенесары резонно утверждал, что казахи должны управляться сами, а институт ханской власти должен быть восстановлен. Он заявил, что новая политическая администрация коррумпирована, казачество эксплуатирует казахское население.

Русские власти отвергли требования Кенесары и сделали попытку расправиться с ним военным путем. К этому времени уже вся российская торговля со Средним жузом и через его территорию была полностью расстроена. В 1838 г. потери от действий Кенесары оценивались в 8 млн руб. В этом же году оправдались опасения Оренбурга, что Кенесары получит поддержку со стороны Младшего жуза. Основной удар Кенесары нанес по российским поселениям вдоль рек Ир-

гиза и Тургая. Это заняло период с 1840-го по 1844 г. Цель оставалась та же — реставрация Среднего жуза как ханства. В эти годы Кенесары правил в жузе, опираясь на совет родовых старейшин и ведущих батыров. Его правой рукой был брат султан Наурыбай. Средства на организацию восстания Кенесары получал за счет прямых налогов и сборов с караванов. Он восстановил свод законов, базировавшийся на Жеті-жарғы с модификацией за счет шариатских норм, и ввел разделение юрисдикции между судами биев и судами казиев. Кенесары нашел поддержку у польских националистов, сосланных в казахские степи. Они чинили и мастерили для его армии огнестрельное оружие. Эмир Бухарский также отправлял ему дополнительно оружие.

В 1844 г. стало ясно, что казахам не удастся устоять против превосходящих русских сил. Кенесары был вынужден покинуть территорию Среднего жуза. Он присоединился к Джан-Ходже Нур Мухаммеду, который вел борьбу за освобождение киргизов от Коканда. В 1847 г. он пал в сражении. После подавления восстания русское военное присутствие в Среднем жузе усилилось, а также увеличилось количество поселений. В результате против русских вспыхнули еще два восстания: одно под руководством Исета Кутебар-улы в 1853—1857 гг. на Эмбе, а другое — под руководством Джан-Ходжи Нур Мухаммедова с 1856-го по 1858 г. Начиная с 1847 г., русские власти ежегодно требовали растущее число верблюдов для использования своих военных операций в Средней Азии. В 1853 г. требование предоставить 4000 верблюдов и 4200 лошадей для осады Ак-Мечети стало катализатором недовольства политикой реквизиций, которую осуществлял султан-администратор Арслан Джантурин. Восстание Кутебарова было напрямую направлено против него. Исет Кутебар в своих операциях опирался на Хиву в качестве тыла, и русским властям пришлось стянуть крупные силы и тяжелые

орудия, чтобы в 1858 г. заставить Исета сдаться. В это же время русским пришлось подавлять восстание среди шектинцев во главе с Джан-Ходжой. Против русских на Сыр-Дарье сражались, кроме Шекты, еще пять родов. Казахи занимались земледелием на Сыр-Дарье с 1820-х гг. На протяжении всех 1850-х гг. русские военные власти покушались на возделываемые казахами земли, и в 1856 г. после завершения фортификационной линии они были окончательно заселены казаками. Джан-ходжа и его войско, насчитывавшее к тому времени всего 1000 человек, присоединились к Исету. Это восстание ждала та же участь (Olcott, 1995, pp. 62—69).

Пужоль пишет, что в первой четверти XVIII в. геополитическая ситуация в казахских степях претерпевает радикальный поворот. Если в течение нескольких веков казахское ханство подвергалось периодическому напору со стороны узбекских ханств на юге, башкирских и калмыцких племен — на севере и на западе, то со стороны Джунгарии угроза была постоянной, вынуждая реагировать региональные державы, в частности Россию.

Такой контекст определил рождение «казахской» политики со стороны России между 1700-м и 1914 г., которая подразделялась на три основные фазы: установление пограничных линий; далее — усмирение-завоевание; затем административная и экономическая колонизация, особенно после декрета 1889 г., определившего свободное поселение русских крестьян в Казахстане. «Добровольное присоединение» казахских степей к Русской империи, фактически вторжение Русской державы в казахское пространство, было совершено в соответствии с особыми условиями, в которых оказался Казахстан: просьбы со стороны ханов о русской защите от внешних врагов, формальная верноподданность Младшего (1731) и Среднего жузов (1740), затянувшаяся операция по усмирению, установление русского демографического и культурного влияния.

С конца XVIII в. русские крепости стали настоящими центрами торговли через плотную сеть ярмарок и обменных рынков. Этим объясняется экономическая ориентация данного региона на Россию. Тем не менее до 1782 г., или через 50 лет после подписания первых договоров о лояльности, русское влияние не переступает эти пограничные зоны казахской территории. До этой даты официальные посланники Казахстана к русскому двору принимались как послы, тогда как в начале XIX в. им дадут титул «депутатов». Казахская политическая власть замыкается вокруг зимних стойбищ и мест традиционных летних пастбищ. И русское влияние становится реально только тогда, когда в степи внедряется эффективное взимание налогов, хотя и признаваемое несправедливым.

Царская администрация, введя рублевый налог, внедряла его в традиционный способ обитания казахов — юрту. Это обнаруживает полную неадекватность русской налоговой системы с реалиями кочевого образа жизни, где любая казахская семья живет в одной юрте и ее богатство зиждется на поголовье скота. Таким же образом русское налогообложение перевело казахов с обменной экономики на монетарную, поскольку пошлины должны были взыскиваться в рублях, что спровоцировало на неопределенный срок глубокие культурно-социальные проблемы.

Влияние России проявило себя в области права и земельной собственности. Неправославные народы, недавно вовлеченные в административную структуру России, воспринимаются как инородные и, исходя из этого, подчиняются кодексу русских законов, установленному по отношению к ним. С другой стороны, кочевые племена, которые имели в пользовании традиционные пастбища во время сезонных кочевий, все чаще сталкиваются с русскими или казачьими деревнями, расположившимися на «их маршрутных землях». Культурный шок окажется резким, так как земля у казахов была

в коллективном пользовании, что было совсем по-другому у русских и казаков, которые строили свои избы на обособленном клочке земли (Poujol, 2000, pp. 41—42).

Усиление русской колониальной политики имело своим следствием прогрессирующую дестабилизацию казахской социально-политической структуры, особенно с появлением на севере степи русских поселенческих клиньев в ущерб традиционным площадям кочевья и пастбищ. Политика заселения русскими крестьянами пастбищных земель и маршрутных кочевий, произвол русской администрации, усиление казачьих притеснений вызывали скрытое недовольство, которое мало-помалу трансформировалось в состояние постоянного бунта — вплоть до революции 1917 г.

Представляет интерес оценка К. Пужоль восстания Кенесары. Она считает, что, несмотря на то, что оно охватило почти всю казахскую территорию и пыталось, прежде всего, восстановить традиционную власть ханов в степи, продемонстрировало конец колебаниям Старшего жуза между Китаем и Россией в пользу последней (Poujol, 2000, p. 45).

Но включение Казахстана, по мнению автора, в состав России имело, кроме всего прочего, и серьезный геополитический контекст. К середине XIX в. все казахские земли были включены в русское стратегическое пространство, делимитированное как на юге, так и на севере военной структурой, отныне действующей внутри территории и готовой предпринять новые операции вне ее. Продвижение России в направлении британских бастионов в Индии усилило соперничество, которое продолжалось в течение века, и опасно сблизило эти две антагонистические державы. Это никоим образом не мешало царской администрации включать все новые территориальные приобретения в постоянно изменяемую пограничную линию империи, стремящейся внедрить единую державную структуру по всей российской территории.

Среди разрозненных свидетельств сопротивления российскому господству в степи осталось воспоминание о некоем Есете Котибаровом (Есет-батыре), очень популярном в Западном Казахстане в 1840—1850-е гг. Есет-батыр, как пишет Залесский, был самой богатой личностью в своем роду и долгое время не хотел признавать русское правительство, и несколько военных отрядов довольно долго искали его в степи. Спустя длительное время, убедившись, что дальнейшая борьба невозможна, он со всем своим родом присоединился к казахам, принявшим русское подданство, и даже сам не раз оказывал услуги российскому правительству. Он остался вождем своего рода, собирал налоги, умирал раздоры и исполнял должность судьи (Zaleskiy, 1865).

Акинер отмечает, что в первоначальный период процесса аннексии Казахстана Россией у царской администрации не было серьезной оппозиции в степи. Спонтанные восстания и движения быстро и легко подавлялись. Как правило, такие вспышки были спровоцированы очередными решениями русской администрации, ограничивающими использование традиционных пастбищ. Первым серьезным вызовом русскому господству и власти поставленной ею «клики» стало восстание 1836—1837 гг. Его значение носило не военный характер, подчеркивает Акинер, а идеологический. Участники восстания увековечили свои имена в стихах, которые быстро распространились по всей Казахской степи. В дальнейшем спонсорами освободительного движения среди казахов выступали Хивинское и Кокандское ханства, что придавало движениям мусульманский оттенок. И только в 1916 г., забегает вперед автор, общенациональное восстание казахов подорвало господство России, слившись затем в единый процесс с Великой русской революцией (Akiner, 1995, pp. 21—23).

Немецкий ученый Г. Финдейзен отмечал в своем эссе «К истории казахско-русских отношений», что до восстания, в 1910 г., Акмолинская область превосходила по количеству скота Московскую в два-три раза (кроме свиней). Одним из тяжелых последствий восстания 1916 г. было массовое разорение, разрушение экономических связей и, как результат, ухудшение положения казахского населения. После восстания, пишет Финдейзен, 300 тысяч казахов были согнаны со своей земли, а их скот и имущество переданы русским колонистам (Findeisen, 1958, S. 8).

Описывая проблему в начале XX в., Олкотт в качестве одной из важнейших проблем предреволюционной истории Казахстана выделяет земельную. При этом автор рассматривает ее под следующим углом зрения: проникновение оседлой сельскохозяйственной культуры именно в казахскую среду как причина эрозии традиционного кочевого хозяйства и обострения земельной проблемы в Туркестане. Олкотт отделяет свой подход от традиционного, видевшего причину социальной и этнической напряженности в регионе в переселении крестьян из Европейской России и передаче им пастбищных земель. Однако, считает Олкотт, причина напряженности крылась в распространении среди казахов рыночных отношений и возросшей конкуренции не между кочевниками и переселенцами, а скорее между местными и пришлыми земледельцами (Olcott, 1995, pp. 83—99).

Но в целом взгляды американской исследовательницы не сильно отличаются от общепринятых в мировой (и советской) историографии: к началу восстания 1916 г. в Казахстане уже жили около 3 млн европейских колонистов против 5 млн казахов. При этом 90% казахов по-прежнему продолжали заниматься животноводством. Другой важной причиной восстания Олкотт считает рост социальной дифференциации среди казахского населения.

§ 8. Подчинение Старшего жуза и завоевание Средней Азии

После 1730 г., пишет М. Олкотт, когда ханы Младшего и Среднего жузов становились формально юридически и реально российскими подданными, большая часть Старшего жуза оставалась под контролем джунгар. Джунгарское ханство было разгромлено в 1756 г. С этого момента казахи Старшего жуза разделяются на три части: первая группа мигрирует в Джунгарию и занимает освободившиеся от джунгар пастбища, и ей приходится признать китайский сюзеренитет; вторая группа оседает в Ташкентском регионе, адаптирует полуоседлый образ жизни, а некоторые из них присоединяются к родственным каракалпакам; после того как войска Алим-хана взяли Ташкент в 1808 г., эти казахи становятся подданными Коканда; и, наконец, третья группа прочно осела в Семиречье и вскоре создала здесь нечто вроде независимого государства. От себя добавим, что история совершила свой цикл: регион, в котором возникло ханство Джанибека и Гирея, вновь стал прибежищем последней свободной группы казахских родов.

В первой половине XIX в. это образование возглавлял сын Аблай-хана Суюк, которому удалось создать своего рода военный буфер между двумя экспансионистскими силами, скимавшими казахов с двух сторон — Россией и Кокандом. Суюк решил, что Коканд является большим злом, и в 1818 г. принес присягу на верность России. Русские власти использовали этот шанс для того, чтобы укрепить свои позиции и контроль над торговыми путями в регионе. В 1848 г. уже была сформирована администрация для управления Старшим жузом, а в 1854 г. этот регион стал частью Семипалатинской губернии.

Одновременно происходило продвижение русских и хивинцев в Сырдарьинском регионе. Кампания 1839 г., кото-

рую провел В.А. Перовский против Хивы, провалилась, и его экспедиционный корпус после крупных потерь был вынужден ретироваться на север. Эти события заставили Перовского вернуться к прежней стратегии продвижения, опираясь на фортификационные пункты. В 1847 г. Перовский выступил с амбициозным планом сомкнуть две фортификационные линии: одну в качестве продолжения Ново-Александровской линии от северо-восточной части Аральского моря протяженностью 300 миль вдоль Сыр-Дарьи, а другую продолжать на юг от Семипалатинска. Строительство этих линий началось с основанием фортов Раим (Аральск) и Копальск и завершилось через шесть лет постройкой Казалинска в 1853 г. и основанием Верного (Алма-Аты) в 1854 г. После этого русские смогли начать военные действия против кокандцев.

Олкотт отмечает, что русские были не одиноки в своих попытках завоевать казахские степи. Правитель Коканда хан Омар (1809—1822) также проводил экспансионистскую политику в отношении казахских территорий. Завоевание Ташкента позволило его войскам устремиться за правый берег Сыр-Дарьи. Продвижение Коканда в степь шло по двум направлениям: 1) от Ташкента к Чимкенту, далее в направлении Аулие-Ата (Джамбул), Пишпека (Фрунзе) и озера Иссык-Куля; 2) вдоль Ферганской долины через реку Нарын и далее на север по казахским территориям. Многие султаны Старшего жуза поддерживали Омар-хана, поскольку он разрешил им осуществлять сбор обычных налогов с казахского населения в свою пользу, в его пользу — зякет и ушур. Таким образом, простое население оказалось под двойным налогообложением. Уже в 1821 г. казахи Туркестана, Чимкента, Сайрама и Аулие-Ата подняли восстание как ответ на кокандский гнет. Все 1830-е и 1840-е гг. продолжались регулярные столкновения между казахами и кокандцами, а в 1858 г. после повышения налогов казахи атаковали кокандцев в Токмаке и Аулие-

Ате. В этот период настало время выбирать между Россией и Кокандом. Олкотт считает, что казахи на севере Старшего жуза, которым русские власти обещали налоговое послабление, симпатизировали русским, в то время как южные казахи были твердо уверены, что ими должен управлять мусульманский правитель. Таким образом, русским пришлось столкнуться с сопротивлением казахов в районах рек Чу и Или.

Как вполне справедливо обращает внимание Олкотт, положение в Средней Азии осложнялось геополитической ситуацией: Россия стремилась утвердиться в регионе и вытеснить английское влияние без угрозы антагонизирования своих отношений с Лондоном. В 1862 г. Великобритания подписала договор о союзе с афганским эмиром Дос-Мухаммедом. Это создало прямую угрозу захвата Англией Бухары и Хивы. Общий внешнеполитический фон осложнялся эмбарго на продажу хлопка из южных штатов США и польским восстанием 1863 г. Российское общественное мнение и власти были настроены в пользу решительных действий в Средней Азии. В конце 1864 г. царь Александр II подписал указ о том, что Коканд должен быть завоеван в течение 1864 г. С июня по конец сентября 1864 г. генерал М.Г. Черняев захватил практически всю территорию Кокандского ханства и Южного Казахстана. В это время министр иностранных дел Российской империи канцлер А.М. Горчаков направил различным европейским правительствам меморандум, в котором оправдывал действия России «как представительницы всех цивилизованных государств, которая вошла в контакт с полудикими кочевыми народами, не обладающими четкой социальной организацией». В конце концов Горчаков объяснял действия своей страны заботой об охране своих границ и коммерческими интересами. Окончательное завоевание Коканда из-за противодействия Англии завершилось лишь в 1876 г., когда номинально была упразднена власть кокандского хана, а го-

род оккупирован Россией. Бухара и Хива стали российскими протекторатами еще раньше — в 1873 г. Ядром новой административной системы, которую стали создавать русские власти, стал Ташкент (Olcott, 1995, pp. 71—76).

Глава III. Казахский номадизм

§ 1. Географический фактор и природная среда

К. Пужоль писала в своей книге о Казахстане: «Появление кочевого скотоводства в евразийских степях дает поразительный пример возможностей экологической адаптации людских групп на неприветливых территориях. Таким образом, обозреваемое в течение длительного времени степное пространство представляет чередование эпизодов конфронтации с фундаментальной оседлостью соседей и эпизодов внедрения в империи, эпицентр которых будет расположен вовне» (Poujol, 2000, p. 15).

Яркие и достоверные описания географических условий, в которых жили казахи в середине XIX в., сохранились в альбоме польского ссыльного Б. Залесского (Ч. I. Гл. IV. § 2) «Жизнь казахских степей» (Zaleski, 1865). Залесский писал: «Казахские степи занимают возвышенное плато Центральной Азии. Начинаясь у пределов Урала, они тянутся на восток, охватывая Аральское море и северное побережье Каспийского моря, граничат с землями туркменов, Бухарой, Хивой, Кокандским ханством, а на севере — с азиатскими владениями России. Часть этих степей, входящая в состав Оренбургского генерал-губернаторства, занимает территорию, равную по размерам Франции, Испании и Португалии, вместе взятым... Находясь на грани двух миров, эти степи с древнейших времен были кочевьем диких орд, которые выплескивались из Азии в Европу... Различные части степи, несмотря на общий характер, имеют особые черты. Так, степь, которая тянется от Урала к Каспийскому морю, очень плоская, монотонная и является самой богатой пастбищами. Пространство, которое отделяет Аральское море от Каспийского, представляет собой пустыню. Равнины, которые тянутся к внутренней ча-

сти Азии по берегам Сыр-Дарьи, оживлены течением этой красивой и великолепной реки. Мангышлак, расположенный на восточном берегу Каспийского моря, представляет собой красивые меловые горы фантастических очертаний... Особенностью всей степи, придающей ей общий характер, являются блестящие массы и поблескивающие почвы, пропитанные солью, которые называются солончаками... Истинным царем пустыни является верблюд, приносящий казахам огромную пользу и окруженный их заботой. В знойную и тихую ночь голос верблюда кажется звучным и величественным, напоминая звуки церковного органа. Его мощь хорошо сочетается с бескрайностью степей и побуждает в душе торжественные мысли...

Казахи появились в результате смешения различных племен Центральной Азии и говорят на татарском языке. Не являясь настоящими монголами, они, однако, имеют специфические черты этой расы и, несомненно, принадлежат к этой семье. Казах обычно хорошо сложен и очень силен; чаще всего у него орлиный нос, лицевой угол довольно прям, скулы выдаются, глаза слегка раскошены, порой наблюдаются чисто монгольские типы, имеются негустые усы и редкая борода... Казахи потеряли свою былую воинственность, идущую от Чингис-хана... Обладая большой проницательностью и живым умом, казахи также наделены некоторым добродушием и большой простотой, которая происходит от их образа жизни. Ловкий и хитрый, как все монголы, казах часто по-детски наивен и невероятно беспечен. Чувство родины развито у него не больше, чем у других народов; он легко и слепо подчиняется авторитету. Религиозные представления развиты у них весьма слабо. Соседство с Бухарой, Хивой и оренбургскими татарами способствовало известному распространению у них некоторых идей и обычаев Корана. Насыщенный восточными традициями их образ жизни

привел к тому, что их причислили к последователям Мухаммеда. В действительности же они таковыми не являются, и трудно определить, к какому культу они принадлежат. Что касается вероисповедания, у них лишь общие понятия о божестве. Достоверно, что они не совершают омовений и молитв, предписанных исламом, не имеют мечетей и мулл и не совершают никаких паломничеств к гробу Пророка. Казахи никогда не являли миру религиозного фанатизма истинных мусульман.

В настоящее время казахи занимаются исключительно кочевым скотоводством. Русское правительство хотело приучить их к земледелию и делало попытки такого рода на берегах Урала и Илека. В этих краях могло бы развиваться земледелие, почва очень плодородна, но ее обработка пока редкое исключение именно из-за трудности, а также еще потому, что это занятие чуждо натуре степных пастухов. Несмотря на все усилия, земледелие не получило еще здесь желаемого размаха. Степь лучше всего приспособлена для разведения большого количества лошадей, овец и другого скота. Казахов разделяли в старину на три орды: Большую, Среднюю и Малую. Большая Орда, или Золотая Орда, ныне называемая Букеевской, является самой богатой из всех и кочует между Волгой и Уралом. Средняя Орда занимает степи Южной Сибири, а та часть степи, несколько зарисовок которой мы воспроизводим здесь, принадлежит к Малой Орде. Как и две предыдущие, она разделена на племена и семьи и состоит в ведении Оренбургского генерал-губернатора, который назначает султанов и чиновников по своему усмотрению»²⁸.

Большой интерес представляют те главы из книги Залесского, в которых отражается влияние природной среды

²⁸ Здесь и далее цит. по: Залесский Б. Казак сахарасына саяхат / Жизнь казахских степей. — Алматы/Алма-Ата: Өнер, 1991. С. 18—24.

на жизнь и быт казахов. Это такие разделы, как «Кибитка или палатка казаха», «Жизнь в казахской кибитке», а также главы, посвященные географическому описанию отдельных местностей: реки Иргиз, озеру Джаланаш, горе Айрақты, Усть-Урту, бухте Новопетровск, Мангышлаку, долине Апазир, Шир-кале, Ак-Тау и др. Географическая среда, считает Залесский, наложила отпечаток и на казахские жилища. «Кочующие казахи, подобно всем скотоводческим племенам, вынуждены были изобрести для себя такое жилище, которое бы защищало их от холода и чрезмерной жары и которое могло быть легко перевозимо с места на место. Этим требованиям прекрасно отвечает их кибитка (юрта). В случае переезда с места на место такая кибитка разбирается в мгновение ока, жерди и войлок скатывают отдельно и грузят на спину верблюдов... Обычно аул располагается недалеко от воды и пастбищ, чтобы достаточно долго не двигаться с места. Прибыв на новую стоянку, проводник намечает место для каждой кибитки. Существование, которое ограничивается удовлетворением самых простых потребностей, радостно лишь пока держится прекрасная погода и тепло. Но когда приходит зима, положение становится очень тяжелым, просто ужасным, степняк должен быть закаленным, чтобы ее выдержать. Зимой казахи ищут защищенные места, ущелья, холмы, которые предохраняют от ветра»²⁹.

Ш. Акинер, автор книги «Формирование казахской идентичности», считает, что историю казахов, казахского кочевого образа жизни и казахского номадизма нельзя рассматривать без отрыва от географических условий. Базой для формирования казахского номадизма стало пространство, на котором казахи, а до этого их предшественники, осуществляли свой сезонный цикл миграции. Исторически эти территории были

²⁹ Там же. С. 29—33.

больше современного Казахстана. В период максимального расширения они простирались от Волги и Каспийского моря на западе до рек Тарим и Или на востоке; от нижней оконечности Сибири на севере до рек Сыр-Дарья и Чу на юге. В целом эта территория охватывала около 3 млн км². В исторической перспективе эти условные границы, обусловленные в первую очередь природными условиями, зависели также во многом от соотношения сил между казахами и их другими кочевыми соседями (Akiner, 1995, p. 5).

О влиянии географических условий на формирование казахского номадизма говорят не только историки, но и экономисты. Так, французский исследователь Л. Бланшар писал в 1961 г.: «Природные условия, которые преобладают в Казахстане, обрекают эту территорию быть землей в основном неосвоенной, представляющей собой все характеристики страны неразвитой в своей основной части. Рост населения и экономическая экспансия заставляют уменьшаться оторванные периферийные зоны, оставляя кочевому хозяйству широкие пространства полупустынь и пустынь, которые продолжают доминировать в стране казахов» (Blanchard, 1961, pp. 405—406). О роли лошади в степной жизни казахов писал также наблюдавший их в середине XIX в. Б. Залесский: «По мнению казахов, настоящий конь должен преодолеть за раз 40 км: первые 10 км — шагом, вторые — рысью, третьи — галопом и последние — во весь карьер! Подобные лошади в необъятной степи — настоящее сокровище. Они-то и составляют истинную породу казахских лошадей. В степях, но только у очень богатых людей, имеется еще одна порода — аргамаки. Это лошади хивинской или туркменской породы, которые происходят от скрещивания казахской породы с персидской. Они значительно крупнее, чем казахские, обладают красивыми формами — гладкими ногами, длинной шеей и сухой головой. Они очень резвы, но быстро утомляются, содержать

их дорого... К тому же это составляет монополию хивинских ханов, поэтому добыть аргамака нелегко»³⁰.

Природная среда диктовала как способ кочевания, так и контуры территорий, контролировавшихся отдельными жузами и родами. Акинер выделяет четыре основные климатические зоны: степная зона, являющаяся продолжением Западносибирской равнины, охватывает север Казахстана вплоть до Тургая и Семипалатинска и насыщена реками. Центральная зона полупустынь простирается от Эмбы до озера Зайсан, которую Акинер поэтически называет «казахской овечьей страной». Именно эти территории в наибольшей степени страдают от джутов. Между Каспием и Балхашем лежит зона пустынь. Его главная климатическая особенность — нехватка водных ресурсов. На юго-востоке страны лежит четвертая — горная зона, образованная отрогами Алтая и Тянь-Шаня. Это наиболее благодатная в климатическом смысле территория, приспособленная для летних пастбищ. На уникальной по своему экономическому значению роли казахской овцы останавливается Залесский. Он отмечал, что казахские овцы составляют особую породу, легко преодолевают большие расстояния, переносят суровую зиму, сами добывают себе пищу и обладают жировым резервом — курдюком, что и выделяет эту породу. Попытки приспособить казахскую овцу к европейским условиям на западной стороне Урала приводили к тому, что овцы начинали вырождаться и через год-другой теряли свой курдюк (Zaleski, 1865).

Исторически эти зоны были поделены между казахскими племенными объединениями: Младший жуз занимал преимущественно пустыни и полупустыни Западного Казахстана и частично степи Северного Казахстана вдоль Урала; Средний жуз занимал центральную зону полупустынь и частично южные пустыни к востоку и северу от Арала; Старший жуз

³⁰ Там же. С. 83.

занимал восточную часть центральной климатической зоны и весь горный восток и юго-восток Казахстана (Akiner, 1995, pp. 6—7).

На территории современного Казахстана кочевое хозяйство утвердилось, отмечает Акинер, более двух тысяч лет назад. Если начало номадизма скрыто завесой истории и может быть приблизительно отнесено к эпохе бронзы, то его окончание известно: это советская коллективизация в начале 1930-х гг. И хотя номадизм более не является живой традицией у казахов, он по-прежнему сохраняет положение фундаментального элемента национального самосознания. С ним связаны искусство и поэзия, ритуалы и язык, он является связующим звеном между народом и окружающей природой. Экономической базой кочевого казахского общества были овцы, с другим же важным животным — лошадью связаны у казахов возможности для быстрого передвижения, транспортировки хозяйства и общий стиль жизни, свободный и воинственный. В сфере материальной культуры базовым элементом являлась юрта, приспособленная всем опытом тысячелетий для кочевой жизни. Удивительное сочетание человеческой силы с мощью коня, пишет автор, давало казахам почти мистическое ощущение полета, которое отразилось в их эпосе, поговорках и метафорах, образе мышления и представлении об окружающем мире и позволяло им свободно передвигаться и отстаивать свою независимость на обширных пространствах Евразии.

Кочевой образ жизни требовал постоянного выпаса животных в течение года, который, соответственно, делился на четыре сезона в зависимости от характера используемых пастбищ. Первый период начинался ранней весной и длился в течение апреля и мая, когда можно было обеспечить окот, стрижку и кастрацию. Второй период охватывал летние месяцы, когда казахи перемещались в северные степи,

на высокогорные пастбища и в долины рек. Это был самый благодатный период, когда скот нагуливал вес, поэтому наиболее острый характер носило соперничество между родами за джайляу. Осенняя миграция продолжалась вплоть до октября, когда производилась повторная стрижка животных, а также производили другие операции, включая забой скота, спаривание и т.д. В конце осени казахи предпринимали последнее кочевание в сторону зимних пастбищ в защищенных от ветра, снега и холодов долинах с мягким климатом, как правило, в южных областях Казахстана.

Однако эти миграции только непосвященному могли бы показаться хаотичными. Весь цикл жестко регулировался выработанными в течение столетий путями, зависимостью от водных источников, статусом и принадлежностью тех или иных пастбищ, состоянием почвы в данный момент в том или ином месте и циклическими изменениями климата. Главной, но не единственной заботой кочевников, была забота о сохранности пастбищ. Кроме того, было необходимо позаботиться о своевременной обработке шерсти для жилищ, поддержании деревянных конструкций, осуществлении обмена и т.д. Каждый аул имел своих ремесленников различного профиля, а также специалистов в области земледелия, так как в весенние и летние месяцы кочевники сеяли в ограниченных масштабах сельскохозяйственные культуры вблизи от своих лагерей (Akiner, 1995, pp. 12—13).

Дистанции, которые покрывались в ходе кочевок, варьировались в зависимости от особенностей каждого региона. В среднем, считает Акинер, группы аулов преодолевали за день 10—15 км. Расстояние между летними и зимними пастбищами могло достигать 1000 км и более. «Казахские земли», на которых осуществлялось кочевое хозяйство, образовывали три экономических союза. Первый такой союз вырос из необходимости кочевать в значительной степени «по вертикали»,

используя гористый рельеф предгорий Алтая и Тянь-Шаня и пространства до бассейнов Сары-су и Сыр-Дарьи. Для этой экономической структуры нормальными были расстояния во время кочевок порядка 200—300 км. Кочевники этой экономической зоны имели постоянную возможность взаимодействовать с оседлыми центрами Илийской и Ферганской долин. Исторически она стала ядром владений Старшего жуза.

Второй экономический союз, пользуясь терминологией Акинер, начинался от пустынь Арала и простирался через полупустыни и степи Центрального Казахстана. Для этих территорий нормальными были расстояния от 1000 км и больше. Казахи из этого союза также соприкасались с оседлым населением сырдарьинского пояса городов. Этот самый крупный по территории союз был территорией Среднего жуза. И, наконец, третий союз развился от кочеваний казахов между прибрежными пространствами Аральского и Каспийского морей до бассейнов Волги, Урала, Иргиза и Тургая. Здесь казахи также соприкасались с сельскохозяйственными народами, но только в Волжском регионе. Эти территории были владением Младшего жуза (Akiner, 1995, pp. 13, 14).

Б. Залесский, давая еще в XIX в. описание долины Апазир на Мангышлаке и районы Сыр-Дарьи, подробно описывает богарное земледелие, которое на тот момент было достаточно сильно развито у казахов. Однако утверждению у казахов земледелия мешала не нехватка воды, делает вывод Залесский, а национальный характер, который требовал отдавать предпочтение кочевому образу жизни (Zaleski, 1865).

В книге М. Олкотт также уделяется внимание казахской кочевой экономике. Она останавливается на типичных особенностях казахского номадизма, смене сезонных кочевок и т.д. Согласно Олкотт, дистанции сезонных передвижений варьировались от 200 до 300 км в Южном Казахстане и Семи-

речье и превышали 1000 км в Западном и Центральном Казахстане, где годовой цикл редко составлял меньше 700 км. Хотя точное время конкретной откочевки было неизвестно, каждое племя, состоявшее из ста и более аулов, передвигалось по точно известному маршруту. Координации передвижений многочисленных родов и племен, которые должны были происходить так, чтобы не привести к столкновениям, помогала система степной информации (*узун кулак*), как считает Олкотт.

В структуре скота казахов, считает автор, первое место по значению занимали овцы вперемешку с козами, обеспечивавшие пищу и одежду; на втором были лошади, без которых были бы невозможны транспортировка и передвижение по степи. Казахи Южного и Центрального Казахстана часто использовали вместо лошадей верблюдов. Крупный рогатый скот был практически неизвестен в степи до начала XVIII в., как ошибочно, на наш взгляд, пишет Олкотт. В дальнейшем этот вид скота получил распространение исключительно на севере. Внутри каждой общины численность скота на одну семью могла существенно различаться. В первой половине XVIII столетия, согласно описанию советского ученого Маркова (1967), на среднюю семью в Среднем жузе приходилось свыше 100 овец, от 30 до 50 лошадей, 20—25 овец, от 15 до 2 коров и несколько верблюдов. Впрочем, Олкотт не согласна с ним и считает данный случай редкостью.

Главной слабостью казахской экономики и всего пасторального номадизма в целом была зависимость от природных условий, заключает автор. Композиция стада, в котором овцы и коровы требовали различные типы трав и, соответственно, разных пастбищ, уже была серьезным фактором. Но самым серьезным испытанием для кочевого скотоводства были регулярные падежи скота (*джут*), вызванные снежными бурями. Другой проблемой были засухи, также регуляр-

ные. Так как казахи старались прокладывать свои маршруты кочевков вдоль озер, озерец и водоемов, в засушливые годы их скот вносил свой вклад в засоление этих небольших водоемов. Однако, несмотря на все эти проблемы, подчеркивает Олкотт, казахи продолжали придерживаться кочевого образа жизни; быть казахом означало быть кочевником. Казахский язык также был полностью приспособлен именно к кочевому образу жизни. Олкотт подчеркивает тот факт, что в казахском языке существовали термины для обозначения всех известных им видов занятий (*балыкши*, *егинши* и т.д.), а также для тех людей, которые потеряли свой скот (*жатак*), но нет слов, которые указывали бы на занятия скотоводством и кочевание, что было для казахов само собой разумеющимся.

Право земельной собственности у казахов практически отсутствовало. Казахи владели стадами скота, который пасли на общих пастбищах, на которые, в свою очередь, они имели право пользования, но не собственности. Основным движущим мотивом казахской экспансии было стремление обеспечить себя пастбищами, которые казахи рассматривали как иссякаемый ресурс под своим временным контролем. Основой благополучия человека был его скот, но не его земля. Казахи рассматривали земледельцев в качестве своих натуральных врагов, так как они приспособливали потенциальные пастбища под свои нужды, а также конкурировали с кочевниками из-за водных источников. Такие поселения подвергались набегам, когда казахам было нужно зерно, но мародеры никогда не разрушали их, поскольку поселения в оазисах в Южном Казахстане играли важную роль в бартерной торговле. Сырдарьинские города постепенно приходили в упадок при казахском господстве, потому что после отмирания Великого Шелкового пути торговцы из нестепных регионов не желали рисковать, пересекая контролируемые казахами территории. Сами казахи нуждались в торговле в самом минимальном

количестве, и только в Ясы оставался достаточно значимый торговый базар (Olcott, 1995, pp. 16—18).

Как отмечала Пужоль, казахи, как и другие степные тюркские народы, разводят, главным образом, лошадей, баранов и имеют несколько верблюдов для транспортировки юрт, упоминавшихся уже с первой половины первого тысячелетия до нашей эры китайской историографией касательно «варваров». Они живут охотой, которую сочетают с тенгрианством. Они поклоняются небу (*тенгри*) и земле (*yer-sub, земля-вода*). Впрочем, именно небо дает территорию и легитимность. Божество Умай также имеет значимость как хранительница семейного очага и детей. Ее культ сохранился у некоторых тюркских народов Алтая до конца XIX в. Древние тюрки практикуют культ священных гор. Помимо нескольких примеров культурных заимствований, унаследованных у скифов, таких как кобыз, казахский музыкальный инструмент, напоминающий скифскую арфу, и звериный стиль, следует отметить некоторое влияние буддизма, несторианства и манихейства, Семиречье известно религиозным синкретизмом, что подтверждается археологическими находками (Poujol, 2000, p. 21).

§ 2. Социальная структура

Элементы социально-брачных отношений нашли отражение в книге Б. Залесского «Жизнь казахских степей». Он отмечает, что «казашку не держат взаперти, не оберегают ревниво от взглядов мужчин, как у мусульман, в этом отношении она имеет полную свободу». Однако социальный статус казахской женщины зависит от мужа, а до замужества — от отца или старших родственников. Залесский подчеркивает, что именно на женщине держится кочевое хозяйство. Именно женщина должна разворачивать и сворачивать юрту,

доить кобылиц и овец, готовить пищу, ткать сукно для обычной одежды, наблюдать за порядком и устраивать все в доме. Женщина, пишет Залесский, является главной пружиной в кочевом образе жизни казахов. И при этом она в правовом отношении полностью зависима от мужчины. Залесский пишет о полигамии у казахов как об обыденном явлении. При этом он отмечает, что старшей женой далеко не всегда может быть первая по хронологическому порядку женщина в семье. У казахов довольно распространенным явлением бывает фаворитизм при выборе старшей жены. Залесский также подробно описывает институт калыма (Zaleski, 1865).

В другом разделе своей книги «Ханга-Баба», названном по имени святого, которому казахи Новопетровска приписывали учреждение законов, Залесский останавливается на некоторых аспектах обычного права казахов: компенсации (*кун*) за убийство, которая составляет за султана — 1500—2000 овец, бия — 1000 овец. Число овец уменьшалось вплоть до самого маленького числа за убийство байгуша. За убийство жены казах платил как за иностранца; жена же заслуживала смерти за убийство супруга; детоубийство не наказывалось, а кара за него возлагалась на бога. Залесский описывает также систему выплат калыма и права на жену-невесту, которые переходят в случае смерти мужа к его близким родственникам. Совершеннолетие у казахов наступало в его времена в 15 лет.

Труды немецкого этнографа Рихарда Каруца принадлежат к классическим работам, в которых содержится богатый фактический материал, собранный непосредственно в ходе полевых наблюдений за казахами на Мангышлаке. Р. Каруц (Гл. II. § 3) обобщил свои наблюдения в главном труде «Среди казахов и туркмен» (Karutz, 1911). Для работы Каруца характерно сравнительное построение материала. В начале работы своей Каруц сравнивает различные тюркские и кочевые народы на обширном массиве Волжско-Каспийского

региона, а затем дает сравнительный анализ социально-экономической жизни казахских и туркменских племен. Работа Каруца построена по традиционной для классической этнологии системе, при которой автор рассматривает жизнь казахов и туркмен в следующих областях: глава «Туркмены и казахи» объединяет обычаи, экономику, образ жизни, национальный характер; в главе «Аул и кибитки» рассматриваются вопросы духовной жизни кочевых общин; глава «Рождение и детство» охватывает широкий круг вопросов от гигиены, кухни, воспитания и игры до поговорок; в главе «Свадьба и брак» изложены все детали брачного церемониала; в главе «Болезнь и смерть» описывается поведение казахов и туркмен в соответствующих ситуациях; в главе «Верования» Каруц на собранном материале показывает систему религиозных взглядов Закаспийской области, представлявшую собой смесь из исламского учения, остатков шаманизма и магических обрядов, а также приводит ряд сказаний.

В качестве врача Каруц внимательно наблюдал за физическим состоянием казахов, которое он признал «отличным», что он считал заслугой, доставшейся казахам по наследству расовой конституции, здорового образа жизни в степи и мясомолочной диеты. Каруц также высказал ряд замечаний в адрес пищевой гигиены казахов, однако добавил при этом, что европейцы только с недавнего времени придерживаются строгих гигиенических правил в том, что касается общественного питания и содержания кухонь. Каруцу удалось, что он считает большой удачей, дважды лично участвовать в казахских свадьбах, что нашло в дальнейшем подробное отражение, помимо книги, в одной из его статей (Karutz, 1910). Свадебные зарисовки позволили автору комментировать брачную жизнь казахов. У казахов, сообщает Каруц, бывает до пяти жен, но в настоящее время обычным числом являются две жены, в то время как туркмены в большинстве

своем моногамны, но в редких случаях также имеют по две жены. Каруц описывает в своей книге также подробно жизнь детей в степи, заботу об их здоровье и гигиене, в частности приспособление-люльку, известное как *бесык*. Мангышлак, пишет Каруц, представляет собой подлинный рай для детей. Множество детей в семье, свобода, им представляемая со стороны взрослых, и ряд других наблюдений позволили автору сделать вывод о том, что дети у казахов занимают важное место в личной и общественной жизни.

Во время своего пребывания среди казахов немецкий ученый сроднился с местным населением и завоевал у них вполне определенный авторитет. «Когда русские приходят к нам, — сказал Каруцу один из собеседников-казахов, — они всегда имеют при себе ружья и револьверы, а у вас нет ничего похожего». Каруц отмечал, что даже в Германии он не чувствовал себя в такой безопасности, как среди казахов. Каруц в своей книге прозорливо ставит вопрос о том, «смогут ли сохранить казахи свои обычаи и свой образ жизни под нивелирующим ветром европейского влияния; что происходит с Востоком, показывает пример Турции, Персии, Египта и французской Северной Африки». Негативное европейское влияние Каруц видит, в частности, в деградации традиционного ковроткачества на Мангышлаке, в котором все большее использование находят завезенные из Европы химические волокна ярких и безвкусных расцветок. Таким образом, Р. Каруц наблюдал казахов в их естественной этнографической среде, в то же время он застал начало процесса модернизации степной жизни, который ему несимпатичен. Наблюдения Каруца представляют интерес, прежде всего, с точки зрения врача.

Классическими по природе евразийского номадизма считаются труды американского этнолога Лоуренса Кредера (Гл. II.

§ 5; Гл. III. § 1). В своей главной работе «Социальная организация монголо-тюркских пастухов-кочевников» (1963) Кредер поднимает проблему номадизма, прежде всего, как культурологическую. Он писал в Введении к своему фундаментальному труду: «Степные народы имеют общую историю. Историческая, экономическая и лингвистическая общность степных народов представляет вместе картину взаимосвязанного культурного развития. Социальная организация и система производства этих народов являются единым и гомогенным целым» (Krader, 1963, pp. 3—4).

Центральное место в работе Кредера занимает проблема казахского номадизма как классического явления в истории кочевых обществ Центральной Евразии. Кредер считает, что этногенез казахов, начавшийся в XVI в., завершился в XVII в. Динамика роста численности казахов такова: 1880 г. — 2—2,4 млн чел.; 1870 г. — 2,5 млн чел.; 1897 г. — 4 млн чел. То есть демографического и экономического пика казахское кочевое общество достигло в конце XIX в., когда оно вошло в соприкосновение с земледельческой и промышленной цивилизацией России. Кредер считает, что в структурной организации казахов ясно прослеживаются два пласта. Первый, сохранившийся в военном деле и частично в родовой структуре в виде деления на левое и правое крыло, представляет собой отголосок древнетюркской социальной организации. Второй, олицетворенный в институте жузов, т.е. сотен, является наследием монгольской эпохи. «Большая сотня», т.е. Старший жуз и является прямым продолжением введенной когда-то Чингис-ханом системы и, следовательно, выразителем степной легитимности (Krader, 1963, pp. 200—201).

Ядром казахского кочевого образа жизни Кредер представляет семью. Казахская семья представляла собой расширенный тип семьи, отмечает Кредер, она состояла из трех поколений и базировалась на абсолютной власти старшего над млад-

шими, мужа над женой и т.д. Американский ученый обращает внимание на такой важный момент, который является общим у казахов, киргизов, калмыков, бурятов и других кочевых народов и позволяет ему говорить о типологическом родстве их номадических моделей. Этим общим является порядок наследования, который представляет собой строго соблюдаемую патриальную линию, т.е. от отца к сыну, от сына к внуку, от внука к правнуку; от братьев к их детям по мужской линии; от братьев отца к их сыновьям и т.д. (Krader, 1963, p. 220).

Матримониальная система казахов, считает Кредер, также несет на себе отпечаток различных напластований и влияний других культур. Так, повсеместное распространение ограничения на браки внутри одного рода и реже — внутри одного жуза представляет собой типично казахское явление, как правило, отсутствующее у других тюркских номадов Центральной Азии. Но запрет на браки между молочными братьями и сестрами своим источником, очевидно, имеет Коран и мусульманскую традицию. Институт левирата (брак со вдовой брата, дяди или племянника) более распространен среди других тюркских народов и является общей типологической чертой монгольских и тюркских кочевников и своим происхождением обязан эпохе первоначального становления кочевых расширенных семей и аккумуляции собственности в руках тех родов, которые затем вышли на историческую арену Центральной Евразии. Отдельный и чрезвычайно интересный с точки зрения экономических, социальных, родовых и территориальных отношений внутри казахского общества представляет собой институт калыма (Krader, 1963, pp. 222—229).

Несмотря на относительную гомогенность казахского общества, считает Кредер, основной целью работы которого является выделить гомогенность всех кочевых народов Центральной Евразии, наблюдаются некоторые специфические

отклонения в социальном и законодательном устройстве казахских жузов. Так, для Старшего жуза было типичным преобладание институтов семьи над законом: отец не нес ответственности за убийство сына, но сын нес ответственность за убийство отца. В Среднем жузе существовало два главных отличия: 1) не существовала дуалистическая организация, т.е. деление на левое и правое крыло, и, как следствие, отсутствовала детально развитая социальная структура; 2) гораздо более сильное влияние аккультурации, т.е. внешнего, российского влияния. В Младшем жузе, наоборот, наблюдается четко выраженное дуалистичное деление: Алгын и Джатты, а у самого крупного рода в Младшем жузе — также на Кудайке и Келембеде. Кроме того, все племена Младшего жуза имеют свои боевые ураны и тамги и активно ими пользуются в повседневной жизни как элементом своей юридической организации. И, наконец, Букеевская, или Внутренняя Орда, считает Кредер, выделяется в отдельную структурную единицу классического казахского общества (родовая гомогенность, миниатюрность внутривидовых связей, высокая степень аккультурации, тесные связи с другими номадами, в том числе не-тюркского происхождения, сильная ханская традиция и др.). Таким образом, казахское классическое общество предстает в книге Кредера относительно единой социальной структурой, но сохранившей некоторые типологические отличия на уровне пяти основных территориальных подразделений казахов, к которым Кредер относит три жуза, Букеевскую Орду и казахские анклавные территории на Алтае, в Монголии и Китае. Данные типологические различия являются как рудиментами более древнего субстрата, из которого формировались казахи, так и следствием географического соседства и последующей аккультурации (Krader, 1963, pp. 229—241).

Наиболее распространенной формой аула в классическом казахском обществе было образование, считает Кредер, чис-

ленностью 50—70 юрт, т.е. примерно 2—4 тысяч человек. Казахская семья была как моногамной (50%), так и полигамной (от двух жен и больше). К 1870 г. эти оба типа уже приняли законченные формы. Это хорошо было видно на Мангышлаке. Общей для всех казахов была традиция наследования, согласно которой наследником выступает, как правило, неженатый или младший из сыновей, который остается с родителями (Krader, 1963, pp. 242—253).

Изменения социальной структуры казахов, вызванные внутренними и внешними факторами, убедительно демонстрируются на примере Букеевской Орды, отмечает Кредер. Последняя была создана в 1800 г. и насчитывала в момент, когда хан Буке перешел казачью линию, около 1500 человек. К 1820 г. в Букеевской Орде было уже 30 000 семей. Эта численность сохранилась до 1880 г. С экономической точки зрения для Букеевской Орды были характерны ограниченность пастбищных угодий и сосредоточение скота в руках аристократии. В 1846—1849 гг. букеевским казахам пришлось пережить три суровых зимы, которые унесли 25% скота. Это не могло не повлиять на состояние различных социальных групп и в целом на структуру орды (обеднение белой кости, выдвигание на первый план представителей других социальных групп, откочевки и эмиграция беднейших слоев населения — шаруа и т.д.). К концу XIX в. Внутренняя Орда пережила полное размытие традиционного кочевого уклада жизни, утрату обычаев, исламизацию. Из прежних традиций сохранялось только привилегированное положение белой кости — чингизидов и кожа (Krader, 1963, pp. 253—260).

По мнению Л. Кредера, ключом ко многим загадкам развития номадизма как социокультурного феномена является терминология семейных отношений. У казахов она заметно отличается от соответствующих терминов некоторых тюркских народов, близких им по языку (татар), или по хозяй-

ственному укладу (башкир), но близка или обнаруживает параллели в языках таких народов, как киргизы и даже узбеки (Krader, 1963, pp. 261—262). Все это есть продукт сложных политических отношений казахов с соседями, исторических передвижений протоказахских племен по пространствам Центральной Азии, а также следствием длительного процесса этногенеза казахов.

Акультуризация казахов и постепенное разложение традиционных связей, представлявших собой базу их культурного и цивилизационного феномена, стали реальностью во второй половине XIX в., особенно это верно для Среднего жуза. Однако ряд родов этого жуза сумели сохранить прежний уклад, что позволило исследователям восстановить в основных чертах сложный узор межплеменных и межродовых отношений. Речь идет о найманах, мигрировавших на Алтай в 1750—1770-е гг. Это не случайно, считает Кредер, ведь именно Алтай является прародиной всех алтайских народов, т.е. монголо-тюркских кочевников.

Относительно места казахов в системе алтайских народов Кредер предлагает определить его с помощью генеалогии. Казахи имеют великую генеалогию, в которую они включили не только свой народ, но и всех тюрков и даже монголов, отмечает этот исследователь. Казахская генеалогия комбинируется с библейской генеалогией (т.е. восходит к Адаму, что является, безусловно, коранической традицией), с древнетюркской (Азана, Алаши и другие тотемные предки) и монгольской (чингизидской). Таким образом, делает вывод Кредер, повсюду в истории кочевников Евразии и степных обществ внешние отношения преобладают над другими. Через торговлю, походы, завоевания, миграцию проходит главная линия их истории, которая легко отделяется от других менее значительных с точки зрения степной истории. Кредер разделяет точку зрения Леви-Стросса на роль брака у до-

письменных народов, как отправной точки их «отношений обмена». Тем самым после изучения социальных отношений у кочевников напрашиваются параллели с германскими и славянскими племенами, чья социальная структура и ранняя история достаточно хорошо известны благодаря римским и греческим источникам. Однако у части казахов можно заметить начало процессов, которые пережили европейские племена на заре становления классового общества. Так, среди казахов Семиречья в 1870—1880-е гг. существовал обычай кровной мести, который действовал наряду с применением вергельда.

История казахов позволяет провести параллели с такими народами, как калмыки, буряты и халха-монголы и типологически вывести их социальные системы из системы орды, которая идентифицируется с общественной системой монгольской древности. Но в целом, делает вывод в конце своей книги Кредер, кочевые монголо-тюркские народы обнаруживают больше общего; племя и род как структуры родства Алтайской степи являются точным воплощением принципов патриархальности и равенства. Степные общества хорошо служат классическими примерами воплощения этих принципов через структуры родства и социальной организации (Krader, 1963, pp. 316—372).

§ 3. Политическая система

М. Олкотт пишет, что в конце XV и большую часть XVI в. казахи представляли собой не народ, а политический союз. Казахское ханство и казахский народ были синонимами; союз сложился из разрозненных родов и племен тюркского корня. Ядром казахской нации были степные пространства вокруг реки Чу и пустыни Бетпак-Дала. По мнению Олкотт, в основе племенного союза, созданного Джанибеком и Гире-

ем, лежала жестокая необходимость удерживать захваченные земли и расширять их. Казахский союз позволил кочевникам резко увеличить свой военный потенциал. Постепенно с ростом численности композиция Казахского ханства усложнялась. В нее во все большем масштабе вливались самые разнообразные племена ногайского, узбекского и монгольского (алтайского) происхождения. В это время остро встала проблема социальной организации и обеспечения племенного единства. Олкотт считает, что уже при хане Касыме в первой половине XVI в. произошло разделение казахов на три жуза. Вместе с тем американская исследовательница учитывает другие мнения по этому вопросу: Вострова и Муканова, которые считают, что жузы возникли в правление Хак-Назара (1538—1580), т.е. в середине XVI в.; Вельяминского-Зверьнова, который утверждал в прошлом веке, что три жуза появились только в середине XVII в.

Олкотт рекомендует обратить внимание на тот факт, что в казахском языке используется не термин *орда*, а *жуз* — сотня. Это означает, что казахская жузовая структура уходит корнями в систему племенной федерации, которая была типичной для всей истории кочевников. Это наводит также на мысль, что казахские жузы создавались с военными целями. В дальнейшем это разделение было легитимизировано легендой об Алаше и его трех сыновьях, а также другой версией (об Актюе, Алчине Усуне, которые, соответственно, создали Младший, Средний и Старший жузы. Но Олкотт считает также, что со временем военная составляющая жузовой системы отошла на второй план, освободив место экономической необходимости. Трехстороннее деление казахского народа было его ответом на уникальную географическую среду степи. Здесь мнение Олкотт совпадает с выводами Акинер, которые приводились выше. Контролируемая казахами с XVI в. территория представляет собой

комбинацию из трех естественно-географических регионов, каждый из которых содержит как летние, так и зимние пастбища. Это Семиречье, внутри которого Старший жуз мигрировал вдоль рек Чу, Талас и Или, а в качестве зимних пастбищ использовал горы Ала-Тау. Вторым регионом был Центральный Казахстан, где Средний жуз зимой кочевал в низовьях Сыр-Дарьи, а летом — в верховьях и среднем течении Сарысу, Тобола и Ишима. Западный Казахстан стал естественным ареалом Младшего жуза: в зимнее время племена Младшего жуза спускались в низовья Сыр-Дарьи и Урала и занимали регион между рекой Ирғиз и Тургайскими горами; летом они уходили к среднему течению Урала, в верховья Тобола и Ирғиза в предгорьях Мугоджар (Olcott, 1995, pp. 9—11).

Несмотря на существовавшее трехжузовое деление, считает Олкотт, казахи были единым народом с общими языком, культурой и экономикой. В XVI в. это деление было эфемерным, зависевшим от того, сколько земли контролируют входящие в тот или иной жуз племена. По мере распространения контроля казахов над степью в течение всего XVII в. жузы превратились в три стабильных союза, которые были четко структурированы и имели постоянные территории под своим контролем. По мере того, как Казахское ханство начало распадаться в начале XVIII в., после смерти хана Тауке, хан каждого жуза присваивал себе права суверенного властителя, включая право заключать договоры с иностранными государствами. В то время, когда русские вели дела с казахскими жузами как с различными государствами, казахи продолжали рассматривать себя в качестве единого народа.

Олкотт отмечает, что существует несколько спорных взглядов на состав трех жузов в XVI в. Сама Олкотт предпочитает позицию, близкую к концепции Вострова — Мука-

нова³¹. Согласно этой точке зрения, Старший жуз представлял собой в тот период усуньскую конфедерацию, в которую также входили, помимо усуней, еще десять племен. Эта конфедерация существовала еще до возникновения жузов, но, отмечает Олкотт, нет никаких доказательств, что Старший жуз возник заметно раньше, чем два других. Автор допускает ошибку, считая, что усунь появились в Семиречье только после монгольского вторжения (Olcott, 1995, p. 12). Помимо усуней, в Старший жуз вошли канглы, заселявшие нижнее и среднее течение Сыр-Дарьи еще со II или III в. до н.э. Дулаты оккупировали Семиречье примерно в VI—VII вв., а по некоторым сообщениям, они жили в Могулистане уже раньше, чем во II в. до н.э. К началу VI в. племена Албан и Суан вошли в конфедерацию с более многочисленными дулатами, что привело к политическому объединению Семиречья. Другие племена — Джалаир и Усты — появились в регионе только в XIII столетии, Сыргели — в конце XV в., а о таких племенах, как Шанышклы и Шопрашты, ничего не упоминается в источниках до XVII в.

Средний жуз, осуществляя свою экспансию в XVII в., включил в себя территории от Аральского моря на Западе, до Омска — на севере, до реки Иртыш и Алтая — на востоке и до рек Сыр-Дарья и Сарысу — на юге. В него входили шесть племен: Керей, Найман, Аргын, Кипчак, Конрат и Уак. Самым древним племенем Среднего жуза были керей, происходившие от легендарных кераитов, господствовавших в Центральном Казахстане еще до монгольского вторжения. Найманы по происхождению были монгольским племенем, однако со временем полностью тюркизировавшимся. В XIII в. они составляли большинство на этих территориях. Наиболее многочисленным племенем были аргыны, о которых Рашид

ад-Дин писал, что они рассматривали себя в качестве наследников Монгольского улуса Чагатая. Кипчаки, создавшие племенной союз еще в X столетии, были вынуждены в XIII в. уйти дальше на запад от Дешт-и-Кипчак. К моменту возникновения Казахского ханства они оказались в меньшинстве на территориях, где когда-то безраздельно господствовали. Племя Уак существовало с XIII в., однако о нем почти ничего не известно. Племена Конрат отделились от Среднего жуза в начале XIX в. и несколько позднее присоединились к Кокандскому ханству.

Этногенез Младшего жуза наиболее сложно проследить. Более или менее достоверно о нем можно сказать, что это было в большей степени родовой, чем племенной союз. Восемнадцать родов этого жуза возводят свою родословную к легендарному Алшину, а еще семь (*жетыгира*) присоединились к ним позднее. Однако мало вероятно, комментирует Олкотт, что все эти роды имеют общее происхождение. Три наиболее многочисленных рода были известны как кердеры, жившие в X в. вокруг Аральского моря. Адаи являются потомками народа Дахх, который жил на Мангышлаке, согласно источникам, в VI—VII вв. Керейты, возможно, являются одним из родов племени Керей, впервые появились в регионе в XIII в.

Олкотт косвенно подтверждает тот факт, что, несмотря на разнообразие племен и родов в системе жузов, а также на сам факт разделения казахов на три части, они все же оставались единым народом с общим языком и культурой, а главное — с единой и единообразной политической системой: хан избирался на собрании султанов, биев и представителей родовых старшин, которое собиралось ежегодно, чтобы подтвердить легитимность хана и получить его инструкции. На этих ежегодных встречах планировались годовые передвижения и, в соответствии с их решениями, обрабатывалось передвиже-

³¹ См.: Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. — Алма-Ата: Наука, 1978.

ние каждого рода и даже аула. Ханская власть сосредоточивалась в личности, а не в институте. Таким образом, власть каждого отдельного хана была отражением его личных возможностей властвовать. В эпоху единого Казахского ханства (правление Касым-хана, Хак-Назара и хана Тауке) ханы всех жузов признавали военное превосходство этих сюзеренов и охотно выполняли их волю. После смерти Хак-Назара и Тауке-хана три жуза вновь превратились в самостоятельные объединения.

У казахов существовала двойная система подчинения, утверждает Олкотт. Верховная аристократия в лице ханов и султанов была как бы надстройкой над родовой системой. Казахи дробились на роды или части родов, которые, в свою очередь, состояли из нескольких аулов, вместе кочевавших и зачастую объединявших свой скот на пастбищах. Также и аул состоял примерно из 30—40 юрт, каждая из которых представляла собой образец т.н. расширенной семьи. В каждом ауле власть олицетворялась старшиной (аксакалом). Аксакалы встречались для выборов биев, представления своих семей и родов в переговорах с другими, решения внутренних споров, урегулирования миграции, разделения пастбищ. Несмотря на то, что титул бия часто переходил от отца к сыну, эта должность не была наследственной и могла перейти в другие руки, если так решали старейшины.

Бии, в свою очередь, выбирали султанов, которые были типичной субханской надстройкой власти над определенной территорией и в чьей компетенции находились межродовые отношения. Султаны выбирали хана, который имел право управлять всем жузом. Время от времени внутри каждого жуза возникали полуавтономные территории, управлявшиеся младшими ханами, которые, тем не менее, стремились подчеркнуть свою лояльность хану жуза. В целом хан мог править всю свою жизнь; ему наследовал его брат и потом

его сын. Казахи адаптировали наследования власти от монголов, считает Олкотт, что выразилось также в том, что высшая казахская аристократия рекрутировалась из вероятных потомков Чингис-хана. В конце XVIII в. белая кость расширилась за счет *кожа*, потомков арабских халифов. Но основной массив казахской аристократии базировался на монгольском политическом наследии, что зачастую становилось препятствием на пути выдающихся родовых лидеров. Основная масса казахского населения, черная кость, выбирала биев и родовых старшин, чья власть считалась легитимной до тех пор, пока они оставались лояльными султанам и ханам.

Олкотт считает, затрагивая споры вокруг сути казахского номадизма — феодализм или военная демократия, что казахское общество все же больше напоминало второй тип. Подтверждение этому следует искать в кодексе хана Тауке «Жеті Жарғы», утверждает американская исследовательница, в котором четко зафиксированы именно военные повинности населения. Так как казахские ханы не получали постоянных податей от подчиненного себе населения, их трудно рассматривать в качестве феодальных властителей, делает вывод Олкотт. Более того, хотя количество скота у султанов и ханов было несравнимо больше, чем у обычных казахов, образ жизни первых мало чем отличался от вторых. Ханы и султаны жили в аулах и кочевали вместе со всеми. Аул — ставка властителя не мог, в силу объективных причин, быть существенно больше, чем обычный аул. Единственным признаком, указывающим на присутствие в ауле царствующей персоны, была богато орнаментированная белая юрта, в которой жил повелитель. Каждый султан имел постоянное окружение и свиту, состоявшие из собственно его семьи, обслуги, надежного человека — батыра и небольшого количества рабов-туленгутов. Олкотт отмечает, что туленгуты были наследственным классом рабов и потомками пленников, за-

хваченных во время рейдов казахов против соседних народов — туркмен, хивинцев или кокандцев. В процессе упадка Казахского ханства и исчезновения воинственной культуры и казахов, соответственно, исчезли туленгуты, так как организационная структура ханства облегчила проблему пополнения войск и сделала институт туленгутов не нужным. Характер рейдов казахов против соседних народов стал избирательнее в сторону захвата скота, чем людей.

Хан осуществлял контроль над отношениями между родами и аулами и принимал принципиальные решения о подготовке жуза к военным действиям. Он делил пастбища между родами и решал, когда и куда будет мигрировать жуз. Это решение находилось в строгой зависимости от военных возможностей жуза, так как от этого зависело какие земли и в каком объеме сможет сохранить хан под своим контролем. Однако внутри обширного казахского общества большей властью обладали родовые лидеры и старшины. Именно они приносили земли своим аулам и семьям, командовали вооруженными формированиями и, в отличие от хана, они имели неоспоримое право на сбор налогов — право на долю от каждого стада любого из членов общины.

У казахов не было разницы между гражданским и уголовным правом, обращает внимание Олкотт. До XVII в. у них господствовал *адат*, некодифицированный и применявшийся локально. Только хан Тауке сделал первую попытку отрегулировать казахское законодательство, отталкиваясь от уже известных юридических кодексов монгольского, русского и мусульманского происхождения, которые уже применялись на практике. Кодекс Тауке-хана впервые был записан в 1820 г. при М.М. Сперанском, включившим его в свои правовые реформы. До этого каждый хан опирался на устную традицию и мог трактовать кодекс на свое усмотрение. Олкотт считает, что законы хана Тауке способствовали формализации юри-

дических норм. Так как именно бии решали судебные тяжбы, то к концу XVIII в. термин «бий» стал синонимом судьи. Каждый бий располагал своей собственной канцелярией (как правило, юртой с одним писцом), на содержание которой и с самого бия уходило 10% судебных издержек. Олкотт считает, что казахская юстиция была жестокой, базировавшейся на принципе кровь-за-кровь. Многие преступления (воровство и грабеж) карались увечьем или смертью. В XVIII в. выработался стандарт *куна* (цены крови): тысяча овец за человеческую жизнь, сотня голов за потерю большого пальца и двадцать — за маленький палец. Свои эквиваленты находили не только виды преступлений, но и скота, которым уплачивались штрафы. Так, одна сотня верблюдов равнялась тремстам лошадям или одной тысяче овец. В юрисдикцию биев входили дела по наследованию, выполнению договоров, обязанностей, заключению браков и разводам. Мирное решение споров происходило далеко не всегда, следствием чего была т.н. *барымта*, которую Олкотт относит к виду наказания.

Законы Тауке содержали также важные социальные нормы, такие как список общественных обязанностей индивидуума перед семьей и родом и наоборот. К наиболее важным Олкотт относит право индивидуума просить или требовать помощи от сородичей при падеже скота (*жылу*), или неоплачиваемой помощи (*уме*, или *асар*) при срочных сезонных работах. В целом, делает вывод автор, казахское обычное право было нацелено на сохранение в максимальной степени стабильности и экономической самостоятельности общины, которая постоянно находилась под внешней угрозой и угрозой со стороны природной стихии (Olcott, 1995, pp. 13—16).

Традиционное казахское общество, отмечает Акинер, характеризовалось смесью зависимости и независимости, субординации и неподчинения. Структурная иерархия тра-

диционного казахского общества, представлявшая собой долгую историческую традицию, постоянно подрывалась повседневной необходимостью кочевого образа жизни самостоятельно принимать решения. Таким образом, несмотря на внешне очень строгие рамки взаимного родства, лояльности и подчиненности, каждая кочевая община продолжала, в силу объективных причин, оставаться самостоятельным экономическим субъектом со своим хозяйством и возможностью самостоятельно выбирать место расположения. Такая гибкость придавала племенной структуре необходимый динамизм, позволявший свободно себя чувствовать во время регулярных изменений внутрирегионального баланса политических сил. Эта эластичность была утрачена после аннексии Казахстана и принудительной оседлости, в результате чего племенная структура потеряла свое реальное функциональное значение и сохранила только генеалогический статус.

Основной социально-экономической единицей казахского кочевого общества, пишет Акинер, было поселение — *аул*. Совокупность аулов образовывала род, состоявший из сети расширявшихся патриархальных семей и по женской линии связанный с другими родами (хотя родство у казахов носило, безусловно, экзогамный характер с обязательным отсележиванием семи колен). Род включал в себя также рабов и прочих, кто находился в какой-либо зависимости от данного рода. Члены аулов делились на собственные хозяйства, каждое из которых символизировалось собственной юртой. Число юрт в аулах варьировалось чрезвычайно широко; в XVIII в. их могло бы быть от 3 до 15, но гораздо больше в ханской ставке. Во время войн или других опасностей аулы могли группироваться, а также зачастую и на летних пастбищах, но зимой предпочитали расплываться на более мелкие образования. Аулы объединялись в племенные образования, число которых менялось вплоть до начала XIX в., когда процесс

прекратился, однако названия и другие атрибуты родов и племен сохранились, позволяя судить об этногенезе казахов на протяжении длительного периода, начиная с VIII в. и даже раньше.

В западной историографии делались попытки рассмотреть эволюцию казахского рода с экономической точки зрения. Так, Л. Бланшар считает, что казахский клан как социальная структура пережил три этапа: община, семейная община и общинная семья, у которой интересы семьи преобладали над интересами общины (Blanchard, 1961, p. 408).

Размытость кочевых союзов приводила к тому, что одно и то же племя могло быть разделено между различными «ордами», которые со временем эволюционировали в более стабильные этнополитические группировки. Вследствие этого ряд племен были включены в Казахское ханство и могут рассматриваться как «казахи». Однако некоторые племена оказались включенными в соседние государства, в которых сыграли аналогичную этнообразующую роль. Так, например, найманы есть не только у казахов, но и у киргизов, каракалпаков, ногаев и узбеков³². Сегодня эти древние исторические связи используются теми, кто пропагандирует общетюркский взгляд на историю, но отвергаются теми, кто настроен резко националистически (Akiner, 1995, pp. 14—15).

Казахская племенная аристократия имела дуалистический характер. Султаны, или *торе*, были частью т.н. белой кости (*ак суёк*), напрямую происходившей по мужской линии от монгольских принцев; причем некоторые вели свою генеалогию, или претендовали на это, непосредственно от Чингис-хана. И хотя султаны были связаны между собой тесными родственными узами, они неизбежно вовлекались в борьбу за власть между различными родами, которые они

³² Ш. Акинер ссылается на М. Тынышпаева, однако некоторую путаницу в родах можно оставить на ее совести.

олицетворяли или которыми «владели» и от чьей поддержки они зависели в борьбе за превосходство в ханстве. В качестве белой кости рассматривались в традиционном казахском обществе и *кожа*, группа служителей мусульманского культа, происходивших от арабских саидов (наследников Пророка), принесших ислам в Трансоксианию в VIII в. Как и султаны, кожа не входили в родоплеменную систему казахов.

Помимо белой кости, существовала аристократия черной кости. Теоретически и согласно традиции, она должна была избираться, но на практике принимала наследственный характер. Она была несомненной частью родоплеменной структуры и подразделялась на *батыров* (героев) и *биев* (судей). Их реальное положение в обществе и властные полномочия зависели от обстоятельств и личной харизмы. Но очевидно, что они играли законодательную и военную роль. Многие из них осуществляли юрисдикцию над отдельными родами, но некоторые подчиняли себе значительное число родов и иногда племенные союзы. Такие лидеры располагали властью и политической независимостью, сравнимой с султанскими полномочиями, но не имели права вести переговоры с иностранными правителями. Эта аристократия черной кости играла свою роль во внутренних родоплеменных отношениях и выступала посредниками между ханами и султанами, являвшихся титулярными лидерами.

Общинники делились на несколько категорий. Наиболее крупной по численности были *шаруа* — средний слой, обладавший десятками голов скота. *Баи* образовывали более высший стратум, прерогативой которого было владение сотнями и тысячами голов скота и удержание в зависимости от себя более бедных членов рода. Это были, как правило, главы аулов. Наиболее бедные члены рода, не имевшие скота, использовались в качестве пастухов и домашних слуг. Рабы приобрета-

лись во время рейдов на чужие земли и не рассматривались в качестве кровных членов родовой структуры.

III. Акинер останавливается на возникновении такого атрибута казахского общества и его политического устройства, как жузы (орды). Она считает, что в ходе формирования Казахского ханства в середине XV в. на власть претендовали представители нескольких племен или племенных объединений. Принципиально ханство мог возглавлять только один властитель, но на практике это было чрезвычайно сложно осуществить. Много сложностей возникало из-за вмешательства многочисленных ханов в устройство межплеменных границ. В этой связи в середине XVI в. возникло деление внутри казахского ханства на три крупных объединения — жуза, каждое из которых управлялось ханом из дома Чингис-хана. Этот вынужденно изобретенный политический институт не мог ни заменить, ни отразить всю сложную систему родоплеменных связей и отношений, но он формализовал и временно приостановил процесс фрагментации власти, который, в свою очередь, долгое время носил эндемический характер. Географически территории жузов совпали с традиционными и давно разработанными маршрутами миграции кочевников в туранских степях. Новая система носила явный характер конфедерации, а единство казахов символизировалось «общежузовыми саммитами» всех ханов, на первых порах ежегодными, а в последующем — нерегулярными. Время от времени из их числа выбирался «верховный хан», но его власть оставалась большей частью номинальной. Хань жузов выступали главами независимых государств, преследуя свои собственные интересы и вступая в альянсы между собой в случаях конфликтов, так же как и со своими «иностранными» соседями. Иногда один хан мог объединить под своей властью все три жуза на несколько лет, но никогда никому не удавалось создать продолжительный союз (Akiner, 1995, pp. 14—17).

§ 4. Кочевая культура казахов

Все особенности кочевого образа жизни казахов нашли отражение в их культуре, считает Акинер. Религиозный мир казахов сформировался в виде двойной конструкции: субстрата анимизма, на который был постепенно надстроен ислам. Анимизм уходил своими корнями в тюрко-монгольскую традицию, в центре которой стоял культ неба с последующим поклонением солнцу, луне, звездам, водной и другим стихиям. Важным для духовной жизни был также культ духов предков, от которого сохранились многочисленные материальные памятники в виде многочисленных мавзолеев. Шаманские ритуалы исполнялись *бакиш*; все эти проявления анимистической практики существовали рядом с исламом, зачастую являя собой синтетическую смесь старого и нового.

К. Пужоль видит истоки казахской культуры в симбиозе различных цивилизационных начал. По ее мнению, феномен тюркизации, взявший начало в степной зоне, доходит до границ оседлости, захватывая сердце Трансоксиании, и возобладает над феноменом исламизации. Тюркские племена, которые приближаются к границам оседлых государств, склоняются к суннитскому исламу, хотя не могут не поддаваться мощной привлекательности иранской культуры. Но это не помешает принять ей в основном тюркский облик, который в короткий срок создаст обобщенный билингвизм и необычный симбиоз в зоне, благоприятной общностью веры (Poujol, 2000, p. 22).

Феномен тюркизации, взявший начало в степной зоне, доходит до границ оседлости, захватывая сердце Трансоксиании, и возобладает над феноменом исламизации. Тюркские племена, которые приближаются к границам оседлых государств, склоняются к суннитскому исламу, хотя не могут не

поддаваться мощной привлекательности иранской культуры. Но это не помешает придать ей основной тюркский облик, который в срок создаст обобщенный билингвизм и необычный симбиоз в зоне, объединенной общностью веры.

Домонгольский период характеризуется на юге от Аральского моря появлением арабо-персидской культуры, которая провоцирует политическое давление и культурную привлекательность в сторону степей и которая закончилась интегрированием приобретенной тюркской составляющей в суннитский ислам. Казахская территория отныне составляет последнюю границу ислама. Номады-язычники, а именно поклонники тенгрианства, приобщат к нему зороастризм землевладельцев, буддизм и несторианство монахов-прозелитов. Он отмечен возникновением и дислокацией племенных групп, некоторые из которых, мигрируя к южным зонам оседлости, переходят в ислам. Окончательный разрыв произойдет с началом монгольской победы, которая впервые в истории Центральной Азии приведет к длительной гегемонии в регионе кочевников степной зоны и зоны Мавераннахра (Poujol, 2000, p. 26).

В течение данного периода, отмеченного глубокими этническими переменами и политическими объединениями, культурная жизнь развивается вдоль караванных дорог и в городских центрах. Тюркские языки использовали монгольскую победу, чтобы завершить свое становление, в частности группу кипчако-огузскую и курлуко-уйгурскую. Устная литература обогатится скотоводческими песнями, афоризмами и загадками, составляющими фольклорный костяк, сохранившийся до наших дней. Именно на стыке XIV и XV в. утверждается лингвистический фундамент казахского языка от кипчако-ногайской подгруппы, зарождаются эпосы одновременно с распространением искусства эпического пения (Жырау), юг степей попадает под влияние ислама и мистического суфизма (Poujol, 2000, p. 32).

Ш. Акинер отмечает, что ритм кочевой жизни с ее постоянным перемещением на длинные дистанции и отсутствие перманентной базы не способствовали складыванию ортодоксального, централизованного и базирующегося на устойчивой сети мечетей религиозного института. Исламизация кочевников шла медленнее, чем их оседлых соседей в Трансоксиании, которая с VII в. довольно быстро стала центром исламского вероучения и исламской культуры. Тем не менее к X в. территории Южного и Центрального Казахстана уже были, вероятно, исламизированы. Как следствие этого, монгольские ханы Золотой Орды и улуса Чагатай стали мусульманами уже в XIII и XIV в. К моменту образования Казахского ханства аристократия белой кости и племенная верхушка уже были прочно исламизированы (Akiner, 1995, pp. 17—18).

Культура кочевников основывалась на понимании необходимости выживания сообщества в целом и отдельного индивидуума внутри сообщества. У казахов не было «художественного искусства»; их эстетическое чувство находило выход посредством функциональных видов искусства. Многие в культуре казахов, продолжает Акинер, было эфемерным, исходящим из многовековой традиции, но приспособленным к настоящему, к удовлетворению насущных нужд. Сам кочевой образ жизни не требовал наличия регулярной письменной документации, однако после соприкосновения с внешним влиянием его дезинтеграция была неизбежной. Материальная культура казахов характеризовалась комбинацией простоты конструкции с богатством орнамента.

Но наиболее разнообразной и богатой была устная литература казахов, которые чрезвычайно высоко ценили носителей вербального таланта. Устное творчество представляло собой богатейшую палитру пословиц, афоризмов, сказок, легенд и т.д. У казахов была сильнейшая традиция устного повествования, которая выросла как из местных источников,

так и из «международного» репертуара на китайские, средне-восточные и индийские сюжеты. Профессиональные барды были уважаемыми членами общества, и ни одна важная церемония или праздник не обходились без них. Они импровизировали и исполняли свои собственные сочинения, а также представляли по памяти старинные произведения, которые передавали от поколения к поколению.

Одной из наиболее сложных сфер культуры кочевников был «поведенческий этикет». Любой аспект отношений между индивидуумами, а также между индивидуумами и обществом регулировался четкими правилами. Существовали общие незыблемые представления о сыновнем долге, уважении к старшим и гостеприимстве. Помимо таких общих правил, существовало много специфических обязанностей, связанных с долгом, лояльностью и уважением. У казахов господствовало сильное чувство групповой ответственности и в случае неспособности индивидуума при наказании возместить ущерб автоматически, эта обязанность распространялась на членов его клана.

Каждая стадия жизненного цикла, продолжает Акинер, сопровождалась соответствующими церемониями и ритуалами, которые становились событиями для всей коммуны. Но всегда соблюдался иерархический протокол, в котором четко отражался относительный статус участников события. Это чувство порядка и почтения проникло во все сферы жизни, не исключая внутреннего устройства юрт, где каждый сектор имел собственную функцию и социальный статус — от наименее почетного места у двери до самого почетного у противоположной стенки. Эти и другие особенности этикета подчеркивали и расширяли вербальный уровень коммуникаций, образуя такой контекст отношений, в котором правила поведения были ясны всем и могли манипулироваться в зависимости от необходимости выразить кому-то особенное

отношение удовлетворения или недовольства (Akiner, 1995, pp. 18—19).

Комментарии к устному творчеству казахов оставил в своей книге-альбоме «Жизнь казахский степей» цитировавшийся выше польский ссыльный Б. Залесский. Он отмечал, что песня и музыка играли самую важную роль в культурной коммуникации казахов. Залесский оставил схему сочинения казахских песен, описал социальное положение сказителей и характер исполняемых произведений (ертеги). В сделанных им офортах сохранились даже в качестве деталей изображения некоторых казахских национальных инструментов. Но самый большой интерес для современных исследователей-филологов должны представлять сделанные Залесским записи некоторых преданий. «Сказание о батыре Шора» отражает, по-видимому, события периода, когда территория Западного Казахстана входила в одно государственное объединение с Казанью (возможно, в составе Астраханского ханства, Ногайской Орды или Крымской Орды, или улуса Узбек-хана. «Сказание о Когуге» своей сюжетной линией пересекается со многими эпическими произведениями, ставшими классикой казахского устного творчества, но в то же время оно повторяет некоторые сюжетные и ситуационные ходы не только общетюркского эпического наследия, но и многих индоевропейских сказаний вплоть до «Одиссеи» Гомера.

В другом разделе своей книги-альбома Залесский пишет о верованиях казахов. Очень часто, пишет польский исследователь, предметом культа становятся деревья. Он даже зарисовал для своего офорта одно такое дерево на пути из Орской крепости, расположенной при впадении реки Ор в Урал, к берегу Аральского моря, т.е. примерно на расстоянии тысячи километров от нее. Это дерево Залесский отнес к одному из видов тополей. Казахи, проезжая мимо этого дерева, оста-

навливаются, преклоняют колени, молятся или излагают свои просьбы, а затем подвешивают к веткам оторванные от одежды полоски материи, иногда клочки бараньей шерсти и пучки конского волоса. В Мугоджарских горах поклоняются многоствольной сливе. Особенное поклонение вызывают деревья, на которых свивают гнезда степные орлы. Залесский считал, что этот культ является следствием редкости деревьев в казахских степях.

Залесский останавливается также на материальном искусстве казахов. В этой связи полуостров Мангышлак представлялся ему одним большим кладбищем со своеобразной и богатой архитектурой. Самым известным в его время было кладбище Агаспеяр, на мазарах которого фронтоны были сделаны в виде барельефов, окрашенных очень живыми красками, а сами мазары построены из тесаного камня, цементированного песком, глиной и известью, и окружены глыбами хорошо отесанного известняка. Залесский отмечает две традиции надгробных памятников: первая явно восходит к «варварскому искусству» и изображает степных животных и людей на камнях; вторая представляет собой надгробные памятники округлой формы с выпуклым арабским орнаментом, реже — с тюркскими надписями. Залесский считал, что эти обширные и многочисленные кладбища были святым местом Золотой Орды, властители которой предпочитали хоронить своих покойников около святых, а близость Бухары и Самарканда объясняет более тщательную архитектуру захоронений. В Казахской степи есть еще одно такое место, отмечает Залесский, это Хан-Сук, также архитектурный заповедник между Уралом и Аральским морем, где, возможно, покоится прах хана Мамай. Кладбище занимает более половины квадратного километра и все усеяно памятниками из гранита и мрамора.

Американский исследователь Т. Уиннер в своей книге «Устное творчество и литература казахов» большое внимание

уделяет влиянию кочевого образа жизни на казахский фольклор. В сущности, отмечает Уиннер, вся экономическая жизнь и социальная структура были пронизаны номадизмом, что не могло не найти отражения в их духовном творчестве. Квинтэссенцией казахского национального духа, зафиксированного в памятниках культуры, был казахский героический эпос, который, в свою очередь, в дальнейшем превратился в своего рода регулятор и стандарт поведенческой культуры классического казахского общества. В эпосе Уиннер видит вершину развития национальной казахской культуры; героический эпос впитал все лучшее из раннего фольклора казахских племен, обобщил его и кристаллизировал в виде некоего кодекса степной культуры. В последующем героический эпос стал основой для развития всей последующей казахской литературы. Помимо этого, героический эпос является великолепным историческим памятником, который проливает свет не только на малоизвестные периоды истории казахов, но и других тюркских народов, их соседей (**Winner, 1958, pp. 54—85**).

Олкотт также считает, что традиционная казахская культура сформировалась исключительно в условиях номадизма и кочевой экономики. Казахское общество имело самодостаточный характер, не зависело от городской культуры, а его обычаи были приспособлены к повседневной жизни. Казахи сохраняли культурную традицию, выработанную еще тюркскими племенами в течение предыдущего тысячелетия, и, хотя наблюдались региональные и племенные различия, в степи продолжала сохраняться фундаментальная культурная гомогенность, которую воспринимали вновь вливавшиеся в состав доказахской и казахской конфедерации племена. Даже монгольские племена, оставшиеся в этом регионе, были ассимилированы и восприняли господствовавшую здесь тюркскую культуру, внося, однако, в нее кое-что из монгольской политической культуры и законодательной системы.

Вероятно, считает Олкотт, лучшим доказательством стабильности казахско-тюркской культуры является тот факт, что местные религиозные верования устояли после прихода ислама и держались до конца XVIII — начала XIX в., несмотря на то, что ислам внедрился в городах Южного Казахстана уже в VIII в. во время арабского завоевания, а официально тюркские кочевники в Казахской степи приняли ислам в 1043 г. Джучиды, создавшие казахское государство, рассматривали себя как мусульман и таковыми воспринимались во всем мусульманском мире. Те казахи, которые жили в городах (в основном торговцы), практиковали ислам, но простые кочевники, так же как и нобилитет, в степи имели небольшое отношение к исламским обычаям и религиозной практике. Олкотт объясняет такое положение вещей тем, что казахские племена были мало связаны в повседневной жизни с городским образом жизни, где в мечетях и медресе расцветал ислам. Султаны и ханы были в некотором роде в большей степени религиозны и иногда даже включали мулл и учащихся медресе в свое окружение, но в основном в качестве писцов. Попытки таких редких миссионеров распространять ислам в степи были, как правило, неуспешны. Казахские принцы с уважением относились к мусульманским институтам, и, когда судьба приводила их в южные города, они вполне толерантно и открыто поддерживали исламское духовенство. Такие контакты способствовали исламскому знанию и в результате в конце XVII в. в казахской устной литературе появились сюжеты, восхвалявшие Аллаха и Мухаммеда. Кодекс хана Тауке показывает, что казахи восприняли к концу XVII в. некоторые элементы шариата. Однако в целом исламское законодательство отсутствовало в степи, так как у казахов не было главных исламских налоговых норм — *заката* и *ушура*. Наиболее реальный контакт казахов с исламом мог происходить с суфиями, которые путешествовали по степи.

Путешественники, сделавшие свои наблюдения в XVIII в., отмечают полное отсутствие мечетей и медресе в Казахской степи, а также тот факт, что большинство мечетей в Семиречье и Южном Казахстане, разрушенные во время монгольского завоевания, так и оставались не восстановленными. Олкотт считает, что основными причинами слабого проникновения ислама в казахскую среду были следующие: казахи не понимали арабского языка, что препятствовало учению Корана; казахи остались оторванными после отмирания мировых сухопутных торговых путей в Центральной Евразии от основного культурного потока, что выразилось также в упадке городов; самодостаточность кочевой жизни не способствовала контактам с мусульманскими центрами татар на северо-западе или чагатайскими — на юге. В силу такой изоляции, казахская религиозная практика сохранила элементы шаманизма, анимизма и культа предков. В середине XIX в. казахская религиозность мало чем отличалась от той, какой она была в эпоху Тимура. Казахи верили, что души умерших населяют солнце, луну, землю и вселяются в животных. В основе казахских верований лежало учение о борьбе между добром (*кей*) и злом (*кесир*), которое было приспособлено таким образом, что Мухаммед идентифицировался с добрым началом — *кей*. Казахи верили также в возможность сохранения коммуникации с душами умерших и приносили ритуальные жертвы, что, впрочем, свойственно монотеистическим религиям.

Основными были духи *жер-ана* (земли), *су-ана* (воды), *от-ана* (огня), *шопан-ана* (овцы), *зенги-баба* (коровы), *камбар-ата* (лошади) и *ойсал-кара* (верблюдицы). Ввиду полной зависимости казахов от своего скота, преобладающей была вера в то, что души вселяются в животных. Эта зависимость отразилась в языке и речи казахов. В свою очередь, скотоводческая экономика нашла отражение в казахской ли-

тературной традиции. Устный эпос казахов описывает кочевую жизнь, красоту окружающей природы и людей. Главный герой казахского эпоса — воин, батыр, который служит старшим и защищает жизнь и имущество (скот) своего клана. Характерной особенностью казахского эпоса является комбинирование поэзии с прозой. Он представляет собой сказания, которые передаются в степи из поколения в поколение. Хронологически основные сказания относятся к разным периодам: «Кобланды-батыр» — к XV—XVI вв., «Ер-Саин» и «Ер-Таргын» — к XVI в., основным сюжетом этих эпосов является борьба казахов с калмыками. Лиро-эпическая поэма «Козы-Корпеш — Баян-Сулу» относится, вероятно к более раннему периоду — XIV в.

Большой удачей является тот факт, что поэмы и поэтические песни, созданные в эпоху ханства, дошли до потомков. В качестве устной традиции они просуществовали до 1870-х гг., после чего были зафиксированы казахскими интеллигентами. Эта поэзия преследовалась при советской власти, так как вызывала четкие ассоциации с феодальным прошлым, аристократией и была пронизана исламским суфийским духом. Носителями литературных традиций в классическом обществе, отмечает Олкотт, были две группы сказателей и сочинителей: *акыны* и *жирау*. Если первые передвигались от аула к аулу, рассказывая древние эпосы, то вторые жили в качестве почетных членов своего племени. Именно их Олкотт относит к носителям суфийской духовности. В отличие от акынов, жирау имели более широкий кругозор и представления о внешнем мире, как, например, Досмамбет-жирау (1490—1523), который совершил путешествие в Стамбул. В своих стихах Досмамбет сочетал суфийскую духовность с традиционным восхвалением военных доблестей батыров. Иногда поэты входили в историю, как знаменитый Асан Кангы (Печальный), которого Чокан Валиханов назвал кочевым фило-

софом казахов. Асан Кангы покинул двор хана Улу-Мухаммеда, чтобы присоединиться к султанам Гирею и Джанибеку и помочь им в создании нового государства. В своей поэме «Приветствие хану Джанибеку» Асан Кангы воспел красоту пейзажа новых владений казахов и напутствовал нового государя в добрый путь.

Иногда эпосы представляют собой научный интерес в не меньшей степени, чем поэтический. К таким поэмам Олкотт относит в первую очередь «Кыз-Жибек», в которой нашли отражение многие обычаи казахов, описание помолвок и свадебных церемоний, а также левират. На этом основании Олкотт считает свадьбу центральным событием в жизни казахов. Женщин выдавали замуж в возрасте 13—14 лет, мужчин — в 15—16 лет. Браки устраивались родителями, порою еще за десять лет до самого события. Помолвка считалась совершенной после уплаты калыма, отражавшего статус семьи невесты. Благородные семьи султанского достоинства получали в качестве калыма сотни и тысячи голов скота, но типичный калым состоял порядка из сотни голов скота, как правило овец. Большинство казахов были моногамны, так как полигамия сдерживалась материальными факторами (каждая жена имела право на собственную юрту и хозяйство). В порядке наследования четко прослеживается патрилинейность: дети всегда оставались в ауле отца, родственники вдовы со стороны мужа брали на себя ответственность за нее и контроль за скотом, вступали в левиратные браки. Таким образом, делает вывод американская исследовательница, обычное право казахов и практика его применения находились в четкой зависимости от условий скотоводческого номадизма. Этой же цели служили калым и патронирование со стороны родителей. Основной целью оставалось стремление сохранить стабильность внутри общества и внутри степной территории, которая находилась под контролем казахов. Анализ обычаев и законов казахов ясно показыва-

ет, что это был обособленный народ с уникальной культурой, в равной степени дистанцированный как от мусульман-узбеков, так и от монголов-калмыков. Эти могущественные соседи казахов стремились захватить их пастбища и подчинить себе этот народ. Именно культура казахов позволяла им оставаться самими собой, т.е. самостоятельным народом со своей психологией, обычаями и мировоззрением (Olcott, 1995, pp. 18—23).

Другая американская исследовательница И. Лауде-Циртаутас, известный специалист в области тюркской филологии, профессор университета в Сиэтле (Ч. II. Гл. II. § 2) в своих работах по языкознанию и тюркологии во многом опиралась на материалы казахского эпоса. Отдельную статью она посвятила ласкательным выражениям, употребляемым у казахов в обращении старших к младшим. Она обратила внимание на тот факт, что в разговоре пожилых людей обычно приводятся пословицы и выражения, напоминающие по стилю эпические песни их юности. В обращении с детьми их речь приобретает нежные интонации. Автора поразила забота и доброта казахов о детях, которые, в свою очередь, уважительно относятся к старшим. Пожилые люди выражают свою любовь и привязанность к детям с помощью уменьшительных и уменьшительно-ласкательных суффиксов, различных конструкций доброжелания и благословения. Лауде-Циртаутас классифицирует выражения на группы: выражения, адресованные как мальчикам, так и девочкам (юношам и девушкам), например, калкам, шираим, козым и т.д.; выражения при обращении к мальчикам и девушкам любого возраста (жұлдызым, кюним); выражения, употребляемые только при обращении к мальчикам и юношам (ботам, тулпарым, батырым, торем); только к девушкам и молодым женщинам (карашашым, алтыным, аруим, айим). Американская ученая обратила внимание на тот факт, что в этих обращениях отсутствуют абстрактные термины, а также редко встречаются

сравнения с растениями (балдырган, кюраим). В отличие от татар и турок, казахи не используют ласкательные термины, связанные с понятием сладкого. Часто слова с унижительным значением применяются как ласкательные термины (каргам, заманым, теньтегым). Ласкательные термины обычно употребляются вместо собственных имен, и зачастую уменьшительные термины присоединяются к собственным именам. Старшие люди передают свои чувства к детям словами, употребляемыми в одном сочетании. Лауде-Циртаутас обнаружила ласкательные термины в казахской устной литературе — в эпических, колыбельных и похоронных песнях (эпос «Ер-Таргын»). Автор обратила внимание на тесное взаимодействие между ласкательными терминами в разговоре старших людей и подобными выражениями в устной литературе. По-видимому, считает исследовательница, многие из этих терминов создавались отдельными певцами и прочно вошли в устную литературу, а оттуда оказывали влияние на разговорную речь³³ (Laude-Cirtautas, 1979).

В другой своей работе «Вопросы исследования эпоса «Манас»: (Эпос в исследовании и в песенной традиции у казахов)» И. Лауде-Циртаутас посвятила проблемам исследования эпоса «Манас» — одной из актуальных тем современного тюркского литературоведения. В основу ее разработки положены труды казахских и киргизских ученых дореволюционного и советского периодов³⁴.

В первой части освещены результаты исследовательской деятельности в решении этой проблемы Ч. Валиханова, М. Ауэзова, А. Маргулана и Р. Бердибаева. Дано описание путешествия Валиханова в Киргизию, где им были собраны и записаны различные эпические произведения киргизов. Особая

его заслуга — запись одной из частей «Манаса», наиболее излюбленной у киргизов. Автор пишет, что богатый эпический материал был собран и издан М. Ауэзовым. Отдельные эпические тексты представлены им в различных версиях. Особое внимание в исследовании эпического наследия казахов и киргизов он уделял творчеству акынов.

Большое значение для исследования этого вопроса имело открытие А. Маргуланом в 1964 г. записи текста «Манас» на киргизском языке, который позже был издан А. Хатто на английском языке с обширными комментариями. В исследованиях Р. Бердибаева показана связь казахской песенной традиции с традициями соседних тюркских народов, прежде всего киргизского.

Вторая часть статьи освещает языковые особенности эпоса «Манас» и песенное творчество казахских акынов. Отмечается, что исследователи этого эпоса восхищены не только его монументальностью, но и стихотворным языком, единственным в своем роде и характерным для среднеазиатского тюркского стихосложения (аллитерация в начале нерасчлененных строк от семи до восьми слогов). Анализируя эпические тексты казахских акынов, исследовательница подчеркивает, что в них также имеется аллитерационная форма.

Изучая репертуар казахских исполнителей, Лауде-Циртаутас пришла к выводу, что он был различным: наряду с отдельными эпизодами из «Манаса», здесь были и собственные сочинения, сходные с ним. На примере репертуара выдающегося казахского акына К. Азербая автор показывает влияние на его творчество киргизских акынов. В связи с этим приводится содержание эпоса «Токетай и Маникер», которое, однако, является не переводом, а собственным сочинением акына. Анализ эпических текстов показывает, что певцы часто вставляли в свой рассказ имена эпических героев соседних родов и народов. Такое заимствование героев

³³ Свои наблюдения американская исследовательница опубликовала на казахском языке. См.: Известия Академии Наук Казахской ССР. Сер. общ. наук. — 1972. — N 4. — С. 75—80.

³⁴ Laude-Cirtautas I. Fragen der Manasforschung: (Das Epos in Forschung und Gesang bei den Kasaken) // Central Asiatic Journal (Wiesbaden). 1984. V. 3-4. Pp. 220—233.

наблюдается и в казахском эпосе «Ер-Коксе», где, несмотря на схожесть имен с эпосом «Манас», действие развивается иначе.

Далее рассматривается состояние этого вопроса в исследованиях киргизских ученых. Отмечается, что основная линия их деятельности сосредоточена на одном вопросе: имели ли казахи собственную версию эпоса «Манас» или же они заимствовали ее у киргизов? Как пишет Лауде-Циртаутас, казахские исследователи считают этот вопрос не столь важным и относят вышеназванные эпические песни к общему творческому наследию казахов и киргизов. Мнение о том, что казахи заимствовали «Манас» у киргизов, автор считает преждевременным при нынешнем состоянии исследования.

Известно, что певцы называли Манаса и его спутников ногайцами. События ногайского периода (XV—XVI) были отражены в исторических песнях, герои которых становились впоследствии и эпическими героями. То выдающееся место, которое со временем занял Манас среди ногайских героев, по мнению Лауде-Циртаутас, — заслуга киргизских певцов. Хотя киргизские исследователи считают своих акынов (манасчи) неповторимыми в своем роде, автор, не умаляя их значения, считает, что начало объединению различных эпических песен в один общий эпос было положено казахскими акынами. При этом Лауде-Циртаутас обращает внимание исследователей на отрывок из цикла песен о героях-ногайцах, найденный на Мангышлаке. Автор сожалеет, что этот цикл опубликован только частично, и полагает, что его изучение может дать новый толчок в исследовании «Манаса» и всего эпического творчества казахов.

Эпические тексты акынов, найденные на территории Западного Казахстана, свидетельствуют о том, что именно здесь, а не на востоке и юго-востоке, как считалось прежде,

находился центр казахской героической эпике. Таким образом, для выяснения вопроса о существовании у казахов собственной версии «Манаса» следует привлекать тексты западных казахских акынов, а не южных, где влияние киргизов было возможно.

В заключение исследовательница отмечает, что, несмотря на определенные результаты исследования эпоса «Манас», работа еще не завершена. По мнению автора, эти исследования следует проводить в связи с развитием эпических традиций всех тюркских народов и монголов.

* * *

Завершением настоящего раздела и переходом к следующей главе могут быть слова К. Пужоль, которая заключала, что история Казахстана парадоксальна. Растянувшись на протяжении тысячелетий на территории с необъятными границами, она определила свою плату в недавнем прошлом ценой потери казахами кочевой специфики и своей тюркоязычной монополии. XVIII—XIX вв. являются свидетелями их интеграции в сферу российской политики и, несомненно, остаются переломными: начало оседлости, административное разделение, медико-санитарная политика, политика русификации школьного образования, увеличение культивируемых площадей, строительство каналов, проникновение капитализма, банковской системы, денежная эволюция, вызванная налогообложением с каждой юрты, ускорение славянского начала, проникновение православной религии.

Пережив средоточение серийных культурных потрясений, Казахстан является подлинным синтезом между азиатским Востоком и Западом, потому что он содержит в себе два разных этнических корня: русский и казахский, две разные культурные системы: православие, избежавшее атеизма, и ислам, настроенный на шаманизме. На данный момент ка-

захский корень доминирует, весь вопрос состоит в том, в какой степени он сумеет принять в расчет своих многочисленных сородичей (Poujol, 2000, pp. 122—124).

Глава IV. Модернизация традиционного кочевого казахского общества

§ 1. Русское влияние

Ш. Акинер в своей книге «Формирование казахской идентичности» отмечает, что до массивной славянской иммиграции в конце XIX — начале XX в. число русского населения и, следовательно, его влияние были небольшими. Тем не менее уже с середины XVIII в. русское присутствие оказывало определенное воздействие на экономическую, культурную и политическую жизнь в северной части Казахской степи. Начался неизбежный процесс смены номадизма оседлым образом жизни и европеизацией. На юге, где русское влияние было слабее, а процесс колонизации начался позже, разложение кочевого образа жизни шло под влиянием соседних мусульманских общин.

В начале XIX в. Россия уже была в силах предпринять на территории Младшего и Среднего жузов серию радикальных политических реформ. Они позволили России усилить свое прямое управление и эксплуатацию региона, но в то же время фатальным образом сказались на географических, экономических и социальных основах родоплеменной системы. Россия ввела построенные по территориальному принципу административные единицы, которые, по замыслу реформаторов, должны были совпасть с традиционными родоплеменными группировками, но не учитывали отработанные в течение длительного периода времени кочевые маршруты. Политическая власть султанов была полностью подорвана; но те, кто сотрудничал с русской администрацией, были кооптированы в новый административный аппарат и стали фактически российскими государственными служащими. За ними сохранялось дворянство и присваивались, в зависимо-

сти от знатности и выслуги лет, воинские и гражданские звания. Б. Залесский описывает в своей книге-альбоме «Жизнь казахских степей» любопытного персонажа — некоего Кузембая, который в прежнее время активно занимался барымтой, но после наведения порядка российской администрацией перешел на официальную службу, возглавил аул, получил золотую медаль и строил планы стать бием. Залесский стал свидетелем процесса исчезновения барымты, которая на его глазах уже стала редким явлением (Zaleski, 1865).

Ш. Акинер отмечает, что, несмотря на поставленную цель российского правительства — способствовать полному слиянию Казахстана с остальной территорией империи, новое административное деление 1867—1868 гг. ставило задачу не допустить объединения казахских земель в одной административной единице. Фактически Казахстан был разделен на три зоны, каждая из которых попадала под административное управление различных генерал-губернаторств: Оренбургского (Уральская и Тургайская области), Западно-Сибирского (Акмолинская и Семипалатинская) и Туркестанского (Сырдарьинская и Семиреченская). Такое подчинение абсолютно не соответствовало традиционным границам между жузами, разрывая старые родоплеменные связи. Новые административные границы не учитывали прежние экономические связи, создавали новые преграды внутри жузов и родов, порождали новую бюрократию, которая препятствовала перемещению кочевников по их традиционным маршрутам, выходившим за пределы ново-явленных административных образований. Административное устройство 1860-х гг., отмечает автор, имело еще одно далеко идущее последствие для дальнейшей судьбы Казахстана: Север стал частью более индустриализированной территории и был более европеизирован; Юг остался аграрным и под более сильным исламским влиянием. И се-

годня, спустя столетие, эта историческая разница все еще ощущается (Akiner, 1995, pp. 23—24).

Непосредственным и самым первым результатом возросших контактов с русскими стало их влияние на экономику казахов. Пограничная зона превратилась в полосу торговых центров, где русские купцы осуществляли деловые операции с кочевниками, а также с торговцами из Хивы, Бухары и Ташкента. Это привело к драматическому развитию событий и диверсификации торговли. В 1830-е гг. ярмарки стали регулярными, превратившись в часть разветвленной торговой системы империи. Торговля с Казахстаном базировалась на связях с Нижним Новгородом. Русских интересовали, прежде всего, лошади и овцы. Из России импортировались ткани, стеклянные изделия и инструменты. В ходе торговли с Россией сформировался и укрепился класс *баев* как прообраза торговой буржуазии. Свидетельством растущего благосостояния казахских баев было введение в 1837 г. налога серебром с каждой юрты.

В это же время шел процесс создания первых индустриальных предприятий. Это были солеварни, которые ориентировали свою продукцию на российский рынок. К концу века на территории Казахстана наблюдалось оживление во всех секторах горнодобывающего дела: к разрабатывавшимся еще с XVIII в. медным и свинцовым месторождениям добавились с помощью европейского и американского капитала золотые и серебряные. Многие казахи становились сезонными рабочими; этот процесс еще более усилился со строительством железной дороги Оренбург — Ташкент. Движение в сторону оседлого и полuosедлого образа жизни было постепенным процессом, отмечает Акинер, зависевшим от комбинации различных факторов. Растущая зависимость от денег привела ко всеобщему кризису кочевой экономики. Кризис усугублялся административными изменениями, усиливши-

ми хаос в кочевых маршрутах. Кризис совпал с рядом последовательно происшедших джутов и нападения мародеров с юга. Вся эта совокупность факторов привела к массовой пауперизации номадов. Ситуация обострилась в результате фрагментации прежней социальной структуры: прежние лидеры общества (султаны, батыры, бии) вступили в сотрудничество с колониальной администрацией, демонстрировали новые амбиции и больше были не заинтересованы сохранять материальное благополучие своих соплеменников. У баев экономические интересы лежали за пределами их общины и уже не концентрировались исключительно на животноводстве. К концу века кочевое пастушество было все еще сильно распространено, особенно на юге, но общество уже находилось в состоянии движения, и тенденция к оседлому образу жизни становилась все более очевидной (Akiner, 1995, pp. 24—25).

М. Олкотт в своей книге также посвятила раздел влиянию русской торговли на Казахстан. Формальной точкой отсчета русской торговли она называет 1738 г., когда российское правительство приняло решение экспортировать золотые и серебряные монеты, а также железо и зерно в этот регион. До этого времени торговля между русскими и среднеазиатскими ханствами носила неформальный характер. По мере развития российского рынка русские компании все больше интересовались торговлей с казахами и экспортом своих товаров через степь на рынки Средней Азии, Персии и Китая. Две трети всех товаров, проходивших через Оренбург и Семипалатинск, были предназначены для стран, лежавших к югу и на востоке от Казахстана. К 1785 г. объем торговли достиг более 200 тыс. руб. Основными товарами, которые покупали казахи, были сахар, одежда, зерно и металлы. В начале XIX в. российское правительство приняло новые торговые тарифы. К середине XIX в. российская торговля базировалась на трех основных караванных путях, связывавших волжский бассейн

с Бухарой и пунктами, лежавшими восточнее и южнее Персии. Основной путь лежал из Оренбурга через сезонные казахские рынки в западной части степи (Ханской ставке), где он разделялся. Часть товаров шла на Хиву, а остальная — в Семипалатинск или Петропавловск. Из Семипалатинска товары распределялись по сезонным рынкам Среднего жуза и караванам, направлявшимся в Коканд, Кульджу и Кашгарию. В Петропавловске организовывались караваны, шедшие в Ташкент, Бухару и Туркестан, а также в Кульджу и Коканд.

В течение первой половины XIX в. торговые поселения вдоль караванных путей, существовавшие уже столетия, стали принимать характер европейских селтльментов — Оренбург, Орск, Уральск, Семипалатинск, Петропавловск и Троицк. Основной товарообмен шел по схеме обмена металлических товаров на кожу. Торговля носила сезонный характер и возобновлялась сразу же после схода зимнего снега. Передвижение караванов было небезопасным в любое время, но, ввиду постоянных столкновений между родами и антирусских настроений среди многих племен, караваны сопровождалась военными эскортами того рода, который контролировал данную территорию. Например, в 1850 г. караван из Оренбурга в Бухару шел 75—80 дней, а из Орска в Бухару — 40—50 дней. В год можно было организовать три каравана (в мае, августе и ноябре) из Петропавловска в Ташкент, и два — из Троицка. Хивинцы посылали два-три каравана с хлопком в Оренбург и один — в Астрахань. Себестоимость караванной торговли была высокой и отражалась в ценах на российском рынке, в первую очередь на хлопок.

Олкотт считает, что вспышка заинтересованности России в расширении своего экспорта произошла в 1825—1830 гг. В 1830-е гг. Россия наращивала свою торговлю со Средней Азией и Китаем. К 1840 г. 37% всех российских товаров проходили через ее центральноазиатские границы. С 1791-го

по 1853 г. русская торговля со Средней Азией выросла на 350%. К этому моменту 75% всех российских товаров, экспортировавшихся в Казахстан и Среднюю Азию, были промышленные. Этот процесс сопровождался в 1850—1860-е гг. ростом спроса российской текстильной промышленности на среднеазиатский хлопок. С 1841-го по 1860 г. импорт хлопка в Россию вырос больше чем в четыре раза. Гражданская война в США привела к тому, что цена на хлопок в Нижнем Новгороде подскочила с 4—5 руб. за пуд в 1860 г. до 20—22 руб. к 1864 г. Внешние условия диктовали России необходимость прорыва к территориям — производителям хлопка. После завоевания Средней Азии в 1864—1865 гг. наблюдался мгновенный всплеск хлопковой торговли. Резко вырос также российский экспорт. В Коканде экспорт российской одежды составлял до завоевания 74 руб. В 1867 г. он уже достиг суммы 12 млн. руб.

Пужоль упорно считает, что новая казахская идентичность носит дуальный характер, вытекающий из ее недавней и даже древней истории: двусмысленность в случае с Казахстаном, которая составляет всю его оригинальность — это то, что он создает синтез между европейской моделью, привнесенной из России, и традиционным тюрко-мусульманским фундаментом — полиэтническим и многоконфессиональным, испытавшим болезненность процесса оседлости, затем насильственной секуляризации — и все это на фоне все еще ошутимого шаманизма (Poujol, 2000, p. 93).

Подытоживая историю казахско-русских отношений на протяжении более чем двух столетий, М. Олкотт уже в своей второй книге о Казахстане «Непройденный путь» пишет в следующем ключе: «Между тем казахам уже не нужны посредники для взаимодействия с мировой культурой. В самом деле, многие из них считают, что своими страданиями в течение длившегося около ста лет колониального господства и последовавших за ним семидесяти лет советской власти они

сполна заплатили за выгоды, полученные в годы русского владычества. Даже кривое зеркало советской исторической науки не смогло представить союз двух этих народов полностью добровольным. Завоевание Туркестана (в который входили земли Старшего жуза) всегда представлялось как военная победа России. Правда, и казахи, и русские знают, что на протяжении веков их безопасность была под угрозой с востока. Оба народа терпели поражения от монголов: русские — с установлением татаро-монгольского ига в XIII в., а казахи — во время Великого отступления от калмыцких монголов (джунгар) в XVII и XVIII в. Именно этот последний кризис и вынудил казахских ханов, чьи пастбищные земли располагались на севере, искать защиты у русских, что представлялось меньшим из зол».

Далее Олкотт продолжает, что первые попытки казахов найти защиту у русских в XVII в. не увенчались успехом. Главная забота русских царей тогда состояла в том, чтобы обезопасить торговые пути, которые пролегали на восток через Сибирь, а не на юг, к тому же они считали, что укрепленные поселения казаков обеспечивали более эффективную защиту, чем союзы с «дикими» народами. Следующая серия крепостных сооружений была воздвигнута в первой половине XVIII в. на пространстве между нынешними Оренбургом и Омском.

Возникшие вследствие этого связи между русскими и казахами носили достаточно аморфный характер. Казахские ханы платили дань русскому царю, который к тому же держал у себя «заложников» из числа их родственников в качестве гарантии лояльности. В целом казахские ханы считали такое положение вещей приемлемым, поскольку это снимало угрозу со стороны калмыцких монголов, кроме того, русские разрешали казахским правителям по-прежнему управлять своими соплеменниками. Казахские руководители Старшего жуза в Южном Казахстане продолжали воевать с калмыка-

ми, которые сами вскоре потерпели поражение на востоке от китайцев. Восточная часть владений Старшего жуза стала платить дань китайцам, а большинство других кланов — узбекским ханам на юге.

В конце XVIII и начале XIX в., в годы правления Екатерины II и Александра I, приоритеты России изменились. Оба монарха стали уделять гораздо больше внимания управлению территориями, уже находившимися под их контролем, а также проявляли живой интерес к экспансии в южном направлении. Права казахов на самоуправление были резко ограничены. Русские больше не хотели терпеть все менее компетентное правление казахской знати, чья власть явно расшатывалась внутренней борьбой. Растущее присутствие России в степных районах привело к появлению множества новых экономических проблем, которые пришли на смену проблемам безопасности. Таким образом, с середины XIX в. Россия стала для казахов и врагом, и «цивилизующим началом». Когда русские двинулись на юг для завоевания земель Старшего жуза, они столкнулись с вооруженным сопротивлением. В конце концов, эти земли были покорены с помощью нерегулярного казацкого войска, участники которого впоследствии построили новую линию фортов на территории нынешнего Южного Казахстана. Некоторые из их потомков до сих пор живут рядом с китайской границей на территории нынешней Алма-тинской области.

Дети казахской знати из Младшего и Среднего жузов в большинстве случаев хорошо устроились в условиях российского правления. Последовав примеру татар, они взяли на себя функции культурных посредников. Эти интеллектуалы также пришли к выводу, что казахам нужно сохранить себя в качестве отдельной народности. Во второй половине XIX в. они создали современную казахскую письменность и стали устраивать школы, в которых казахскую молодежь обучали

русскому языку наряду с казахским. Как и татары, большинство казахов были умеренными мусульманами, считавшими, что Условием сохранения ислама является его примирение с современными взглядами европейцев. Фундаменталистский ислам, который исповедовали жившие на юге туркестанцы, так и не нашел для себя почвы в казахских степях.

Даже наиболее ассимилированные из этих интеллектуалов считали, что образ жизни пастухов-кочевников составляет суть казахской культуры и национальной идентичности. Это убеждение все больше настраивало их против российского правительства, считавшего, что интересы кочевников-скотоводов находятся в противоречии с интересами крестьян, остро нуждавшихся в земле. Противостояние достигло апогея при реформаторском правительстве Столыпина, которое, стремясь решить земельную проблему в России, отправило миллионы русских и украинских поселенцев для освоения казахских земель, которые были объявлены избыточными. Лишь немногие казахи восприняли такое решение положительно. Первая мировая война и большевистская революция помешали довести столыпинский проект до конца, но десятки тысяч казахов все-таки были вытеснены из северного Казахстана. А после восстания 1916 г. против российского присутствия и мобилизации казахов на тыловые работы из южных областей Казахстана были выселены еще сотни тысяч казахов.

Пришедших к власти большевиков, которые ставили перед собой идеологические и экономические задачи, еще в меньшей степени заботили чувства казахов. Они переселили в Казахстан «кулаков» и в ходе насильственно проведенной в конце 1920-х и 1930-х гг. коллективизации положили конец кочевому скотоводству, что привело к гибели миллионов и массовому отъезду сотен тысяч казахов. Последнее оскорбление нанес казахам в 1950-х гг. годах Хрущев, направивший тыся-

чи русских и славянских «добровольцев» для создания второй хлебной житницы СССР на целинных землях Казахстана, в результате чего из северной части республики были вытеснены остававшиеся там коллективные казахские хозяйства.

Вся эта политика оставила в душах казахов сложные чувства в отношении опыта, полученного ими за годы советской власти. Ушли в прошлое традиции пастушеского кочевья, коренным образом изменилось отношение казахов к своей земле. В особых случаях они могут вспомнить о традиционной пище и обычаях кочевого прошлого, но никто уже не заговаривает всерьез о возвращении к этому прошлому.

Самая большая обида, заключает Олкотт, которую нанесли казахам царская Россия и советская власть, состоит в том, что они оставались (до середины 1990-х гг. — М.Л.) меньшинством в своем новом независимом государстве³⁵.

§ 2. Культурные изменения: европеизация и русификация

Россия осуществляла свою политику экономическими и административными методами, но не была забыта и культурная сфера. Ш. Акинер считает, что культурное влияние Россия осуществляла по нескольким каналам. Первым из них было спонсируемое государством образование. Первые русские средние школы были открыты еще во второй половине XVIII в. в Омске, Оренбурге, Петропавловске и Ямышевской. Их непосредственной задачей было обслуживание нужд и интересов военной и гражданской администрации. С 1789 г. устанавливается практика обучать детей казахской аристократии в высших учебных заведениях империи со специфической целью: усилить сближение азиатов с русскими, укрепить чувство любви и уважения к России, под-

³⁵ Олкотт М. Казахстан: непройденный путь. — С. 88—90.

готовить кадры для колониальной администрации. В результате такой политики поощрения образования среди казахов повсеместным явлением стало внедрение русского языка, в первую очередь на севере, русской культуры и рудиментов европейской системы образования. В 1895 г. существовало 37 русско-казахских начальных школ; в 1913 г. — 157. Однако это было возможным только в тех регионах, где была высока концентрация русского населения.

Вторым каналом русского культурного влияния было усвоение манер, одежды, предметов быта и мебели и т.д. Казахские аристократы усваивали французские манеры и следили за французской модой, танцевали в европейском стиле и моделировали свое поведение в соответствии с нормами русского двора. На нижнем уровне *шаруа* также адаптировали новые элементы материальной культуры — зеркала, самовары, швейные машинки, свечи (чрезвычайно важная инновация, позволявшая удлинить световой день), кровати, кресла и стулья. Другой сферой для инновации была музыкальная среда. Европейская музыка исполнялась в общественных местах, и казахские музыканты адаптировали услышанные мелодии, создавая тем самым новый европеизированный музыкальный словарь.

Торговые ярмарки способствовали развитию т.н. общественной культуры. Прежние аульные мастера уже были не в состоянии удовлетворить растущие запросы и вкусы общины, которые все более усложнялись. Возник класс профессиональных художников и ремесленников, которые работали как на российский рынок, так и для кочевников. Традиционные развлечения, такие как айтысы или скачки, приобретали все менее спонтанный характер в многонациональном окружении ярмарок. Со временем они стали частью типичных представлений о народной культуре.

Другим источником русского влияния, ограниченным в социальном и географическом плане, но в своей основе са-

мым важным, была интеллектуальная жизнь в городах. В ней участвовали доктора, учителя, инженеры, ученые и политические ссыльные из различных частей империи (особенно украинцы и поляки), которые с 1820-х гг. привнесли с собой в степи революционный дух. Эти группы организовывали кружки по своим научным профессиональным интересам. Они участвовали в научной и культурной жизни метрополии, а со временем заложили основу для развития в казахстанских городах издательской деятельности. В последней четверти XIX в. появились местные газеты в Омске, Оренбурге и Уральске. К 1913 г. на территории современного Казахстана существовало 146 публичных библиотек. Театральные труппы каждый сезон гастролировали в Оренбурге, Петропавловске, Павлодаре и Семипалатинске. В 1858 г. был основан Русский театр в Оренбурге. Казахская элита, получившая русское образование, имела тесные отношения с иммигрантскими коммунами, часто переходящими в личную дружбу. Такие контакты расширяли кругозор молодых казахских интеллигентов и давали возможность напрямую приобщиться порою к наиболее выдающимся идеям или мыслителям российской культуры³⁶. Четвертой сферой, в которой соприкосновение с русской культурой имело очень благоприятные последствия для казахской, была деятельность российских фольклористов и этнографов, которые записывали, классифицировали и интерпретировали кочевое наследие. Подобно египетским мумиям, вдруг выставленных на свет, кочевой образ жизни начал быстро распадаться с такой же быстротой, с какой он соприкасался с российским государством (Akiner, 1995, pp. 26—27).

Однако, акцентирует внимание Акинер на положении религии в Казахстане при колониальном режиме, одновре-

³⁶ Здесь Акинер имеет в виду, безусловно, ставшую канонической дружбу между Ч. Валихановым и Ф. Достоевским.

менно с русским влиянием усилилась роль ислама, хотя это выглядит на первый взгляд парадоксально. Царское правительство поощряло укрепление ислама среди казахов, пропагандируемого татарами, которые вот уже два столетия входили в состав империи. В 1788 г. был создан муфтиат с целью активизации деятельности татарских миссионеров. Государством направлялись средства на строительство мечетей и печатание религиозной литературы. Но все муллы, тем не менее, были выходцами с юга — из Туркестана и Ташкента, что олицетворяло принадлежность казахов с суннитскому направлению ислама и его ханафийской школы. Татары же в начале XIX в. заняли социальную нишу в Северном Казахстане в роли «пограничных маклеров» между казахами и русскими. Но во второй половине XIX в. русские власти уже не могли спокойно смотреть на усиление ислама среди казахов и предприняли кампанию по обращению последних в христианство. Но она имела крайне незначительный эффект. Прежде всего, русская администрация сделала попытку ограничить количество мулл; далее, открывать мечети и мусульманские школы можно было только с официального разрешения. Запрещались вакф и любые другие религиозные налоги и подати. Но, несмотря на эти меры, количество мусульманских школ продолжало расти: в 1895 г. в Казахстане существовала 31 начальная школа — *mekteb*, в 1913 г. — 267; во всех крупных городах существовали школы второго уровня — *medrese*. Акинер сожалеет, что нет точной информации о деятельности суфийского ордена в этот период, но есть предположение, что количество *муридов* достигало, по разным оценкам, от 500 до 1000 человек (Akiner, 1995, p. 28).

В течение XIX в. уровень грамотности, отмечает Акинер, среди кочевников оставался низким, но неуклонно возрастал среди оседлого, как казахского, так и русского, населения. Широкое распространение получила литература на казах-

ском языке, написанная арабским шрифтом и, как правило, на религиозные темы. В течение всего XIX столетия появилось всего около 70—80 таких книг; но с началом XX в. произошёл настоящий взрыв печатного дела у казахов. Книги и периодические издания на казахском языке печатались в Санкт-Петербурге, Казани, Уфе, Ташкенте и других мусульманских центрах. Между 1900-м и 1917 г. было издано свыше 200 книг, значительное место среди них заняли издания светского характера, героический эпос и другие образцы традиционного устного творчества. Первая газета на казахском языке появилась в 1888 г.; целый ряд новых газет появился после 1905 г., но ни одна из них не просуществовала долго по политическим причинам.

Акинер считает, что основным содержанием этого периода был переход у казахов от племенного сознания к национальному. Мировоззрение казахов, раньше часто заканчивавшееся собственным аулом или родом, вышло на общенациональный уровень. С середины 1850-х гг. и до Октябрьской революции 1917 г. в казахском обществе возникли четыре политических течения. Первым таким течением стали т.н. просветители. Это было первое поколение интеллектуалов, столкнувшихся с русским образованием. Они рассматривали союз с Россией как позитивный шаг. Они искренне верили, что казахам необходимо учить русский язык и адаптировать у себя европейский стиль образования. Они критически относились к исламу, выступали против деятельности татарских мулл и в то же время восхищались «чистыми» незамутненными казахскими традициями. Акинер, следуя советской традиции, относит к этой группе известных персонажей казахской истории: Ч. Валиханова, И. Алтынсарина и А. Кунанбаева. Главным для всех этих людей было признание необходимости приобщения к русскому языку и русской культуре как главному условию модернизации казахского общества и его выживания.

Если эти фигуры стали своего рода иконами у марксистской историографии, продолжает автор, то гораздо меньше известно о приверженцах другого течения, которых она называет консерваторами. Эту группу поэтов можно охарактеризовать «Зар Заман» (Тяжелые времена). Эти поэты были абсолютными антагонистами всего русского и идеализировали ортодоксальный ислам и традиционные социальные и моральные ценности. В их трудах эпоха ханской власти была золотым веком, свободным от коррупции и эксплуатации колониального периода.

К третьей группе Акинер относит националистов, которых она, делая ироничный перефраз сталинистской историографии, называет «буржуазными националистами». Это течение возникло после соприкосновения с русской культурой и образованием, когда молодые казахские доктора, учителя, инженеры, писатели и поэты в начале XX в. не захотели больше стремиться к копированию европейской культуры и были озабочены поиском собственной национальной идентичности, но в рамках социальной, культурной и политической действительности Российской империи. Одним из шагов в этом направлении была борьба за использование ислама как элемента казахской идентичности. Им удалось добиться использования вместо прежнего наименования «киргизы» термина «мусульмане-киргизы». И хотя националисты не ставили перед собой каких-то специфических целей, эффектом этого стало усиление политической роли ислама среди кочевников. Деятельность националистов породила, кроме того, две тенденции в духовной жизни казахов и их ренессанса. Первой стал повышенный интерес к родоплеменной истории казахов, популяризация и абсолютизация генеалогии. В сознании интеллектуалов возник застывший, схематизированный и идеализированный образ жузов и родовой структуры. Второй тенденцией был интерес к общетюркско-

му наследству. В политическом плане это имело результатом рост симпатий к Турции. Многие юные казахские (и добавим от себя — татарские, башкирские, узбекские и т.д.) интеллигенты совершали поездки в города тюркского мира вплоть до Стамбула, создавая тем самым ткань единой интеллектуальной тюркской общности. Представители этого поколения, или этих социальных слоев, в политическом плане разделяли взгляды российских кадетов, создали партию «Алаш», осудили или нейтрально отнеслись к восстанию 1916 г. и создали в 1917 г. два правительства в Оренбурге и Коканде.

Четвертым течением было зачаточное социалистическое движение. Хотя оно было по составу преимущественно русским, оно оказало влияние на казахских рабочих в крупных городах, шахтах и железных дорогах в Кызыл-Орде (Перовске), Туркестане, Семипалатинске и Верном. Это движение выдвинуло таких лидеров будущей революции, как Фрунзе и Куйбышев. Росту социалистического движения способствовал неурожай 1912 г. и порожденные им массовое обнищание и эпидемии. В Казахстане с 1894-го по 1906 г. существовало шестнадцать марксистских групп, которые по своим взглядам были, несомненно, более радикальны, чем представители остальных либеральных групп. С точки зрения образования они были, как правило, не так образованы, как представители других течений, но всегда сочетали посещение медресе и русской школы (**Akiner, 1995, pp. 28—33**).

Таким образом, казахское общество в начале XX в. находилось в состоянии активной трансформации от традиционных структур к созданию нации в современном смысле. На этом этапе оно уже выходит за рамки изучения востоковедения и принадлежит как объект исследования социологии, политологии и новейшей истории. В концептуальном плане эти дисциплины оформились в отношении Казахстана и Сред-

ней Азии в такое направление, как советология, или советологическое среднеазиоведение.

Изменения в области казахской культуры под русским влиянием прослежены также в книге Т. Уиннера «Устное творчество и литература казахов». Уиннер считает, что русское влияние имело двойкий эффект на казахский фольклор: с одной стороны, оно вызвало к жизни целое направление в культуре, которое получило в советской историографии, заимствованное затем западной, название казахского просвещения (**Winner, 1958, pp. 101—110**); однако, с другой стороны, еще ранее русское влияние вызвало к жизни такое направление, как «поэзия восстания», отрицавшее все чужеродное (**Winner, 1958, pp. 86—98**). Уиннер идет дальше в своих рассуждениях: собственно говоря, считает этот автор, становление национальной, или даже националистически ориентированной интеллигенции в начале XX в., оказавшей такое влияние на развитие казахской культуры, которое ощущалось на протяжении всего столетия (т.е. до 1960-х гг.), было бы невозможно без русского или западного влияния, так как эта воспитанная в современных традициях интеллигенция мыслила категориями европейскими и была выразителем интересов зарождающейся казахской нации в современном понимании. И хотя после революции развитие казахской культуры и казахов как народа развивалось в рамках тоталитарного режима, в казахской культуре явственно ощущалось влияние традиции устного творчества, что позволило говорить о сохранении собственной казахской идентичности (**Winner, 1958, pp. 120—132**).

Анна-Мари фон Габен — профессор, известный тюрколог, автор ряда монографий и статей по различным аспектам тюркологии. Предметом ее исследований являются язык, история и литература тюркоязычных народов СССР: уйгуров, казахов, узбеков и т.д. В своей статье «Слабость и сила казашки (субъективно-литературное исследование)» она за-

трагивает проблему модернизации традиционного казахского общества с точки зрения положения женщины³⁷.

Статья посвящена положению женщины-казашки в семье. Она основывается не на непосредственных наблюдениях действительной жизни казашки, а на восприятии субъективного мнения авторов анализируемых ею произведений. Несмотря на то, что большинство из них (10 из 13) родились в советское время, отмечает Габен, для их сознания характерна еще «исключительная лабильность». Они стремятся отразить в своем творчестве национальные особенности казахского народа, нередко возвращаясь в своем творчестве к дореволюционному прошлому.

Материал для анализа был почерпнут из 15 литературных произведений современных казахских писателей (М. Ауэзов — «Серый лютый», Б. Майлин — «Памятник Шуги», Д. Исабеков — «Гаухартас», А. Кекильбаев — «Колодец», А. Алимжанов — «Крестьяне», С. Санбаев — «Белая Аруана» и ряд др.). Жизнь женщины-казашки прослежена от рождения до старости. Рассматриваемые произведения позволяют сделать вывод о довольно безотрадном детстве и юности казашки. Само ее рождение в семье было нежелательным, так как она не была продолжательницей рода. Замужество для казахской девушки часто было не счастливой переменой в ее жизни, а несчастьем. Брак обычно заключался по воле родителей и молодые люди даже не видели друг друга до свадьбы. Выбор будущего мужа для дочери определялся финансовыми соображениями. За потерю «рабочей силы» родители невесты требовали вознаграждения (калым). Такой брак осужден Майлиным в рассказе «Памятник Шуги».

В некоторых произведениях, по мнению Габен, ясно выражена мысль о том, что муж относится к жене как к пред-

³⁷ Gabain A.-M. von. Ohnmacht und Macht der Kazakin, eine subjektiv-literarische Studie // Central Asiatic Journal (Wiesbaden). 1981. Vol. XXV. N 1—2. Pp. 54—65.

мету домашнего обихода, не проявляет к ней никаких чувств, равнодушен и, более того, считает, что женитьба обременяет мужчину (Д. Досжанов — «Полынь и цветы», Д. Исабеков — «Гаухартас»). В других проскальзывает мысль о том, что жена тяжелые минуты переживает одна. Так, в рассказе Алимжанова «Крестьяне» муж не скорбит вместе с женой по погибшему на войне сыну. Он переносит свое горе, свою боль в одиночестве, вдали от дома, работая всю ночь в поле.

Исследуя ряд произведений, Габен приходит к выводу, что и свекровь не проявляет к невестке должного внимания, зачастую она бывает властной и в спорах принимает сторону сына. Если «женщина бездетна, то она совсем беспомощна и бесправна. Такое положение порой ведет к измене в супружеской жизни или к полному разрыву брака. Часто причиной измены бывает то, что жена умнее, образованнее мужа и ждет от него высоких чувств; духовная неудовлетворенность ведет к измене. Эта мысль выражена в произведениях «Полынь и цветы» Д. Досжанова и «Молодая жена» А. Тарази.

В заключительном разделе автор описывает силу казашки, уважение, которым окружена пожилая женщина, мать семейства. Это определено ее ролью хранительницы очага: женщина ведет хозяйство, растит детей, от нее зависит обстановка в семье. Во многих произведениях показана ее нравственная сила, духовная красота. Именно таков идеал женщины у современных казахских писателей, заключает Габен.

§ 3. Социально-экономическая модернизация

Р. Пирс в книге «Русская Средняя Азия: опыт колониального правления» приходит к выводу, что наиболее важные по последствиям события, приведшие к радикальному изменению социально-экономической структуры казахского общества, имели место в 1906—1912 гг. В руки полутора миллиона пере-

селенцев было передано 12 млн десятин. Этот процесс сопровождался массовым переходом казахского населения к земледелию: в 1901 г. в Кустанайском уезде сеяли 72,3% казахов, в 1905 г. — 94,4%. Резко изменилась структура поголовья скота за счет уменьшения относительной и реальной численности лошадей (на 50—60%) в пользу овец и крупного рогатого скота. Экономические изменения сопровождались социальными, заметно упала детская смертность среди казахов: на четверть возросло количество детей, доживавших до трехлетнего возраста. С 1895-го по 1913 г. количество аульных школ выросло с 31 до 267, русско-туземных — с 38 до 157. Массовое распространение казахской и русской грамотности среди казахов было важным фактором в развитии т.н. казахского просвещения. Р. Пирс называет Абая Кунанбаева «русским Пушкиным», в чьем творчестве просвещение отразилось наиболее полно (Pierce, 1960, pp. 127, 160—161, 205—219, 251).

Большое значение среди свидетельств трансформации казахского общества в начале XX в. имели публиковавшиеся мемуары европейцев, которые, в силу тех или иных обстоятельств, жили в Казахстане. К ним относятся воспоминания Оливии Фелл (Вэнс-Энью), отец которой, английский горный инженер, с 1903 г. работал на рудниках в Акмолинске, Караганде, Коянды, Спасского и Балхаша. Мемуары О. Фелл, построенные на этнографических материалах отца, содержат интересный материал о жизни и быте казахских рабочих на рудниках, их отношениях с русской администрацией и европейским персоналом. Это не предвзятые и в то же время проникнутые симпатией к стране и населяющим ее людям записи (Fell Vans-Agnew, 1962).

Крупнейшей работой, посвященной модернизации Казахстана, является увидевшее свет в 1961 г. исследование французского экономиста Луи Бланшара «Казахстан», в котором автор поставил целью показать ход, а также социальные и

экономические последствия модернизации республики. И хотя в основном работа Бланшара охватывает советский период, автор останавливается на исторических и географических предпосылках быстрой трансформации Казахстана в современное (по меркам 1950-х гг.) общество. Бланшар писал в предисловии к своей работе: «Превосходящий в пять раз Францию Казахстан, советская республика в Азии, со своими огромными полупустынями и кочевым населением представлял собой неразвитую страну. Настоящая статья стремится показать радикальную трансформацию, которую пережила в относительно короткое время его экономика; а также то, какие перспективы, какие будущие резервы для своего развития (больше индустриального, чем аграрного) она таит» (Blanchard, 1961, p. 405).

В политической и социально-культурной жизни казахского общества в начале XX в. Олкотт выделяет ряд важных с ее точки зрения процессов. К первому она относит распространение ислама в степи. Несмотря на расхожую точку зрения, что ислам традиционно занимал мало места в культурной жизни казахов (за исключением юга), Олкотт считает, что укреплению позиций ислама способствовала, во-первых, политика Петербурга по «исламизации кочевников», восходящая еще к Екатерине, а во-вторых, либерализация в религиозной и в целом общественной жизни империи в начале XX в., которая затронула и Казахстан.

Параллельно с растущей популярностью ислама среди казахов начался процесс формирования светской элиты. Это было несомненным следствием русского — и через него — европейского влияния. Пересечение этих процессов создало конфликт между ростом исламизма и растущим стремлением казахских интеллектуалов к модернизации общества. Таким образом, казахская интеллигенция оказалась перед сложной дилеммой: опираться ли на ислам как на часть культурного на-

следства, или отвергнуть его ради модернизации и европеизации казахов. Казахстан также был вовлечен в культурное поле джадидизма, но окончательное решение этой проблемы смогла предложить только революция (**Olcott, 1995, pp. 101—112**).

Олкотт отмечает, что политический климат в Казахстане между первой русской революцией и мировой войной был весьма оживленным. Казахи участвовали в выборах в Думу, издавали собственную прессу и выдвигали политические программы. Но стабильное развитие степи было прервано войной, которая не только резко ухудшила общую экономическую ситуацию и снизила уровень жизни степняков, но и способствовала радикализации политических настроений. К 1916 г. Степной край и Туркестан стали подобны пороховой бочке. Запалом послужил злополучный указ о мобилизации инородцев на фронт. Американская исследовательница очень высоко оценивает восстание 1916 г., считая его прелюдией к революционным и антиколониальным изменениям, последовавшим после 1917 г. Но судьба восстания сложилась плачевно. Повстанцы дважды потерпели поражение: сначала от правительственных войск, затем — в сталинской исторической науке, утратив принадлежащее им по праву героическое место (**Olcott, 1995, p. 126**).

К. Пужоль отмечает, что история Казахстана носит парадоксальный характер. В течение столетий его территория была сферой господства специфически кочевого образа жизни и лингвистической монополии тюркофонов. В XVIII—XIX вв. она была интегрирована в сферу русской политики, что сопровождалось началом процесса оседания, появлением администрации, здравоохранения, русификацией школьного образования, строительством каналов, зарождением капиталистических отношений, появлением славянского элемента и православной религии (**Poujol, 2000, p. 123**).

В. Фурньо парадоксальным образом связывает модернизацию с исламизацией. С его точки зрения, граница казах-

ского пространства сегодня отмечает также границу от распространения ислама до контакта с сибирским шаманским миром, монгольским и буддистским или русским и христианским. Таким образом, Центральная Азия сегодня играет еще роль границы ислама. Начиная с арабского завоевания Бухары (709), эта граница не переставала перемещаться к северу, чтобы закрепиться в казахском пространстве. Между XVI и XVIII в. исламизация казахов прогрессировала медленно. Начиная от хана Узбека, политическая и общественная элита имели исламскую окраску, но некоторые, как Чокан Валиханов в разгар XIX в., могли ниспровергать ислам как составляющую часть казахской самобытности. Итак, исламизация основной массы кочевников протекала чрезвычайно медленно. Она представляла фоновое движение казахского общества, о котором можно сказать, что оно и сегодня продолжает свой ход.

Хронологические вехи, по которым можно судить о его поступательном движении, не фиксируются четко. Казахские эпосы, воссоздающие смертельную борьбу против калмыков, представляют казахских воинов как мусульманских героев. Русская колонизация, возможно, окончательно зафиксировала связь между исламом и казахской самобытностью (**Fourniau, 1994, pp. 73—77**).

Глава V. Казахи за границей

Как известно, в дальнем зарубежье наиболее значительные казахские диаспоры представлены в Китае, Монголии и Турции. Можно встретить также казахов в таких странах, как Индия, Пакистан, Афганистан и Иран, в арабских государствах, а также в Западной Европе — Франции, Германии, Швеции³⁸. Их появление в этих удаленных от Казахстана странах — следствие драматических исторических событий, которые сотрясали Центральную Евразию с XVIII по XX в. История переселения и передвижения казахских родов из родных степей достойна сравнения с библейским экзодусом — исходом (Lias, 1956).

Шведский ученый И. Сванберг давно известен как неутомимый исследователь казахов. Свои исследования в этой области он начал еще в начале 1980-х гг. с изучения казахской диаспоры в Швеции. Этот интерес привел его к необходимости искать корни европейских казахов в Турции. А после знакомства с казахской общиной в Турции он неизбежно пришел к выводу, что нужно продолжить изучение синьцзянских казахов, из которых в основной массе сформировалась казахская община в Анатолии. Результатом его исследований стали такие книги, как «Казахи Китая» (1988, совместно с Линдой Бенсон), «Казахские беженцы в Турции» (1989)³⁹ и «Последние кочевники Китая: история и культура китайских казахов» (1998). В этих книгах Сванберг и его коллеги дали развернутую историческую и этнографическую картину жизни казахов в Восточном Туркестане, а затем в СУАР, описали историю их сопротивления китайскому господству

³⁸ См.: Мендикулова Г.М. Казахская диаспора и Республика Казахстан // Казахстан-Спектр. — 1998. — № 1. — С. 73—77.

³⁹ См.: Казахи Китая. Очерки по этническому меньшинству (сборник статей). Часть I / Под ред. Л. Бенсон и И. Сванберга; И. Сванберг. Казахские беженцы в Турции. Исследование по культурному выживанию в условиях социальных перемен. Часть II / Пер. с англ. Б.М. Сужикова. Сост. Г.М. Мендикулова. — Алматы: Санат, 2005. — 456 с.

и исходу в Индию, а оттуда — в страны Востока и Европу. И вот последняя книга «Современные казахи: культурные и социальные перспективы» Сванберга, который, завершая эту своеобразную тетралогию, описывает казахов на своей родине — в Казахстане, а также в Монголии⁴⁰.

Говоря о зарождении своего интереса к казахам, Сванберг подчеркивает, что его первые встречи с представителями нашего народа имели место в конце 1979 г. в Турции, где его поразили их гостеприимность и образ жизни. Их рассказы о жизни в Китае, а также начавшаяся в 1980-х гг. относительная открытость китайского общества позволили Сванбергу начать полевые исследования в Синьцзяне. Но только после 1991 г. Сванберг и его западные коллеги-этнографы получили возможность наблюдать собственно казахов в Казахстане. Эти результаты были положены в основу книги «Современные казахи: культурные и социальные перспективы» (1999).

Сванберг посчитал полезным включить в новую книгу главу о монгольских казахах, так как на его глазах развернулась кампания по их возвращению на «историческую родину». Однако результаты репатриации монгольских казахов, как это стало позднее известно, были обескураживающими. В целом западные этнографы столкнулись при изучении казахского общества в Казахстане с такими реальностями, которые однозначно указывали, что традиционного кочевого общества, более или менее полные фрагменты которого этнографы могли наблюдать в Синьцзяне и Монголии, в Казахстане больше не существует. Но авторы во главе со Сванбергом все же делают попытку показать эволюцию казахов в направлении создания национального государства и, следовательно, возрождения прежних традиций казахов как индивидуального народа с устойчивой кочевой традицией.

⁴⁰ Contemporary Kazaks. Cultural and Social Perspectives. Ed. By I. Svanberg. Richmond: Curzon Press, 1999. — XI+151 pp.

§ 1. Казахи в Китае

Историю казахов на территории современного СУАР Бенсон и Сванберг описывают в книге «Казахи Китая». Первая глава этой книги, являясь вводной частью к истории казахского народа, дает обширную информацию относительно истории казахов, их распространения и положения в Китае во второй половине XX в. Также для читателя дается описание обширного региона Синьцзян, прежде именуемого Китайским Туркестаном, или Восточным Туркестаном, который граничит с бывшим СССР и Монгольской Народной Республикой.

Вторая глава дает краткое этнографическое описание кочевничества и социальной организации казахов в республиканском Китае (1911—1949). Данная часть также включает короткое описание политических движений, в которых участвовали казахи внутри и вне региона Синьцзяна, относительно соседствующих государств.

Как отмечают авторы, большинство волнений в регионе в течение всего XX в. не обходились без казахов. Одним из наиболее важных и известных лидеров национальных выступлений являлся Осман-батыр (Osman Batur), который был казнен в регионе Урумчи в 1951 г. Его легендарное имя до сих пор упоминается в книгах, изданных как в Китае, так и в казахской эмигрантской литературе. В третьей главе проанализирована его двойственная деятельность — героя и разбойника.

Конфликт между китайскими военачальниками и казахами в 1930-х гг. описан в четвертой главе в виде воспоминаний, повествованных казахским эмигрантом, живущим сегодня в Турции. Его рассказы дают яркое описание тревожной ситуации, царившей в описываемый период. Воспоминания представлены как на казахском, так и на английском языке. Введение содержит краткое описание фонетических особенностей «синьцзянского казахского» языка.

Современный казахский образ жизни в Богдо Улу (Bogda Ulu), области к северо-востоку от региональной столицы Урумчи, описан в пятом разделе. Основанная на сведениях оригинальных полевых исследований данная работа, посвященная казахам Синьцзяна, вероятно, является единственной в своем роде по истории современных казахов из имеющих на сегодняшний день.

Появление казахов на территории нынешнего Синьцзяна относится к началу 1760-х гг. Напомним, что это было за время: только недавно стихли жестокие битвы с джунгарами, Младший жуз уже принял подданство Российской империи, Абылай-хан маневрировал между Россией и Цинским Китаем, пытаясь сохранить казахскую государственность. К этому времени цины окончательно расправились с остатками западных монголов (калмыков — джунгар — ойратов), ослабленных многолетними войнами с казахами за доминирование в Центральной Азии. Окончательный удар по остаткам джунгар, прорвавшихся с Каспийско-Волжского региона назад к родным горам Тарбагатай, нанесли жестокие эпидемии. Вслед за этим маньчжуры, воспользовавшись вымиранием джунгар, предприняли их поголовное истребление. В результате имевшего место геноцида со стороны маньчжурских властей практически полностью освободились пастбища Илийского района, которые после 1761 г. начали занимать явочным порядком казахские племена (в основном представители родов керей и найман).

Это движение в Восточный Туркестан не было организовано политически: откочевывавшие аулы выходили из-под юрисдикции хана Абылая, а местные китайские власти начинали рассматривать их как подданных Цинской империи. После смерти Абылая в 1781 г. за ними окончательно закрепляется статус китайских подданных. С этого времени казахское население становится важным элементом этнической, эконо-

мической и политической истории Синьцзяна. Хотя следует отметить, что еще целое столетие казахи свободно передвигались из Синьцзяна в казахские степи, не признавая никаких границ между империями, а иногда и не подозревая о них. Новый приток казахского населения в Западный Китай имел место после разгрома восстания хана Кенесары в 1847 г. Окончательно граница между Российской и Китайской империями была проведена в 1883 г. (Тарбагатайский протокол).

Основной причиной переселения казахов на территории, контролируемые Китаем, была политическая и экономическая нестабильность в Казахской степи. Напомним, что конец XIX — начало XX в. — это период активной русской колонизации степи. Очередной массивный наплыв казахов в Синьцзян произошел в 1916 г. после разгрома грандиозного восстания, охватившего весь Русский Туркестан. Тогда в Китай перешло около 300 тысяч казахов. Но этот эпизод не повлиял на демографическую ситуацию в регионе: уже в 1918 г. почти все казахи были возвращены назад администрацией республиканского Китая.

Следующая большая группа беженцев не заставила себя долго ждать: проводившаяся в Казахстане коллективизация, помимо огромных жертв среди кочевого населения, повлекла за собой очередную волну переселения: из СССР в Китай бежали с 1928-го по 1937 г. десятки и сотни тысяч наших соплеменников. Помимо Западного Китая, казахи целыми аулами бежали на юг — через Туркмению в Иран и Афганистан и на Дальний Восток (некоторые аулы, по рассказам очевидцев, пройдя через всю Сибирь, достигли даже берегов Тихого океана).

В отличие от казахского населения на территории Советского Казахстана, казахские беженцы не просто старались сохранить, но и боролись за право вести прежний традиционный образ жизни. К середине XX столетия между казахстанскими казахами и их соплеменниками за рубежом

возникла культурная и лингвистическая пропасть. Казахи в Китае по-прежнему ощущали себя именно казахами, т.е. свободными номадами и мусульманами. Они старались жить так же, как жили их предки в течение столетий, и резко дистанцировались, прежде всего, от китайцев, а также нередко и от местного уйгурского населения. Но политические бури, бушевавшие в Китае в первой половине XX в., неизбежно должны были вовлечь казахов в борьбу за самоопределение Восточного Туркестана.

Имели место две попытки создать независимое государство в регионе: сначала в 1933 г. в Кашгаре была провозглашена (Исламская) Восточно-Туркестанская республика, с которой военный губернатор Шен Шикай справился в том же году при помощи отрядов, набранных из русских эмигрантов, и при поддержке СССР. Казахи приняли участие в антикитайском восстании и выбрали себе в качестве вождя султана Шарипа. Репрессии со стороны китайцев привели к перемещению казахов дальше вглубь на восток и северо-восток.

В 1943 г. вспыхнуло восстание среди алтайских казахов. Повстанцы получали убежище и военную поддержку из Монголии, контролировавшейся СССР. На следующий год восстание перекинулось в Илийский край, и в ноябре 1944 г. была вновь провозглашена Восточно-Туркестанская республика (ВТР). Основной причиной активного участия казахов в восстании против китайского господства была та же, что и в Советской Средней Азии: попытки властей седентаризовать кочевников, разоружить их и заставить жить по правилам оседлых народов. Казахские отряды стали значимой военной силой ВТР, в которой основная политическая власть принадлежала уйгурам.

В ходе восстания среди военных лидеров выдвинулся бесстрашный и харизматичный Осман-батыр, ставший символом освободительного движения, своего рода казахским Робин Гудом. Осман-батыр сражался с китайцами с 1939-го

по 1950 г., т.е. больше десяти лет. За это время имя батыра обросло легендами и сказаниями, превратив его, особенно после смерти, в фигуру эпического масштаба, сравнимого с такими героями, как Кобланды-батыр или Камбар-батыр. Постоянно меняющаяся военно-политическая ситуация заставляла Осман-батыра воевать то вместе с уйгурами против китайцев, то против уйгуров, русских, монголов и т.д. Но главной целью Осман-батыра и его армии было стремление обеспечить независимость казахов, их свободу и кочевой образ жизни и защитить от посягательств любой силы.

Это было исторически обреченное на неудачу дело. С 1945 г. Советский Союз открыто отвернулся от Гомиьндана и начал поддерживать китайскую Компартию. В результате свои последние сражения Осман-батыр провел против коммунистических войск НОАК (PLAC) и закончил свою жизнь так же героически и легендарно, как и воевал. Его взяли в плен, когда он пытался спасти свою дочь, но его конь поскользнулся на льду озера Газ-кель. Героя казнили в Урумчи как «бандита и грабителя», но до последних секунд Осман-батыр держался гордо, с достоинством своих эпических предков.

Мусульманские меньшинства в Синьцзяне продолжали сопротивление еще до 1954 г., но остатки армии Осман-батыра сделали свой выбор: около 15 тысяч человек двинулись в 1951 г. через Тибет в Индию. Это был не первый переход казахов через грандиозные горные массивы Тибета и Гималаев. Путь армии Осман-батыра был наиболее драматичным. Он занял более 4 тыс. км, в ходе которых казахи в поисках свободы преодолели безжизненные Лобнорскую и Такламаканскую пустыни и высочайшие горы в мире — Тибет и Гималаи. Путь, в течение которого казахи сражались с врагами, холодом и голодом, занял два года. Был потерян весь скот, и погибло большинство участников похода. До Индии дошли

только 350 изможденных человек. Этот поход вызвал определенный резонанс во внешнем мире: в феврале 1955 г. член британского парламента Годфри Лиас выступил в газете «Таймс» с описанием этих событий (позднее Лиас напишет книгу о казахах, которую так и назовет — «Великий исход»). Летом 1953 г. изумленные жители индийской части Кашмира наблюдали приход с гор оборванных и изможденных мужчин и женщин (дети практически все погибли). Это были остатки казахской армии Осман-батыра. Переговоры об их судьбе заняли почти месяц (индийские власти не желали принимать в беспокойном Кашмире еще одну порцию мусульманского населения и портить отношения с КНР и СССР). Но в результате победила британская традиция толерантности. Дж. Неру лично дал разрешение на жительство казахов в Индийской республике.

Индийские власти старались, еще начиная с 1941 г., по мере возможности проявить участие в судьбе казахов; их расселяли в Центральной (Бхопал) и Северной (Гильджит и Гитрал) Индии. Но индийский климат катастрофически отражался на уроженцах Центральной Азии; сотни казахских беженцев умирали во время сезона дождей. К судьбе казахов проявил также внимание Пакистан: в Пешаваре была создана Ассоциация казахских беженцев, которая начала переговоры с турецким правительством о возможности переселения беженцев в родственную им тюркскую страну. Уже в 1952 г. такое соглашение было достигнуто: из Бомбея через Ирак и Саудовскую Аравию казахи начали переселяться в Турцию. В это время люди Осман-батыра изучали в Шринагаре английский язык благодаря шведской миссии.

Последние казахи покинули Шринагар в 1969 г. Часть из них, следуя примеру близкородственных им уйгуров, выбрали Саудовскую Аравию. Но настоящую вторую родину казахи нашли именно в родственной Турции. Турция дей-

ствительно стала новой родиной для многочисленных казахских эмигрантов из Ирана, Афганистана и Индостана, которые стремились найти в этой стране пристанище. Естественно, такая политика укладывалась в рамки турецкой стратегии поддержки «внешних тюрков» (официальное название для тюркских народов вне Анатолии). Казахи, наряду с узбеками и уйгурами, рассматривались официальной политикой Анкары как «туркестанцы». Часть казахов расселили в горных районах Турции, где географические условия отвечали привычному для них кочевому образу жизни.

В 1998 г. увидел свет новый труд шведских востоковедов Л. Бенсон и И. Сванберга «Последние кочевники Китая: история и культура китайских казахов» (Benson, Svanberg, 1998). Авторы не являлись дебютантами в области изучения истории и этнографии китайских казахов. В 1988 г. под их редакцией была опубликована коллективная монография «Казахи Китая». И. Сванберг, кроме того, являлся автором книги «Казахские беженцы в Турции» (1989), а Л. Бенсон — «Илийское восстание» (1990). Помимо этих монографий, Л. Бенсон и И. Сванберг являются авторами многочисленных статей и эссе о казахской диаспоре в Западной Европе, национальной политике КНР и других сюжетах. Новая работа западных ученых (с 1988 г. Л. Бенсон живет и работает в США на должности профессора Оклендского университета в Рочестере, штат Мичиган; И. Сванберг — сотрудник университета Упсалы) продолжает генеральную тему китайских казахов, которые положили начало возникновению турецкой, европейской и других диаспор, но с учетом изменившейся за последние десять лет международной ситуации.

Книга состоит из семи глав. Первые три главы носят общеполитический характер и освещают историю казахов Синьцзяна и Казахстана (Центральной Евразии) в исторический

взаимосвязи, особенности и характер казахского номадизма в Китае, участие казахов в бурных политических событиях 1912—1949 гг. Эти главы повторяют в сжатом, а иногда и в расширенном виде предыдущую книгу. В большей степени приближены к современности последующие четыре главы книги, в которых излагается суть национальной политики КПК и ее реализация в СУАР, экономическое и культурное развитие региона и положение казахского населения в этом контексте. Наибольший интерес, безусловно, представляет последняя глава «Казахстан и китайские казахи в двадцать первом веке».

Авторы объясняют необходимость создания новой книги о китайских казахах двумя причинами: во-первых, за прошедшее десятилетие возник новый политический порядок в Центральной Азии; в результате распада СССР у казахов возникло собственное государство; во-вторых, авторы получили доступ к новым архивным материалам, позволившим им существенно расширить свою источниковую базу и местами пересмотреть прежние выводы. Главной идеей новой книги о казахах является мысль, что в течение последних пятидесяти лет этот народ был объектом имперской политики двух своих могущественных соседей — России и Китая. Смена империй на революционные режимы хотя и прибавила марксистской риторики, но не изменила сути российской и китайской политики в отношении кочевников — контроль, ассимиляция и модернизация. События 1991 г. изменили не только положение казахов в их собственной республике, но и неизбежно потребовали пересмотра китайской политики в отношении казахов в Синьцзяне; из фактора чисто внутренней политики он вырос в фактор международных отношений и региональной политики КНР.

Авторы приводят сведения об общем количестве казахов в мире, составлявшем в 1990 г. около десяти миллионов

человек. Самые крупные группы живут, помимо собственно Казахстана, в Китае, Узбекистане и России. Кроме этих стран, казахи проживают во всех центральноазиатских государствах, Монголии, Турции и в Западной Европе. Небольшие группы казахов живут в Афганистане, Иране, арабских странах Ближнего Востока, Пакистане, Тайване, США. Казахская диаспора в КНР, которую правильнее назвать ирридентой, самая многочисленная (1,2 млн). Авторы отмечают, что граница, установленная в 1880-е гг. между Российской империей и Цинским Китаем, разделила не только казахские роды, но и отдельные семьи.

В составе СУАР казахи являются третьей по численности национальной группой после уйгуров и ханьцев. С культурной и лингвистической точек зрения Синьцзян представлял собой ранее и представляет также сегодня чрезвычайно разнообразную территорию. Небольшие народы, такие как казахи, монголы или таджики, сумели сохранять в течение длительного периода времени свою этническую самобытность только благодаря тому, что заняли в регионе специфические географические ниши, преимущественно в горных районах, что обеспечивало их временную изоляцию. С 1949 г. ситуация начала меняться: усилилась иммиграция китайцев, происходил рост городов, под нужды сельского хозяйства отводились все новые земли. Таким образом, с конца 1950-х гг. казахи уже не могли больше находиться в относительной экономической, а следовательно, и культурной изоляции от процесса модернизации, осуществлявшегося Китаем.

Авторы подчеркивают, что у Компартии Китая не было в 1949 г., когда она взяла под свой контроль почти всю территорию Поднебесной, в том числе национальные районы, ясной программы по национальному вопросу. Первые попытки выработать партийную платформу по этому вопросу относятся к 1931 г. Главное, на что обращают внимание Л. Бен-

сон и И. Сванберг, это на содержащуюся во всех партийных документах КПК центральную мысль о том, что Китай является унитарным, хотя и многонациональным государством в отличие от Советского Союза, который формально нес признаки федерального государства. Все последующие конституции КНР, и особенно 1982 г., запрещали отделение национальностей от Китайской Народной Республики (**Benson, Svanberg, 1998, p. 93**).

Национальная политика КНР пережила несколько этапов. Первый продолжался с 1949-го по 1957 г. В это время власть в Синьцзяне находилась в руках нового военного руководства, которое сменило гомиьндановскую военную администрацию и упразднило Восточно-Туркестанскую Республику. В его состав входили исключительно ханьцы. Согласно китайским и западным источникам, отмечают авторы, в эти годы продолжалось военное сопротивление в казахских районах. К 1951 г., в результате «кампании по подавлению контрреволюционных банд», НОАК взяла регион под свой полный контроль. На втором этапе в 1958 г. в Китае началась кампания в рамках «Большого скачка»; в Синьцзяне она приняла формы создания новых коммун. Главным результатом этой политики был массовый исход казахов и уйгур с территории КНР. Авторы считают, что Китай покинули в 1959—1962 гг. от 60 до 100 тысяч человек. Отношения на китайско-советской границе чрезвычайно обострились, а в 1965 г. Совет национальной обороны объявил СУАР «прифронтовым» районом. Все эти годы продолжалась, то затихая, то разгораясь, идеологическая и политическая борьба с т.н. «местным национализмом».

Третий, наиболее драматичный период в истории национальной политики КНР пришелся на годы т.н. Великой пролетарской культурной революции — 1966—1976 гг. В эти годы регион пережил нашествие «красных охранников» —

хунвейбинов, этнических ханьцев, их столкновения с местными войсками и советскими пограничниками, ужесточение массовых репрессий, идеологические кампании против «раскольников нации» и «советских ревизионистов». Наиболее насыщенные насилием и эксцессами были 1969-й и 1970-й г. Только смерть Председателя Мао в 1976 г. положила конец десятилетней политике нетерпимости в отношении национальных меньшинств и религии. С этого момента, пишут авторы, начинается четвертый этап (1978—1996), который характеризуется попытками заручиться лояльностью национальных меньшинств по отношению к центру.

Эта политика нашла отражение в партийной иерархии региона: если в 1973 г. в составе правительства района из 11 человек были только два представителя нацменьшинств — уйгур и казах, то в 1978 г. из тринадцати заместителей председателя — пятеро не принадлежали к ханьцам. В 1980 г. был отменен латинский алфавит, уйгурский и казахский языки были вновь переведены на арабский шрифт. В первые годы своих контактов с казахами коммунистическая администрация, учитывая сложность осуществления контроля за кочевниками, использовала тактику «демократических консультаций». Это означало невмешательство во внутреннюю и экономическую жизнь казахов и даже оказание им материальной помощи. Такая политика, подчеркивают авторы, принесла свои положительные плоды: увеличилось количество скота в регионе, Синьцзян обеспечивал до 60% производства шерсти в Китае. Главной экономической силой в эти годы выступал ПСК — производственно-строительный корпус НОАК, через руки которого проходила вся экономическая активность между центральным правительством и казахским населением.

Однако к середине 1950-х гг. власти перешли к новой политике, ставившей целью борьбу с «феодально-кочевой системой» и переход к социалистической экономике. Осенью

1959 г. председатель СУАР Сайфуддин рапортовал, что переход кочевников к социалистической форме хозяйствования полностью завершён. Официальная пропаганда рисовала в розовых красках новую оседлую жизнь бывших кочевников. Однако на практике продолжались чистки в Или-Казахском автономном округе (ИКАО), вводились возрастные ограничения на вступление в брак, нарушавшие местные традиции и права автономии, наносились удары по традиционной семейно-родовой структуре. Эксцессы культурной революции только усилили деструктивный характер китайского коммунизма в регионе. Главный показатель негативного влияния культурной революции — количество скота в ИКАО, которое упало в эти годы на 30%. Только к 1982 г. удалось достичь показателей середины 1960-х гг.

С началом реформ Дэн Сяопина положение казахов, как политическое, так и экономическое, стало улучшаться. Бывшие партийные кадры возвращались из заключения и лагерей, возобновилась деятельность мечетей. В начале 1980-х гг. казахи занимали 40% в народном собрании ИКАО при населении — 24%. Та же картина наблюдалась в других округах, где проживали казахи — Мори и Барколе. Резко возросло количество казахов в Компартии. Но в целом партийный и государственный аппарат оставался под контролем этнических китайцев. Казахи и представители других меньшинств могли в лучшем случае достичь постов заместителей председателя СУАР или вторых секретарей в партийной организации.

Недовольство населения СУАР вызывали два аспекта китайской политики. В мае 1996 г. правительство провело решение о том, что во главе всех деревень должны стоять ханьцы. Другой проблемой была продолжающаяся политика *лаогай*, т.е. система лагерей с принудительным трудом, которые китайское правительство сосредоточивало на территории СУАР. НОАК и ее производственно-строительный

корпус также имели сеть подразделений, где применялся полупринудительный труд. В целом, как считают авторы, на территории СУАР находится, как минимум, 18 исправительных центров, не считая неизвестного числа других подразделений этого «китайского ГУЛАГа» (Benson, Svanberg, 1998, p. 123).

Однако в целом, как считают авторы, реформаторская эра Дэна принесла больше экономических выгод казахам, чем политических ущемлений. Были отменены коммуны, что означало возвращение скота в руки кочевников. Зачатки «свободного рынка» позволили им беспрепятственно и с выгодой для себя распоряжаться животноводческой продукцией. На растущее благосостояние казахов указывает индекс роста дохода на душу населения в сельских районах Синьцзяна, который с 1994 г. увеличивается на 1000 юаней ежегодно. Казахи также получают доходы благодаря развитию туризма в провинции: число туристов в 1978 г. насчитывало 88, в 1994 г. — 160 000. Значительное число туристов привлекает именно желание провести экзотический тур «среди номадов». Но экономическое оживление в СУАР соседствует с тревогами политического характера. Главная из них — недовольство и страх перед растущей из года в год миграцией этнических китайцев, которые в большей степени извлекают выгоду из экономического роста. Ханьцы получают, как правило, большую зарплату, им предоставляются лучшие земли и, главное, операции ПСК во все большей степени затрагивают традиционные пастбища кочевников и ту нишу, которую они традиционно занимали — животноводство.

Авторы отмечают, что уже в середине 1980-х гг. в китайских средствах массовой информации появились сообщения о демонстрациях и протестах в казахских районах, которые в 1990-е гг. становятся регулярными. Наиболее ожесточенные столкновения местного населения с властью имели место в

1995-м и 1997 г. Авторы считают, что с начала 1980-х гг. можно говорить о возникновении казахского этнонационализма в ИКАО (Benson, Svanberg, 1998, p. 155). Как ни парадоксально, своим появлением он обязан китайской политике в рамках активности ПСК, направленной на модернизацию и повышение эффективности экономики округа. Однако эта успешная по своим результатам политика дала обратный политический и социальный эффект в ИКАО. В Баркольском районе, сравнительно изолированном, этническая напряженность была, соответственно, меньше. В Морийском районе, где преобладающее присутствие ханьских переселенцев обеспечило заметный экономический рост, казахи были вынуждены приспособиться к новой ситуации и в целом остались лояльны существующему режиму.

Таким образом, казахи в целом поддержали основную идею проводимых вот уже два десятилетия реформ — «становиться богатыми». Однако логика социально-политического развития приводит их к необходимости создавать собственные экономические организации для осуществления торговли скотом и установления деловых контактов с Казахстаном (Benson, Svanberg, 1998, p. 169). Однако данная проблема имеет не только экономический характер; в этот период резче, чем прежде, обозначилась озабоченность казахов своей культурой и религией. Наиболее заметными были волнения в апреле 1988 г. после того, как студенты шести институтов ИКАО сочли, что изданная в Шанхае новелла в сборнике современных писателей оскорбляет их национальные чувства. Волнения, демонстрации и столкновения под антикитайскими лозунгами продолжались до конца года, а после публикации в 1989 г. в Китае книги «Сексуальные обычаи мусульман» приняли еще более бурный характер. В дальнейшем этнические демонстрации слились с охватившими всю страну требованиями экономических и политиче-

ских реформ. По некоторым данным, в «Пекинской весне» приняло участие до 3000 восточнотуркестанских студентов. С 1990-го по 1994 г. появляются сообщения об акциях с использованием бомб.

Наивысшего пика антикитайское движение в Илийском районе достигло в апреле 1995 г. В 1997 г. волнения в Ичине (Кульдже) повторились в прежнем масштабе, но, по неподтвержденным данным, которые используют авторы, в них участвовало в основном уйгурское население. В этой связи авторы останавливаются на роли слухов, которые в Синьцзяне, как и в любой стране, где отсутствует свободная пресса, играют заметную общественную роль. Попытки китайских властей бороться со слухами о существовании мощной и хорошо организованной сепаратистской организации, поддерживаемой извне, которые, очевидно, не имеют под собой реальных оснований, привели к тому, что они еще более укрепились и приобрели большую достоверность.

Появление независимого Казахстана по соседству с населенным казахами Синьцзянем создало новый внешнеполитический фактор в национальной политике КНР. Авторы книги высказывают предположение, что именно в руках Казахстана может в будущем оказаться ключ к решению этнической проблемы в СУАР, если казахские районы начнут ориентироваться не на Пекин, а на Центральную Азию. Одним из первых важных соглашений между РК и КНР был вопрос о репатриации синьцзянских казахов в Казахстан. В результате многолетних консультаций обе стороны осудили в совместном коммюнике от 13 сентября 1995 г. «антигосударственную раскольническую деятельность». Это решение было подтверждено во время февральских волнений 1997 г. Однако, несмотря на это и с учетом движения Казахстана в сторону создания национального государства, авторы делают вывод о невозможности сдержать в ближайшем будущем

процесс культурно-национального возрождения, который неизбежно будет нарастать по обе стороны границы.

Одним из способов политизации национального движения было антиядерное движение в Казахстане, выступавшее против как ядерной активности СССР в Семипалатинске, так и после 1991 г. против китайских испытаний в Лобноре. Заглядывая в XXI в., авторы прогнозируют, что Казахстан в следующем столетии столкнется с теми же геополитическими реалиями, что и в XX. Такие факторы, как бурный экономический рост Китая, его колоссальное население, будут неизбежно доминировать в политических отношениях в Центральной Евразии. Даже если у руководства Казахстана когда-нибудь появится желание поддержать соплеменников в их борьбе за более расширенную автономию, оно никогда не сможет поддержать их усилия на дипломатическом и политическом уровне. Однако Синьцзян больше не является изолированным форпостом Цинской империи, и он неизбежно втягивается в систему международных отношений. В этом смысле правительство Казахстана, делают вывод авторы, сможет в будущем выработать культурную модель для казахов во всем мире, которая поможет всему народу вернуться к утраченным культурным традициям. Они заключают: «Возникшая в этом случае гордость за свою казахскую идентичность создаст вызов для обоих правительств в их желании сохранить стабильность в этом исторически непостоянном уголке планеты» (Benson, Svanberg, 1998, p. 205).

§ 2. Казахи в Турции

Турция действительно стала второй родиной для многочисленных казахских эмигрантов из Ирана, Афганистана и Индостана, которые смогли найти в этой стране пристанище. Естественно, что такая политика укладывалась в русло

турецкой стратегии поддержки «внешних тюрков» (официальное название для тюркских народов вне Анатолии). Казахи, наряду с узбеками и уйгурами, рассматривались официальной политикой Анкары как «туркестанцы» (казахов-эмигрантов из Афганистана называли «афганлылар»). Поначалу казахов селили неподалеку от Стамбула — в Тузле, Сиркеджи и Зейтинбурну. В этот период переселенцев активно учили турецкому языку, что положило начало туркизации местных и впоследствии европейских казахов. Помимо языка, переселенцы активно усваивали ремесленные навыки, обычно связанные с кожевенным делом (Svanberg, 1989).

В ходе миграций казахов в урбанизированные зоны Турции в 1960-х гг. начинается процесс адаптации бывших nomадов, казахских беженцев из Синьцзяна к городской жизни. Казахи были расселены в разных районах городов, дети стали посещать турецкие школы, что не способствовало процессу сохранения казахской идентичности, а наоборот, привело к тому, что часть казахской молодежи подверглась процессу «отуречивания», против которого выступили казахские аксакалы. Чтобы как-то остановить процесс «отуречивания» казахов, у старшего поколения возникла идея поселиться вместе, в одном районе, где впоследствии можно было бы открыть казахскую начальную и среднюю школы.

В 1972 г. казахские беженцы решили в районе Гунешликей выкупить землю и построить себе дома. В тот период в этом районе не было хороших коммуникативных средств, элементарных дорог, зато в наличии имелись земля и лесонасаждения. Закончили строительство в 1973 г. На официальное открытие нового района под названием «Казах-кент», которое состоялось 15 августа 1973 г., были приглашены мэр Стамбула, районное начальство и журналисты. Первые дома были построены на улице «Алтай» как воспоминание или

напоминание о родине, откуда они вынуждены были эмигрировать в 1940—1950-е гг.

К 1 сентября 1997 г. дороги были проложены, и в Казахкенте начала работать первая казахская школа, на церемонию открытия которой также были приглашены представители местной администрации и прессы. В Турции в декабре 1986 г. было организовано культурно-просветительское общество турецких казахов «Вакиф» как резонанс на декабрьские события в Алма-Ате. Казахские аксакалы специально ездили в Анкару для получения разрешения открыть данное общество. В марте 1988 г. начал выходить Бюллетень общества турецких казахов «Вакиф», на первой странице которого был помещен текст марша партии «Алаш» на казахском языке, написанный латинским алфавитом.

Часть казахов расселили в горных районах Турции, где географические условия отвечали привычному им кочевому образу жизни. Наиболее типичное поселение, которое получили в свое распоряжение казахи, они назвали с ностальгией Алтай-кой. Выделенная им площадь (20 тыс. га) не позволяла заниматься исключительно скотоводством, поэтому вчерашние nomады были вынуждены перейти к ремеслу и земледелию. Постепенно переселенцы стали приучаться к сельскому хозяйству в ущерб скотоводству; в 1962 г. эти казахи впервые сели за трактор. Со временем казахи были втянуты в процесс урбанизации, который охватил всю Турцию. В Анкаре казахи компактно поселились в пригороде Актепе, а в Стамбуле — в пяти пригородных и городских районах.

Со временем казахские эмигранты освоили отдельное направление в обрабатывающей промышленности — кожевенное, которое превратилось в их визитную карточку в Турции и Западной Европе. В 1961 г. новая турецкая конституция разрешила эмиграцию из страны, и казахи воспользовались

этим правом в полной мере. Свою роль сыграли соглашения о трудовой миграции, которые Анкара заключила с ФРГ, Австрией, Нидерландами, Францией, Швейцарией, Швецией и Австралией. В результате казахи, на правах турецких гастарбайтеров, получили возможность жить и работать в этих государствах. Основным приоритетом во время миграции отдавался Кёльну и Берлину (западному), куда казахи зачастую переселялись напрямую из Алтай-коя. И сегодня самые сплоченные и организованные казахские диаспоры находятся именно в этих городах.

Семья у казахов в Турции в большинстве своем по форме сложная (неразделенная) и моноэтническая, хотя не так редки браки с представителями других тюркских народов: крымскими татарами, кыргызами, уйгурами.

В отличие от казахов, обратил внимание Сванберг, уйгуры в очень ограниченном количестве поселялись в изолированных селениях. Более того, количество уйгуров было намного меньше и большая часть из них принадлежала к хорошо образованному слою населения, которые ассимилировались с городским средним классом. Основным состав уйгурских беженцев проживал в Саудовской Аравии и обладал более сильным этническим самосознанием, чем их родственники в Турции.

В обозримом будущем турецкое государство, прогнозировал автор, по всей видимости, откажется от поддержки национальных меньшинств внутри страны. Конституция 1982 г. продемонстрировала, что Турция не готова к политике благоприветствования по отношению к этническим меньшинствам и гарантиям им права и поддержки в развитии их родных языков, собственных школ и других этнических институтов. В целом перспектива стать полноценным членом Европейского сообщества, вероятно, вынудит Турцию признать свой многонациональный характер. Но в этом направлении пока не было предпринято никаких шагов. Наоборот, новый режим,

по-видимому, полностью готов подавить любые проявления этнического самосознания. Страна продолжает бороться за полную внутреннюю интеграцию, и культура господствующей группы должна превалировать во всех контекстах. Со своей стороны казахи никогда не прибегали к политическим действиям, которыми пользовались остальные меньшинства. В свою очередь, турецкие власти вознаградили казахов за лояльность и патриотизм, «позволив» переименовать окрестности Казах-кента в Эврен-махаллеси в 1984 г.

В начале 1980-х гг. казахов уже можно было встретить повсюду в Западной Европе, Австралии и США. Этому немало способствовал военный переворот в Турции и общее ухудшение на рынке занятости. Таким образом, потомки Осман-батыра, который до самой смерти боролся за сохранение казахской кочевой идентичности, постепенно превращались в мирных крестьян, добросовестных ремесленников и ловких торговцев, что стало своеобразной иронией судьбы и символом эпохи.

Начиная с 1991 г., между казахами Турции и Казахстана развиваются и укрепляются тесные многогранные связи. Одно из последних важнейших событий для казахов, проживающих в Турции, было проведение Малого курултая казахов в марте 1997 г., на который приехали выдающиеся деятели культуры и науки из Казахстана.

Таким образом, считают многие исследователи, казахская община Турции не отличается сепаратизмом и имеет хорошие отношения с населением страны и правительственной администрацией.

§ 3. Казахи в Монголии

Пока исторические бури бушевали над казахами в СССР и Китае, монгольские казахи могли жить относительно спокойно. В социалистической Монголии наши соплеменники имели

возможность жить и развиваться в стабильных экономических и политических условиях. Более того, тоталитарный режим и Москва отдавали некоторое предпочтение казахам при рекрутировании партийных и хозяйственных кадров, поскольку те составляли как бы противовес монгольскому национализму.

Особняком от всех глав книги стоит раздел, написанный немецким этнографом П. Финке (Институт М. Планка в Галле) и посвященный казахам Западной Монголии. Появление этого эссе в книге вызвано, на наш взгляд, событиями, имевшими место в первой половине 1990-х гг. и связанных с движением среди зарубежных казахов по возвращению на родину. Современная казахская диаспора в Монголии, насчитывавшая в 1989 г. 123 тысячи человек (6% населения МНР), возникла в период между 1860-ми и 1940-ми гг. в основном за счет передвижения казахских родов из Синьцзяна, а также частично из Русского Алтая и Восточного Казахстана. В начале 1990-х гг. их потомки двинулись в Казахстан, поверив, что здесь они обретут свою настоящую родину. К середине 1990-х гг. почти половина из них переселилась в Казахстан, но во второй половине десятилетия этот процесс остановился и начался процесс реэмиграции. Финке считает, что причины эмиграции монгольских казахов лежали в крахе социалистической системы, сопутствующем ему изменению прежних политических и экономических отношений в бывшей МНР и последовавшей вслед за этим приватизацией.

Инициаторами возвращения стали казахи из Улан-Батора и других промышленных и городских центров; вскоре к ним стали присоединяться сельские казахи. Главной причиной эмиграции было изменение их политического статуса, который в социалистическое время был довольно высок, а также монголизация и буддизация страны. В то же время Финке подчеркивает, что монгольские казахи были единственным этническим меньшинством в этой стране, располагавшим достаточной ад-

министративной и культурной автономией. Для Улан-Батора казахи играли также роль буфера между халха-монголами и ойратами (западными монголами), гася сепаратистские настроения последних. Монгольское правительство поддержало казахскую эмиграцию, но затем оно также приветствовало их возвращение в Монголию, исходя из опасений ойратского сепаратизма и экономических соображений, так как аймаки Западной Монголии попросту опустели. Немецкий ученый отмечает, что среди казахов также имели место сепаратистские настроения и раздавались требования отделиться от Монголии и присоединиться к Казахстану, однако какого-либо серьезного эффекта они не имели.

С экономической точки зрения изменения, прошедшие в народном хозяйстве Монголии, также были неблагоприятны. Если казахские недгели (колхозы) выиграли в целом от коллективизации 1930-х гг., то начавшаяся в 1990-х гг. приватизация ухудшила экономическое положение казахских хозяйств. Этот процесс совпал с прекращением советской экономической помощи и развалом всей прежней экономической инфраструктуры социалистической Монголии. Таким образом, в эмиграции казахов из Монголии сыграли свою роль как политические и этнические, так и экономические факторы.

По оценкам Финке, в Казахстан из Монголии к началу 2000-х гг. переселились порядка 50—60 тысяч человек. На исторической родине эти люди получили статус иностранных рабочих и вынужденно сохраняли монгольское гражданство. Большинство из них были расселены в северных областях: Кокчетавской, Павлодарской, Карагандинской и Акмолинской. Интеллектуалы и студенты осели в Алма-Ате. Переселение монгольских казахов в благодатные южные области республики было заблокировано как административными мерами, так и объективной ситуацией на рынке труда и жилья. Точной цифры реэмигрантов неизвестно, но, как предполагает

немецкий этнограф, она колеблется между 10 и 20 тысячами человек. Основную причину реэмиграции он предлагает искать в тяжелых экономических условиях, с которыми столкнулись репатрианты в Северном Казахстане. Для многих из них они были даже тяжелее, чем на родине. Другой причиной, заставившей их вернуться в Монголию, была языковая ситуация в этих областях. Правительство, расселяя монгольских казахов в этих регионах, было озабочено «казахизацией» опустевших после массового исхода немецкого и русскоязычного населения территорий. Однако местные казахи зачастую не говорили по-казахски, в то время как монгольские казахи не владели русским.

Внимательно изучая статистические данные, Финке пришел к выводу, что основную массу эмигрантов из Монголии составили урбанизированные казахи, которые, потеряв работу в городах, предпочли уехать в Казахстан, чем возвращаться в сельскую местность в Западной Монголии. Среди реэмигрантов преобладали в основном также не они, а животноводы. Таким образом, казахская эмиграция из Монголии является, помимо прочего, частью процесса деурбанизации и деиндустриализации Монголии. Реэмигранты, которые перед эмиграцией зачастую продавали все, после возвращения получали помощь от родственников и друзей, а иногда даже от монголов. В целом межэтнические отношения между казахами и монголами достаточно стабильные и дружественные. Все казахи владеют монгольским языком, а многие монголы в Западном аймаке — казахским. В то же время смешанных браков почти не бывает. Большинство местных казахов рассматривают все же Монголию в качестве своей родины. Возможность их эмиграции (или реэмиграции) в Казахстан — это вопрос будущего экономического развития как Казахстана, так и Монголии. А монгольские казахи, считает Финке, постараются по возможности дольше сохранить

для себя шанс, как остаться в Монголии, так и переселиться в Казахстан.

В рецензии известного венгерского востоковеда И. Мандоки Конгура «К истории казахов в МНР»⁴¹ на книгу монгольского историка Н. Кабыш-улы «Караван кереев»⁴² отмечается, что за последние 20—25 лет в МНР опубликовано несколько исследований и монографий, посвященных истории казахов, проживающих на самом северо-западе Монголии, преимущественно в Баян-Улэгэйском и частично в Кобдоском аймаке. К ним относятся работы казахского историка Э. Мыныса, живущего в Монголии, и А. Сарая, ранее находившегося на партийной работе в Баян-Улэгэйском аймаке⁴³. Опубликование «Сокровенного сказания» на казахском языке в переводе С. Магауиполнило число исторических работ и источников⁴⁴.

В Монголии, продолжает рецензент, получили также значительное развитие исследования по казахскому языку. За последние 30 лет были опубликованы словари, большое число монографий, исследований и статей⁴⁵.

Во второй половине XVIII в., пишет Мандоки Конгур, из центральных, восточных и юго-восточных районов Казахстана, из Казахского ханства, называемого Средним жузом (Орта жуз), ушло несколько тысяч занимавшихся кочевым

⁴¹ Mandoky Kongur I. // Acta Orientalia Hungarica. — Budapest, 1981. T. 8, fasc. 3. Pp. 411—412.

⁴² Qabişuli I, Kereyler kerweni. Ölgij, 1978. 115 b / Керейлер керуені. Өлгей, 1978. 115 б.

⁴³ Minis A., Saray A. Mongol Haliq Respublikasi Bayan-ölgij aymağining qazaq halqı tariy-hinan. — Ölgij, 1968; Saray A. Bayan-olgiy aymaqtıq qazaq halqı tariyhining keybir maseleleri. — Ölgij, 1968; Мыныс Э., Сарай А. Монгол халык, республикасы I Баян-өгей аймагының қазақ халқы тарихынан. — Өлгей, 1968; Сарай А. Баян-өлгей аймақтық қазақ халқы тарихының, кейбір мәселелері. — Өлгей, 1968.

⁴⁴ Mongol-ding qupia sezeresi. — Ölgij, 1979 / Монголдын купия шежіресі. — Өлгей, 1979.

⁴⁵ Habsay S, Minis A. Mongolsha-qazaqsha sözdik. Ulanbator, 1954; Buqatuli B. Mongol-qazaq tilderining salistirmali tarighiy grammatikasi (Qisqasa kurs). — Ölgij, 1973; Buqatu'i B. Qazaqsha-mongolsha sözdik. — Ulanbator, 1977; Хабшай С., Мыныс Э. Монголша-қазақша сөздік. — Улан-Батор, 1954; Букат-улы. Монгол қазақ, тілдерінің салыстырмалы тарихы грамматикасы (қысқаша курс). — Өлгей, 1973; Букат-улы Б. Қазақша-монголша сөздік. — Улан-Батор, 1977.

скотоводством семей, потому что они не хотели быть подданными России, присоединившей к тому времени почти весь Казахстан; они переселились в Синьцзян, северо-западную провинцию Китая, и поселились там в пригодных для скотоводства районах, к югу и юго-востоку от Алтайских гор. Большинство из них принадлежало к роду керей, а небольшая часть (около сотни семей) — к роду найман. В 60-е гг. XIX в., вследствие ряда исторических и политических событий, некоторая часть казахов, живших в Китайском Туркестане, пересекла Алтайский хребет и направилась к его северным и северо-восточным склонам, в долины реки Кобдо и ее притоков, т.е. на территорию Внешней Монголии, где их потомки живут до настоящего времени.

Монография Кабыш-улы, отмечает рецензент, обобщает сведения по древней истории примерно 150—160 тысяч казахов, проживающих на территории МНР. В книге представлены генеалогические сведения и родословные отдельных семей, взятые из старых источников или собранные в наше время; она содержит также предания и легенды о происхождении казахов. Такое содержание не вытекает из названия книги («Караван кереев»), судя по которому можно подумать о каком-то караванном пути, скажем, о традиционных караванах кереев (или, возможно, рода керей, принадлежащего к одному из современных тюркских народов). Однако слово «караван» включено автором в название книги исключительно в целях аллитерации вместо менее поэтичных и менее аллитерирующих слов «köş» (көш), т.е. «перекочевка» (Kereyler kösi — перекочевка кереев) или «tariyh» (тарих), т.е. «история» (Kereyler tariyhi — история кереев), которые точнее отразили бы действительное содержание книги. Что касается первого компонента заглавия, то он соответствует содержанию, потому что книга повествует об истории только тех казахов, которые принадлежат к роду керей. Число ка-

захов в Монголии, принадлежащих к Среднему жузу, родам найман и уак, составляет менее 1%; они присоединились к кереем и пришли в районы своего нынешнего проживания вместе с ними.

Книга состоит из трех глав. В первой главе автор перечисляет исторические источники, касающиеся далекого прошлого кереев; подробнее он останавливается на основном из них «Сокровенном сказании», цитируя наиболее важные места, касающиеся кереев (с. 5—61). Достоинно сожаления, подчеркивает Мандоки Конгур, что после чтения этой главы мы не обогатились новыми знаниями и что автор не воспользовался представившейся ему возможностью.

Во второй главе обсуждается этногенез казахов и происхождение этнонима «казах» на основе предшествующей литературы (с. 62—76). Вероятно, эта глава могла бы дать много полезных сведений тем, чьи познания в области истории, этнографии и языкознания весьма ограничены, но автор цитирует используемые источники в большинстве случаев с ошибками или вообще не упоминает их, что делает его книгу почти бесполезной для специалистов. И в этой, и в первой главе исторические сведения, имена авторов и даже имена собственные, встречающиеся в настоящих источниках, даны в основном в «специфической» транскрипции Мандоки Конгура (в качестве примера приводятся искаженные имена собственные — Темуджин, Есугей, Субедой и др. из «Сокровенного сказания»). Можно продолжить перечисление таких искажений, так как в книге вряд ли найдется правильно написанное имя собственное.

С тюркологической точки зрения наиболее ценной частью книги является третья глава, в которой автор знакомит читателей с известным в основном генеалогическим преданием казахов (с. 86—91), а также занимается вопросами, связанными с семейными родословными, генеалогическими преда-

нями и легендами казахов (шежере), принадлежащих к роду керей и живущих в Казахстане, Китае и Монголии (с. 91—114). Можно было ожидать, что вопросы будут рассмотрены более детально, поскольку сам автор рецензируемой книги принадлежит к этому роду в Монголии. К сожалению, представленные шежере не отражают даже родословную его собственной семьи или родовой группы, не говоря уже о богатых преданиях казахов рода керей относительно их происхождения. За последние десятилетия были собраны сотни таких шежере, и автор мог охватить в данной книге значительно большее их число. Тем не менее предания и сведения о кереях, собранные в книге, могут оказаться полезными для исследований по истории кипчаков, включая проживающих в Венгрии, включает рецензент.

С монгольскими казахами связан в основном феномен нынешней внутрисоциальной жизни Казахстана — оралманами. Из Монголии переселились порядка 50—60 тысяч человек, получив статус иностранных рабочих и вынужденно сохраняя монгольское гражданство. Большинство из них были расселены в северных областях: Кокчетавской, Павлодарской, Карагандинской и Акмолинской. Основную массу эмигрантов из Монголии составили урбанизированные казахи, которые, потеряв работу в городах, предпочли уехать в Казахстан, чем возвращаться в сельскую местность в Западной Монголии.

Интеллектуалы и студенты осели в Алма-Ате. Переселение монгольских казахов в богатые южные области республики было заблокировано как административными мерами, так и объективной ситуацией на рынке. С трудом переселенцы осваиваются на родине предков, часть из них решила вернуться в Монголию. Монгольское правительство поддержало казахскую эмиграцию, но затем оно также приветствовало их возвращение в Монголию, исходя из опасе-

ний ойратского сепаратизма и экономических соображений, так как аймаки Западной Монголии попросту опустели.

* * *

Важной особенностью, характерной для казахских общин за рубежом в основном до 1991 г., являлось отсутствие объединенных организаций и устройства казахских обществ, которое может быть объяснено их малочисленностью, что приводило к вступлению казахов в объединения и этнические организации турецких ассоциаций. Ситуация изменилась после провозглашения суверенитета и независимости Республики Казахстан.

Казахская диаспора в разных странах мира неоднородна в социальном, экономическом, правовом, культурном и образовательном отношениях. Чаще всего она формируется из трех стран выхода или бывшего проживания — Казахстана, Турции и Китая, а затем далее распространяется по всему миру. Для казахов, проживающих в разных странах мира, более характерен трилингвизм: для представителей Казахстана — русский, казахский и язык страны пребывания, для выходцев из Синьцзяна — китайский, казахский и язык страны пребывания, для представителей казахской общины в Турции, соответственно, турецкий, казахский и язык страны пребывания. Употребление казахского языка вторым и третьим поколениями казахской диаспоры оставляет желать лучшего. Очень часто казахский язык остается невостребованным, так как говорят они, прежде всего, на языках страны выхода и пребывания. Казахский язык практически очень редко употребляется у младшего поколения.

В Соединенные Штаты Америки казахи начали эмигрировать после Второй мировой войны. В основном казахское население в США можно разделить на несколько групп: 1) бывшие граждане СССР, во время Второй мировой войны попавшие в

плен и содержавшиеся в концентрационных лагерях на территории Германии, освобожденные союзническими войсками и после проверок отправленные на местожительство в Турцию по их собственной просьбе, а затем из Турции иммигрировавшие в Штаты, где на сегодняшний день проживают их второе и третье поколения; 2) казахи из Турции, являвшиеся составной частью турецкой трудовой иммиграции, получившие работу, а после пяти лет постоянного (безвыездного) пребывания в стране и статус граждан США; 3) казахи из КНР, приезжающие в США через Японию, Тайвань, пересекающие Тихий океан, остающиеся определенное время на учебу или работу на Тихоокеанском побережье, а затем получающие возможность более продолжительного нахождения и жизнедеятельности в стране; 4) казахи из Республики Казахстан, приезжающие на учебу или работу и 5) получившие гражданство вследствие межэтнических браков с гражданами США.

Соединенные Штаты Америки как мультикультурная и полиэтническая страна стала привлекать внимание казахских мигрантов только в середине 1960-х гг. вследствие либерализации иммиграционных законов 1965 г.

Отличительной чертой казахской общины в Великобритании является ее сильная разобщенность, до сих пор не налажены тесные связи между казахами, прибывшими из КНР, Турции и Казахстана. По данным, зафиксированным казахским обществом, в Лондоне проживают 65 представителей казахской диаспоры — выходцев из Турции. Но в это число не включены казахи, прибывшие из КНР, Казахстана и других стран мира.

В ФРГ казахи стали переезжать в середине 1960-х гг. как составная часть турецкой трудовой иммиграции. Кроме того, для казахов играл не последнюю роль факт, что во время Второй мировой войны в Берлине был образован «Туркестанский легион», в котором казахи по численности зани-

мали второе место после узбеков. В ФРГ было организовано два казахских общества — в Мюнхене и Кёльне — для проведения культурно-образовательных мероприятий среди подрастающей казахской молодежи.

Одним из самых злободневных вопросов казахской диаспоры в ФРГ является языковая проблема. В основном казахи в семьях говорят на турецком языке, дети — чаще всего на немецком. Поэтому и возникла необходимость в организации этих казахских обществ для приобщения молодого казахского поколения к языку и культурным ценностям своего родного народа. 1993 г. в Мюнхене начал издаваться «Бюллетень казахских тюрок Европы». В бюллетене помещалась информация о событиях, происходящих в казахских общинах в Турции, Германии, Франции, Швеции, Австрии, Великобритании, Швейцарии и Дании, публиковались сообщения о достижениях в Казахстане.

В середине 1960-х гг. турецкие рабочие начали трудовую иммиграцию в Скандинавские страны, среди которых предпочтение отдавалось Швеции. В настоящий момент около 24 тысяч турецких иммигрантов проживают в Швеции, среди которых и казахи. Как отмечалось выше, в 1981 г. шведский этнолог Ингвар Сванберг напечатал статью в журнале *Nord Nytt*, посвященную казахским рабочим, проживавшим в Швеции. В ней, в частности, И. Сванберг вкратце описал миграционные пути казахов, приведших их в столь далекую от их родины страну. Но в основном данная работа была посвящена исследованию этнографических проблем этой небольшой этнической группы, пытавшейся сохранить отдельные традиции своего этноса.

Интересный момент заключается в том, что И. Сванберг попытался сравнить ее с казахской общиной в Западном Берлине. Согласно исследованиям И. Сванберга, часть казахов из Турции, часть из ФРГ переехали в Швецию в середине

1960-х гг. Там они были направлены в город Евле и получили работу вместе с другими гостевыми рабочими. Так поселились первые группы казахов в Швеции, за которыми вскоре последовала целая цепь миграций, основанных на родственных отношениях, что очень характерно как для турецкой, так и для казахской трудовой иммиграции.

Безусловно, основная масса представителей казахской диаспоры продолжает проживать в разных странах мира, однако некоторая часть, в силу различных причин, возвращалась и возвращается на свою историческую родину — в Казахстан. Процесс репатриации казахов в Казахстан многогранен и непрост, имеет свои исторические корни и последствия.

С середины 1990-х гг. правительство Казахстана проводит широкомасштабную политику по возвращению оралманов на родину предков. Помимо казахов из Монголии, к нам прибывают соплеменники из Ирана, Афганистана, Узбекистана и Туркменистана. Процесс этот чрезвычайно сложный с социально-культурной и лингвистической точек зрения. Сегодняшний Казахстан — это европейски ориентированное в своем развитии государство, значительная часть населения которого предпочитает говорить на русском языке. Процесс адаптации идет медленно и с определенными проблемами.

Этот процесс не может повлиять на главный стратегический вектор в развитии казахов как на территории собственно Казахстана, так и казахских диаспор. Этот вектор заключается в неизбежном отказе от традиционного кочевого наследия и переходе к современному, модернизированному образу и стилю жизни. Характерно, что этот процесс затронул не только жизнь казахстанских казахов, для которых он был во многом вынужденным выбором, но и потомков китайских казахов, расселившихся в Турции и странах Запада. Но для последних выбор был делом сугубо добровольным.

Источники и литература к Части III

Абдыгалиев Б. Государственная политика и межнациональные отношения в Республике Казахстан. — Алматы, 1996. — 75 с.

Абдыгалиев Б. Россия и казахстанские русские. — Алматы: КИСИ, 1997. — 118 с.

Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI в. — Алма-Ата: Наука, 1985. — 104 с.

Абусейтова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV—XVII вв.: история, политика, дипломатия. — Алматы: Ғылым, 1998. — 268 с.

Агеев А.И., Байшуаков А.Б., Куроедов Б.В. Стратегическая матрица Казахстана: ретроспектива, современность и сценарии будущего развития. — М.: ИНЭС, 2006. — 328 с.

Агеев А.И., Байшуаков А.Б., Сейтимов Е. Элита Казахстана. — Алматы: ИНЭС-ЦА, 2008. — 404 с.

Акимбеков С.М. История степей: феномен государства Чингис-хана в истории Евразии. — Алматы: Центр Азии, 2011. — 640 с.

Английские путешественники в Казахской степи / Пер. Д.М. Костиной. Сост. И.В. Ерофеева. — Алматы: Санат, 2006. — 312 с.

Антология истории Казахстана. История Казахстана в западных источниках XII—XX вв. Том III: Казахи Китая. Очерки по этническому меньшинству (сборник статей). Часть I / Под ред. Л. Бенсон и И. Сванберга; И. Сванберг. Казахские беженцы в Турции. Исследование по культурному выживанию в условиях социальных перемен. Часть II / Пер. с англ. Б.М. Сужикова. Сост. Г.М. Мендикулова. — Алматы: Санат, 2005. — 456 с.

Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. — М., 1965. — 195 с.

Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). — Алма-Ата: Наука, 1971. — 276 с.

Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Том первый. С древнейших времен до 1870 г. — М., 1941. — 368 с.

Джунусова Ж.Х. Республика Казахстан: Президент. Институты демократии. — Алматы: Жеті Жарғы, 1996. — 208 с.

Есмагамбетов К.Л. Что писали о нас на Западе. — Алма-Ата: КазГУ, 1992. — 152 с.

История Казахстана в русских источниках. Том I. Посольские материалы Русского государства (XVI—XVII вв.). Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словариков указателей А. Исина. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 704 с.

История Казахстана в русских источниках. Том 2. Русские летописи и официальные материалы XVI — первой трети XVIII в. о народах Казахстана. Сост., транскрипция, комментарии, вступительная статья И.В. Ерофеевой. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 448 с.

История Казахстана Т. 1-5. — Алма-Ата: Наука, 1976—1981.

История Казахстана Т. 1-5. — Алматы: Ғылым, 2011.

История Казахстана. Очерки. — Алматы, 1994.

История Казахской ССР. — Алматы, 1985.

Кадырбаев А.Ш., Шаймерденова М.Д. Страна изучаемого языка: История, география и культура Казахстана. — М.: Тезаурус, 2012. — 348 с.

Казахстан сегодня. Под ред. Б. Султанова. — Алматы: КИСИ, 2009. — 416 с.

Каруц Р. Среди киргизов и тукменов на Мангышлаке / Пер. с нем. — СПб., 1910.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. — Алма-Ата, 1992. — 375 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.Н. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. — СПб., 2000. — 320 с.

Козыбаев И.М. Вопросы внешней политики и истории Казахстана. — Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2014. — 241 с.

Кузембайулы А., Абиля Е. История Казахстана. — Астана, 2002.

Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность / Предисл. Н. Космарской. Пер. с франц. Т. Григорьевой. — М.: Наталис, 2007. — 360 с.

Лаумулин М.Т. Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, геополитика, политология. — Алматы: КИСИ, 2000. — 478 с.

Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том I: Центральная Азия и Казахстан в современной политологии. — Алматы: КИСИ, 2005. — 704 с.

Лаумулин М., Лаумулин Ч. Дети степей. Книга о Казахстане и его жителях. — Алматы: Жибек Жолы, 2009. — 152 с.

Маданова М.Х. Казахстан — Франция. Малоизученные страницы общения народов в XIX в. — Алматы: Казахстан, 1993.

Матвиевский П.Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР (Москва, АН СССР). N 4. — С. 133—145.

Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развитие. — Алматы: Ғылым, 1998. — 262 с.

Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. Мин-во образования и науки РК, Ин-т востоковедения им. Р.Б. Сулейменова. — Алматы: Всемирная Ассоциация казахов, 2006. — 342 с.

Назарбаев Н.А. На пороге XXI в. — Алматы: Өнер, 1996. — 228 с.

Назарбаев Н.А. Пять лет независимости. — Алматы: Казахстан, 1996.

Назарбаев Н.А. Эпицентр мира. — Алматы: Кайнар, 2001. — 294 с.

Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. — Алматы: Атамұра, 2003. — 240 с.

Назарбаев Н.А. В Сердце Евразии. — Алматы: Атамұра, 2005.

Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. — Астана, 2006.

Назарбаев Н.А. Путь Казахстана. — Астана, 2007.

Немецкие исследователи в Казахстане. Часть 1 / Пер. с нем. Л.А. Захаровой. Сост. И.В. Ерофеева — Алматы: Санат, 2006. — 408 с.; Немецкие исследователи в Казахстане. Часть 2 / Пер. с нем. А.П. Евдокимова и Л.И. Быковской. Сост. И.В. Ерофеева. — Алматы: Санат, 2006. — 312 с.

Олкотт М.Б. Казахстан: непройденный путь. — М.: Гендальф, 2003. — 354 с.

Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в. (вопросы политической и социально-экономической истории). — Алма-Ата: Наука, 1977. — 288 с.

Потенциальные этноконфликты в Казахстане и превентивная этнополитика. — Алматы: КИСИ, 1997. — 38 с.

Прошлое Казахстана в источниках и материалах — Сост. С.Д. Асфендияров и П.А. Кунте. — Алма-Ата, 1935.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. — М.: Наука, 1989.

Руденко С.И. Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сагыза / Казаки: Антропологические очерки. — Л., 1927. Т. 1.

Сатпаева Ш.К. Казахско-европейские литературные связи XIX и первой половины XX в. — Алма-Ата: Наука, 1972. — 220 с.

Сванберг И. Казахи Китая. Очерки по этническому меньшинству (сборник статей). Часть I / Под ред. Л. Бенсон и И. Сванберга; И. Сванберг. Казахские беженцы в Турции. Исследование по культурному выживанию в условиях социальных перемен. Часть II / Пер. с англ. Б.М. Сужикова Сост. Г.М. Мендикулова. — Алматы: Санат, 2005. — 456 с.

Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. — Алматы: КИСИ, 1998. — 188 с.

Султанов Б.К., Музапарова Л.М. Становление внешней политики Казахстана. — Алматы: ИМЭП, 2005. — 347 с.

Султанов Т.Н. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). — М., 1982. — 134 с.

Сыроежкин К.Л. Эволюция формирования и основные черты концепций национальной политики КПК. — Алматы: КИСИ, 1998. — 132 с.

Сыроежкин К.Л. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика. — Алматы: КИСИ, 1998. — 157 с.

Токаев К.К. Под стягом независимости. Очерки о внешней политике Казахстана. — Алматы: Білім, 1997. — 736 с.

Толибеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. Политико-экономический анализ. — Алма-Ата, 1971.

Трофимов Д. Центральная Азия: проблемы этноконфессионального развития. — М.: МГИМО, 1994. — 55 с.

Французские исследователи в Казахстане / Пер. с фр. О.В. Рублевой. Сост. И.В. Ерофеева — Алматы: Санат, 2006. — 272 с.

Чжен Кун Фу. Геополитика Казахстана: между прошлым и будущим. — Алматы: Жеті Жарғы, 1999. — 416 с.

Чулошников А.П. Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. — Оренбург: Киргизское государств., изд-во, 1924.

Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. (Вопросы образования, эволюции и разложения). — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964.

Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675—1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах / Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев, составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. — Алматы: АБДИ-Компании, 2014. — 696 с.

Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связей с казахскими и другими соседними народами // Изв. АН Каз ССР. Серия общ. наук. Вып. 3. 1965.

Юдин В.П. Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV — XVIII вв. // Юдин В.П. Центральная Азия в XIV — XVIII вв. глазами востоковеда. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — С. 17—71.

Abazov R. Culture and Customs of the Central Asian Republics. — Westport (CT), London: Greenwood Press, 2007. — XIV+286 p.

Akiner Sh. The Formation of Kazakh Identity: from Tribe to Nation-State. — London: Royal Institute of International Affairs, 1995. — VIII + 83 pp.

Allworth E. (ed.) Central Asia: A Century of Russian Rule. — New York: Columbia University Press, 1967. — 550 p.

Bacon E.E. Central Asia under Russian Rule. A Study in Cultural Change. — Ithaca, New York: Cornell University Press, 1966. — 273 p.

Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. Les musulmans oubliés. L'Islam en Union Soviétique. — Paris: Maspero, 1981. — 320 p.

Benson L., Svanberg I. The Kazakhs of China. Essays on the Ethnic Minority. — Uppsala: Uppsala University Press, 1988. — 250 p.

Benson L., Svanberg I. China's Last Nomads. The History and Culture of China's Kazaks. — New York: M.E. Sharp, 1998. — XIII+251 pp.

Blanchard L. Le Kazakhstan // *Études et Conjoncture. Cahiers de l'INSEE*. 1961. N 5. Pp. 405—487.

Bodger A. Abulkhair Khan of the Kazakh Little Horde, and His Oath of Allegiance to Russia of October 1731 // *The Slavonic and East European Review*. 1980. Vol. 58. N 1. Pp. 40—57.

Bodio T., Wojtaszczyk R.A. Kazakhstan. Historia — społecznstwo — politika. — Warszawa: IPS UW, 2000. — 500 s.

Brummel P. Kazakhstan: the Brandt Travel Guide. — Guilford (CO): Brandt Travel, 2008. — VII+408 pp.

Brentjes B., Albaum L.I. Herren der Steppe. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker in islamischer Zeit. — Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaft, 1986. — 192 S. (3. Auflage).

Cagnat R. La rumeur des steppes. Aral, Asie centrale, Russie. — Paris: Payot et Rivages, 2001. — 322 p.

Chambre H. Le Kazakhstan: tiers-monde soviétique? // *Union Soviétique et développement économique*. 2-me partie. — Paris: Aubier Montaigne, 1967. Pp. 259—370.

Cashel J., Kedzic Ch. Kazakhstan: Programs and Prospects // *Central Asia Monitor*. 1993. N 2. Pp. 5—11.

Clark, Milton J. How the Kazaks Fled to Freedom // *National Geographic Magazine*. 1955. N 106. Pp. 621—644.

Connolly V. Beyond the Urals. Economic Development in Soviet Asia. — London: Oxford University Press, 1967. — 420 p.

Contemporary Kazaks. Cultural and Social Perspectives. Ed. By I. Svanberg. — Richmond: Curzon Press, 1999. — XI+151 pp.

Contemporary Kazakhstan: the Way Ahead. Eds. by A. Mohanty and S. Swain. — New Delhi: Axis Publications, 2009. — XV+314 pp.

Cummings S.N. Kazakhstan. Centre-Periphery Relations. — London: The Royal Institute of International Affairs, 2000. — VIII + 55 pp.

Demko G.J. The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896—1916. — Boomington, Indiana: Indiana University Publications, Uralic-Altai Series, Vol. 99, 1969.

Dingelstedt V. Le droit coutumier des Kirghiz // *Revue Générale des Droits, de la Legislation et de la Jurisprudence*. 1890. Vol. 14. Pp. 141—155, 213—225, 320—330, 451—462, 516—525.

Dave B. Kazakhstan — Ethnicity, Language and Power. — London: SOAS, 2008. — 256 p.

Dingelstedt V. Le régime patriarcal et de le droit coutumier des Kirghiz. — Paris: Thorin, 1891. — 96 p.

Dixon A. Kazakhstan: Political Reform and Economic Development. — London: The Royal Institute of International Affairs, 1994. — X+42 pp.

Dreyer J.T. The Kazakhs in China // A. Suhrke and L.G. Noble, eds., *Ethnic Conflict and International Relations*. — New York: Praeger, 1977. Pp. 146—177.

Eschment B. Hat Kasachstan ein «Russches Problem»? — Köln: BIOIS, 1998.

Fell Vans-Agnew O. A British Familiy in the Kazakh Steppe // *Central Asian Review*. 1962. Vol. 10. N 1. Pp. 5—11.

Facchini F. (a cura di). Popoli della Yurta. Kazakhstan tra le origini e la modernita. — Milano: Jaca Book, 2008. — 320 p.

Findeisen H. Zur Geschichte der kasachisch-russischen Beziehungen. — Augsburg: Institut für Menschen und Menschheitskunde (N 255), 1958. — 25 S.

Finke P. Nomadismus der Kasachen in der Westmongolei. — Berlin: Freie Universitat, 1995.

Forde, C.D. The Kazak: Horse and Sheep Herders of Central Asia // Y.A. Cohen. *Man in Adaptation: The Cultural Present*. — Chicago: Aldine Publishing Co., 1968. Pp. 299—309.

Fourniau V. Histoire de l'Asie Centrale. — Paris: Presses Universitaires de France, 1994. — 128 p.

Giese E. Nomaden in Kasachstan // *Geographische Rundschau* (Braunschweig). 1983. H. 11. S. 575—588.

Grossler S. Kasachstans schwieriger Weg in die Unabhangigkeit: ein Erfahrungsbericht. — Köln: BIOIS, 1993.

Gumpfenberg M.-C. von. Staats- und Nationsbildung in Kasachstan. — Opladen: Leske und Budrich, 2002. — 231 S. (Forschung Politikwissenschaft; Bd. 150).

Hancock-Parmer M. The Soviet study of the Barefooted Flight of the Kazakhs // *Central Asian Survey*. 2015 (Oxford). Vol. 34. Issue 3. Pp. 281—295.

Holm-Halsen J. Territorial and Ethno-Cultural Self-government in Nation-building in Kazakhstan. — Oslo: Norwegian Institute for Urban and Regional Research, 1997. — 100 p.

Hudson A.E. Kazak Social Structure. — New Haven: Yale University Press, 1938.

Karutz R. Von kirgisischen Hochzeit und Ehe auf Mangyschlak // *Globus*. 1910. Bd. 97, S. 37—43.

Karutz R. Unter Kirgisen und Turkmenen. Aus dem Leben der Steppe. — Berlin, Leipzig: Klinkhardt und Biermann, 1911. — 151 S.

Kazakhstan Special. Ed. by K. Warikoo. *Himalayan and Central Asian Studies* (New Delhi). 2006. Vol. 10. N 4. — 136 p.

Kazakhstan Special // *Himalayan and Central Asian Studies* (New Delhi). 2008. Vol. 12. N 3-4. — 182 p.

Kasachstan. Staat im Zentrum Eurasiens. *Wostok Spezial // Wostok* (Berlin). 2001. N 4. S. 1—82.

Kasachstan: Daten und Fakten. — Berlin: Köthen, 2003. — 193 S.

Kazakhstan Today. Ed. by B. Sultanov. — Almaty: KazISS, 2010. — 356 p.

Kendirbaeva G. 'We are children of Alash...' The Kazakh Intelligentsia at the beginning of the 20th Century in Search of

National identity and prospects of the Cultural Survival of the Kazakh People // *Central Asian Survey*. 1999. Vol. 18. N 1. Pp. 5—36.

Khazanov A., Winck A. (eds.) *Nomads in the Sedentary World*. — Richmond: Curzon, 2001. — 210 pp.

Krader L. *Bibliography of Kazakhstan*. — Washington, DC, 1954. — 40 p.

Krader L., Wayne L. *The Kazakhs*. — Washington, 1955.

Krader L. *Ethnonymy of Kazakh*. *American Studies in Altaic Linguistics*. — Bloomington, The Hague: Indiana University Press, 1962. — 123 p.

Krader L. *Peoples of Central Asia*. — Bloomington, The Hague: Indiana University Press, 1963. — 320 p.

Krader L. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. — The Hague: Mouton, 1963. — 412 p.

Krader L., Wayne I. *The Kazakhs: A Background Study for Psychological Warfare*. — Washington, D.C.: Human Resources Research Office Technical Report, 1955.

Laruelle M., Peurouse S. *Les russes du Kazakhstan: identités nationales et nouveau États dans l'espace post-soviétique*. — Paris: Maisonneuve et Larose, 2004.

Laude-Cirtautas I. *Terms of Endearment in the Speech of the Kazakh Elders* // *Central Asiatic Journal* (Wiesbaden). 1979. Vol. XXIII. N 1-2. Pp. 84—95.

Laumulin M., Laumulin Ch. *The Kazakhs: Children of the Steppes*. — Kent (UK): Global Oriental, 2009. — XI+150 pp.

Laumulin M. *The Security, Foreign Policy and International Relationship of Kazakhstan after Independence: 1991—2001*. — Almaty: KazISS and Friedrich Ebert Stiftung, 2002. — 212 p.

Le Kazakhstan: Partenaire Stratégique de l'Europe // Diplomatie. Affaires Stratégiques et Relations Internationales. — Paris: AREION, 2009. — 16 p.

LeDonne J.P. *The Russian Empire and the World 1700—1917: the Geopolitics of Expansion and Containment*. — New York, Oxford: Oxford University Press, 1997. — XXI+394 pp.

Létolle R., Mainguet M. *Der Ararlsee. Eine Ökologische Katastrophe*. — Berlin, Heidelberg: Springer, 1996. — 517 S.

Létolle R. *La mer d'Aral*. — Paris: L'Harmattan, 2009. — 318 p.

Levchine A. *Manière de vivre de kirghiz-kaissaks* // *Journal Asiatique*. 1831. N 7. Pp. 217—223.

Lévi-Strausse C. *Les structures élémentaires de la parenté*. — Paris, 1949.

Levshin A.I. *Description des hordes et des steppes Kirghiz-Kazakhs*. — Paris, 1840.

Lias G. *Kazak Exodus*. — London: Evans Brothers Limited, 1956.

Light N. *Qazaqs in the People's Republic of China: The Local Processes of History*. *Occasional Paper N 22*. — Bloomington, Indiana: MacArthur Scholars Series, 1994.

Light N. *Kazakhs of the Tarbagatai: Ethno-History through the Novel* // *Turkish Studies Association Bulletin*. 1992. Vol. 17. N 2. Pp. 91—101.

Martin V. *Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century*. — London: RoutledgeCurzon, 2001.

Mayerczak R. *La justice chez les Kirgiz-Kazaks* // *Revue du Mond Musulman*. 1917—1918. Vol. XXXV. Pp. 254—272.

Mayerczak R. *Renseignement historique sur les Kazaks ou Kirghizes-Kazaks depuis la formation de la Horde Kazaks jusqu'à la fin du XIX siècle* // *Revue du Mond Musulman*. 1921. Vol. 43. Pp. 54—220.

Morrison I. *Some Notes on the Kazakhs of Sinkiang* // *Journal of the Royal Central Asian Society*. 1948—1949. N 36. Pp.67—71.

Moseley G. A Sino-Soviet Cultural Frontier: The Hi-Kazakh Autonomous Chou. — Cambridge: East Asian Research Center, Harvard University, 1966.

Nazarbaev N. Without Right and Left. — London, 1992.

Nazarbajew N. An der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Übers. von G. Rieger und M.D. Drevs. — Nürnberg: Harnisch, 1997. — 260 S.

Nazarbaev N. Sans droites ni gaushes. — Lausanne: L'Age d'Homme, 1993. — 225 p.

Nasarbajew N. Kasachstans Weg. — Berlin: Hans Schiler Verlag, 2008. — 270 S.

Nasarbajew N. Epizentrum des Friedens. — Berlin: Hans Schiler Verlag, 2009. — 247 S.

Olcott M.B. The Kazakhs. 2nd Edition. — Stanford: Hoover Institution Press, 1995. — XXIII+388 pp.

Olcott M.B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise. — Washington: Carnegie Endowment, 2002. — XII+321 pp.

Pierce R.A. Russian Central Asia. 1867—1917. A Study in Colonial Rule. — Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1960. — 359 p.

Poujol C. Le Kazakhstan. — Paris: Presses Universitaires de France, 2000. — 128 p.

Poujol C., Gentelle P. (dir.) Peuples des steppes en Asie centrale. — Paris: Autrement, 2002. — 223 p. (Collection Monde N 132).

Price M.Ph. The Great Kazakh Epic // Journal of the Royal Central Asian Society. 1954. N 41. Pp. 249—52.

Robbins Ch. In Search of Kazakhstan. The Land that Disappeared. — London: Profile Books, 2007. — 296 p.

Rona-Tas, A. Notes on the Kazak Yurt of West Mongolia // Acta Orientalia Hungaricce. 1962. N 12. Pp. 79 — 102.

Schatz E. Modern Clan Politics: the Power of 'Blood' in Kazakhstan and Beyond. — Seattle, London: University of Washington Press, 2004. — XXVI + 250 pp.

Schreiber D. Kasachstan entdecken. Auf Nomadenwegen zwischen Kaspischem Meer und Altaj. — Berlin: Trescher Verlag, 2003. — 499 S.

Schreiber D. Kasachstan. Nomadenwege zwischen Kaspischem Meer und Altaj. — Berlin: Trescher Verlag, 2009. — 430 S.

Schwarz H. Otrar // Central Asian Survey. 1998. Vol. 17. N 1. Pp. 5—10. Seeland N. Les Kirghis // Revue d'Antropologie. 1886. Vol. XV. Pp. 25—92.

Svanberg I. Kazak Refugees in Turkey. A Study of Cultural persistence and Social Change. — Uppsala: Uppsala University Press, 1989. — 211 p.

Svanberg I. Kazakstan and the Kazakhs // Graham Smith, ed. The Nationalities Question in the Post-Soviet States. — London: Longman, 1996.

Svanberg I. In Search of a Kazakhstani Identity // Journal of Area Studies. 1994. N 4. Pp. 113—123.

Svanbeg I. (Ed.) Contemporary Kazakhs. Cultural and Social Perspectives. — Richmond: Curzon Press, 1999. — XI + 151 pp.

Teissier B. (ed.) Into the Kazakh Steppe: John Castle's Mission to Khan Abulhair (1736). — Oxford: Signal Book, 2014. — XIV+196 pp.

Wardell J.W. In the Kirghiz Steppes. — London: The Galbry Press, 1961.

Weitz R. Kazakhstan and the New International Politics of Eurasia. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies, 2008. — 189 p.

Weller R.Ch. Rethinking Kazakh and Central Asian Nationhood. — a Challenge to Prevailing Western Views. — Los Angeles: Asia Research Associates, 2006.

Werner C. The Significance of Tribal Identities in the Daily Life of Rural Kazakhs in South Kazakhstan. — New York: Columbia University, 1997.

Wiener T.G. The Kazak Heroic Epos // Journal of the Royal Central Asiatic Society (London). 1951. Vol. 38. Pp. 280—291.

Winner Th.G. The Oral Art and Literature of the Kazakhs of Russian Central Asia. — Durham (NC): Duke University Press, 1958. — 269 p.

Zaleski B. La vie de steppes kirghizes: descriptions, récits, contes. — Paris, 1865. — 56 p.

Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты туралы ақпарат

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған.

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты — мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен қамтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта алты ғылым докторы, он ғылым кандидаттары, PhD, саясаттану, тарих, экономика, әлеуметтану салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ өзінің 22 жылдық қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 250-ден астам кітап басып шығарған. Институт үш мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Қазақстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде).

Бұл басылымдарда сыртқы және ішкі саясат, халықаралық қатынастар, ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасының әлеуметтік және экономикалық саясаты мәселелері жарық көреді, сондай-ақ материалдарды өзінің www.kisi.kz сайтында жариялайды. ҚСЗИ-дың жеке сайты үш тілде: қазақ,

орыс және ағылшын тілдерінде ұсынылған. Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, «дөңгелек үстелдер», халықаралық форумдар өткізеді. ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны — 2003 жылдан дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған Алматы конференциясы. ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстаннан ғана емес, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің, АҚШ-тың, Германияның, Жапонияның, Иранның, Қытайдың, Пәкістанның, Ресейдің, Түркияның, Үндістанның, Францияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

ҚСЗИ негізінде Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері мен шетелдік сарапшылар үнемі тәжірибеден өтіп отырады.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған. ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 010000, Астана,
Бейбітшілік көшесі, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz

Информация о Казахском институте стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

С момента своего возникновения основной задачей Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают шесть докторов наук, десять кандидатов наук, PhD, специалисты в области политологии, истории, экономики, социологии.

За 22 года деятельности в институте было издано более 250 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, круглых столов.

Особый интерес у экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 г. и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии.

В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и уче-

ные из Германии, Индии, Ирана, Китая, Пакистана, России, США, Турции, Франции, Японии и др.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников. Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 010000, Астана,
ул. Бейбитшилик, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.

About the Kazakhstan Institute for Strategic Studies Under the President of the Republic of Kazakhstan

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

Since its foundation the mission of the KazISS as the national research institution is to provide analytical support to the President of the Republic of Kazakhstan, and public administration agencies of Kazakhstan.

The KazISS enjoys a reputation of the leading think tank of Kazakhstan as it employs a highly professional pool of experts; at present it includes six doctors and ten candidates of sciences and PhDs, who specialize in political science, history, economics and sociology.

During the twenty-two years of functioning the KazISS have published more than 250 books on international relations, global and regional security. The Institute publishes three journals: the *Kogam zhane Dayir* in Kazakh, the *Kazakhstan-Spectrum* in Russian and the *Central Asia's Affairs* in English. The KazISS has a trilingual website; in Kazakh, Russian, English.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round tables, including the Annual Conferences (regularly held since 2003) participated by the experts from Kazakhstan, Central Asia as well as Russia, China, Germany, France, India, Iran, Turkey, Pakistan, Japan, the USA and other countries.

The KazISS is the basis for the professional practice work for the students of the leading Kazakhstan universities and for the fellowships for both Kazakhstan's and foreign researchers.

Contact us for any further information:

4, Beybitshilik St.
Astana, 010000
Republic of Kazakhstan
Tel: +7 (717) 75-20-20
Fax.: +7 (717) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Монография

Мурат Турарович Лаумулин

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ**

(к 550-летию Казахского ханства)

Часть III

**Изучение истории и этнографии казахов
в западном востоковедении**

Редактор-корректор **Н.И. Шестакова**

Дизайн обложки **И.В. Новицкий**

Верстка **Е.В. Тушкова**

Подписано в печать 29.02.2016. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л.16,5.

Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик, 4.

Отпечатано в типографии ОО «КРОИВА»
г. Алматы, ул. Ч. Валиханова, д. 115.